

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего
профессионального образования
«Казанский (Приволжский) федеральный университет»

На правах рукописи

СПИРИДОНОВ АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ

**ФУНКЦИОНАЛЬНО-СМЫСЛОВЫЕ ТИПЫ
ОККАЗИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
ВАСИЛИЯ АКСЕНОВА**

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата филологических наук

10.02.01. – русский язык

**Научный руководитель –
доктор филологических наук,
доцент В.Г.Фатхутдинова**

Казань – 2014

Содержание

Введение.....	4
Глава I. Теоретические основы изучения окказиональной лексики в современной лингвистике.....	14
1.1 Сущность окказионального слова.....	14
1.2 Вопрос о структурной специфике окказионализмов.....	23
1.3 Основные аспекты изучения окказиональной лексики в художественных текстах.....	28
Выводы по I главе.....	55
Глава II. Способы образования окказионализмов в текстах романов В.Аксенова.....	57
2.1 Узуальные способы.....	57
2.1.1 Префиксация.....	57
2.1.2 Суффиксация.....	67
2.1.3 Конфиксация.....	75
2.1.4 Сложение.....	76
2.1.5 Аббревиация.....	80
2.2 Неузуальные способы.....	82
2.2.1 Гендиадис.....	83
2.2.2 Контаминация.....	84
2.2.3 Неморфемное усечение.....	86
2.2.4 Графические способы.....	86
2.2.5 Заменительная деривация.....	93
2.2.6 Креация.....	94
2.2.7 Диереза.....	96
2.2.8 Эпентеза.....	97
Выводы по II главе.....	98
Глава III. Семантическая типология окказиональной лексики	

В.Аксенова.....	100
3.1 Проблема описания смысловых групп индивидуально-авторских новообразований.....	100
3.2 Имена собственные.....	104
3.3 Наименования лиц.....	113
3.4 Наименования артефактов.....	124
3.5 Наименования отвлеченных понятий.....	132
3.6 Наименования действий и процессов.....	139
3.7 Наименования признаков.....	145
Выводы по III главе.....	152
Глава IV. Функциональные особенности окказионализмов В.Аксенова..	154
4.1 Функции языка и лексических единиц.....	154
4.2 Основные функции окказиональной лексики писателя.....	169
4.2.1 Номинативная функция.....	169
4.2.2 Эмоционально-экспрессивная функция.....	174
4.2.3 Игровая функция	180
4.2.4 Интертекстуальная функция.....	188
4.2.5 Компрессивная функция.....	190
4.2.6 Идеологическая функция.....	193
4.2.7 Интерлингвистическая функция.....	196
Выводы по IV главе.....	198
Заключение.....	201
Список источников.....	207
Список использованной литературы.....	207

Введение

Творческое наследие Василия Павловича Аксенова, известного русского писателя, автора многочисленных романов, рассказов, пьес и сценариев к фильмам, по мнению критиков, представляет собой неординарное и самобытное явление. В его произведениях присутствуют игровое начало, установка на демократизацию языка, драматизация и карнавализация действительности, сочетание мифического и фантастического планов.

Для В.Аксенова характерен ярко выраженный индивидуальный стиль, сформировавшийся еще в начале его литературной деятельности. Белла Ахмадулина в одной из статей о творчестве писателя отмечает, что его рассказы – «объемные и цветные по слогу» [Ахмадулина 2007: 224].

Литературная деятельность автора, на раннем этапе связанная с диссидентским движением писателей-шестидесятников, характеризуется многообразием проявлений свободы творчества и находит отражение в авангардистских тенденциях. Его произведениям свойственны разнообразие повествования, широта охвата реальности, фольклорные мотивы. Он активно использует жаргонные слова, включает в текст своих произведений популярные песни, обращается к юмору, иронии и сатире. Писатель «воскресил и продолжил ту русскую литературную традицию, которая к середине пятидесятых была, в сущности, изведена под корень – традицию гротеска, фантазии с усмешкой, издевательской и сочувственной одновременно» [Кабаков 2007: 226].

Не менее значимым для формирования идиостиля В.Аксенова является тот факт, что его жизненный и творческий путь теснейшим образом связан с общественно-политической ситуацией, сложившейся в СССР, а затем и в России во второй половине XX века. Писателя интересуют темы государственного устройства, социальных изменений и потрясений, портреты ведущих государственных и политических деятелей, отношения в обществе, а также вопросы права и власти.

Поэтому в текстах его произведений встречается большое количество общественно-политической лексики и соответствующих прецедентных феноменов.

Определяющим фактором в художественном творчестве писателя становится языковая игра: «Вся проза Аксенова <...> демонстрирует нам преимущества стиля деструкции, когда ингредиентом текста становится игра с необязательным набором входящих. Игра без правил!» [Королев 2007: 249]. Одним из видов языковой игры является окказиональное словотворчество. Как пишет его писатель-современник А.Кабаков, создание В.Аксеновым новых слов свидетельствует о том, что «процесс называния не закончился в русской литературе, как и в литературе вообще. <...> Не только Золотой девятнадцатый, но и Серебряный, и мощные эксперименты двадцатых прошлого столетия не исчерпали возможностей присваивания имен всему сущему» [Кабаков 2007: 226]. В этой связи **объектом** нашего исследования стали индивидуально-авторские новообразования, извлеченные из текстов последних романов В.Аксенова.

Необходимо признать, что лингвисты достаточно регулярно обращаются к изучению окказиональной лексики, однако дальнейшая разработка этой темы не теряет своей значимости и актуальности: остаются неизученными новообразования, функционирующие во многих художественных текстах, создаются все новые и новые произведения, в которых авторы обращаются к словотворчеству. Необходимость изучения новообразований обусловлена и отсутствием в лингвистической науке единых критериев определения окказиональности. Между тем «окказиональные слова способны с ярчайшей оригинальностью передавать такие тонкие оттенки смысла и экспрессии, которые бессильны передать обычные слова. Это, собственно, и оправдывает употребление окказионализмов в современной поэтической и – шире – художественной и разговорной речи» [Лыков 1976: 116]. По мнению О.Г.Ревзиной, «выступая в поэтическом тексте точно, локально или интегрально, парадигматически соединяя разные тексты, окказионализмы становятся носителями центральных художественных смыслов»

[Ревзина 1996: 307]. Под окказионализмом в работе понимается «речевая экспрессивная единица, обладающая свойствами невоспроизводимости (творимости), ненормативности <...> и словообразовательной производности» [Лыков 1976: 36].

Словотворчество можно рассматривать не только как результат креативной авторской деятельности, но и как самостоятельное стилеобразующее средство. Наряду с композицией произведения, отбором лексических единиц, системой выразительных средств, авторское словообразование является одним из составляющих понятия «индивидуальный стиль». Поэтому окказионализмы В.Аксенова – это средство выражения идиостиля писателя и одновременно его мировосприятия. « ... Вылавливая слова и сочетания слов в невнятном шуме реальности, Аксенов превращает их в знаки, по которым эта реальность реконструируется» [Кабаков 2007: 226].

Следует отметить, что исследования, в которых анализируется творчество данного автора, являются преимущественно литературоведческими. На данный момент в лингвистической науке существует лишь несколько работ, посвященных анализу его языка. В двух исследованиях рассматриваются функции иноязычной лексики в художественных текстах писателя: это диссертация Н.В.Колесовой «Заимствования в идиостиле В.Аксенова» [2005] и работа Т.И.Большаковой «Иноязычные вкрапления в художественных произведениях В.П.Аксенова» [2008]. В диссертации Е.С.Агаповой «Языковая репрезентация темпоральности в «молодежной прозе» В.Аксенова (на материале повестей «Коллеги», «Звездный билет», «Апельсины из Марокко», «Пора, мой друг, пора»)» [2013] рассматривается функционально-семантическая категория времени. Наконец, единственным исследованием, в котором анализируются проблемы словотворчества писателя в аспекте языковой игры, является диссертация О.В.Залесовой «Языковая игра в творчестве В.Аксенова» [2002].

Предметом нашего исследования стали структурно-семантические и функциональные особенности окказионализмов писателя.

Актуальность диссертационной работы заключается в необходимости решения целого ряда задач в области теории окказионального словообразования. Изучение индивидуально-авторских лексических единиц позволяет выявить возможные тенденции и перспективы развития словообразовательной системы русского литературного языка, поскольку в новообразованиях художников слова, и в частности, творчестве В.Аксенова, отражаются наиболее частотные модели языковых трансформаций. Структурно-семантический и функциональный анализ окказионализмов писателя дает возможность установить и описать стилистические ресурсы словообразования, характерные для языка художественной литературы XX века.

Кроме того, в настоящее время существует необходимость более полной, системной характеристики тезауруса писателя, в том числе и окказиональной лексики, являющейся, как нам представляется, одним из средств отражения системы его мировоззрения и художественно-образного мировосприятия.

Научная новизна исследования определяется тем, что в нем впервые предпринята попытка комплексного описания структурно-семантических и функциональных особенностей индивидуально-авторских новообразований в художественных текстах В.Аксенова. В диссертации устанавливается связь между семантикой и функциями окказионализмов, рассматривается явление полифункциональности новообразований, выявляются узуальные и неузуальные способы создания окказиональных слов, описывается специфика их семантической и словообразовательной структуры, а также анализируются причины, по которым окказиональные лексические единицы включаются автором в текст произведений.

Новаторство работы обеспечивается также тем, что в научный оборот впервые вводятся тексты произведений В.Аксенова, до сих пор не становившиеся предметом лингвистического анализа.

Материалом для анализа послужили произведения В.Аксенова, написанные после 2000 года: роман «Кесарево свечение» (2000) – по словам автора, его «лучшее и любимейшее творение»; роман «Москва Ква-Ква» (2006) о реальной и вымышленной жизни столицы СССР; роман «Редкие земли» (2007) о жизни и непростой судьбе бывших лидеров ЦК ВЛКСМ, ставших олигархами; в том числе и опубликованные после его смерти: «Таинственная страсть (роман о шестидесятниках)» (2007) о культовых личностях советской литературы и искусства 60-х гг. XX века; неоконченный автобиографический роман «Ленд-лизовские. Lend-leasing» (2008) о юности писателя. Для подтверждения выявленных закономерностей в исследовании были использованы языковые факты, извлеченные из более ранних произведений автора: «Ожог» (1975) и «Новый сладостный стиль» (1996). В целом было проанализировано 987 окказиональных единиц.

Теоретической и методологической базой исследования послужили труды ведущих отечественных лингвистов в области окказионального словообразования русского языка: Н.Г.Бабенко, М.А.Бакиной, О.Г.Баталова, В.Н.Виноградовой, Г.О.Винокура, О.А.Габинской, Д.В.Гугунавы, О.В.Залесовой, Е.А.Земской, В.П.Изотова, С.В.Ильясовой, Н.З.Котеловой, Е.С.Кубряковой, В.В.Лопатина, А.Г.Лыкова, Р.Ю.Намитоковой, В.Н.Немченко, Н.А.Николиной, В.В.Панюшкина, Т.В.Поповой, Л.В.Радибурской, Т.А.Сидоровой, И.С.Улуханова, Э.И.Ханпиры, Н.М.Шанского, А.В.Шумиловой, А.А.Шишикиной, Н.А.Янко-Триницкой и др., а также работы казанских ученых-дериватологов: А.А.Аминовой, Э.А.Балалыкиной, В.М.Маркова, Г.А.Николаева, Т.М.Николаевой, А.Г.Садыковой, В.Г.Фатхутдиновой, продолжающих традиции Казанской лингвистической школы.

При анализе языкового материала в работе был использован описательно-аналитический **метод**, а также методика и приемы структурно-семантического и функционально-стилистического анализа.

Теоретическая значимость работы заключается в комплексном анализе феномена словотворчества В.Аксенова, результаты которого имеют важное значение

для уточнения и дальнейшей разработки отдельных вопросов теории окказиональности: проблемы соотношения в окказиональном слове информативности и экспрессивности; возможности классификации окказионализмов по их заданности / незаданности языковой системой, по выполняемым языковым функциям, а также распределения по смысловым и тематическим группам.

Результаты исследования дают возможность более полно охарактеризовать стилистические ресурсы русского словообразования, вносят определенный вклад в теорию номинативной деривации, а также в неологию и неографию русского языка. Диссертационное исследование также значимо в плане изучения перспектив развития русского литературного языка, его функционально-стилистических возможностей и экспрессивно-эстетического потенциала.

Отдельные теоретические положения могут быть применены при изучении окказионализмов других писателей и поэтов, и в частности, при решении вопроса о соотношении и взаимодействии индивидуально-авторского и узуально-традиционного в языке.

Практическая значимость работы состоит в том, что полученные результаты можно использовать в практике вузовского и школьного преподавания таких дисциплин, как лексикология, словообразование, лингвопоэтика, стилистика русского языка, культура речи; в разработке спецкурсов, посвященных окказиональному словотворчеству и идиостилю отдельных писателей. Данные, представленные в исследовании, могут быть полезны при создании словарей окказионализмов, в том числе и словаря новообразований В.Аксенова.

Апробация основных положений и результатов исследования осуществлялась на Международной научно-практической конференции «Русский язык и литература в тюркоязычном мире: современные концепции и технологии» (Казань, 2012); Международной научной конференции «Речевая коммуникация в современной России» (Омск, 2013); Международной научно-практической заочной конференции «Современные проблемы филологии и методики преподавания языков:

вопросы теории и практики» (Елабуга, 2013); Заочной всероссийской с международным участием научно-практической конференции «Общество на рубеже эпох: современность через призму социальных и гуманитарных наук: материалы» (Пермь, 2012); на итоговых научных конференциях профессорско-преподавательского состава и аспирантов Казанского федерального университета (Казань, 2012, 2013, 2014).

Результаты исследования отражены в 11 публикациях, 5 из которых опубликованы в изданиях, включенных в утвержденный ВАК РФ перечень ведущих рецензируемых научных журналов.

Цель исследования — выявить и описать основные типы окказиональной лексики Василия Аксенова в структурно-семантическом и функциональном аспектах.

Для реализации данной цели в работе ставятся и решаются следующие **задачи**:

- 1) дать характеристику основным направлениям изучения окказиональной лексики в современной лингвистической науке;
- 2) выявить узуальные и неuzuальные способы образования окказионализмов В.Аксенова, описать своеобразие их словообразовательной структуры;
- 3) рассмотреть основные смысловые группы окказионализмов писателя в соответствии с их лексико-грамматическими характеристиками;
- 4) охарактеризовать функциональные особенности индивидуально-авторских новообразований в текстах романов писателя;
- 5) установить специфику окказионального словотворчества В.Аксенова.

На защиту выносятся следующие положения:

1. В словотворчестве В.Аксенова представлены как узуальные (префиксация, суффиксация, конфиксация, сложение, аббревиация), так и неuzuальные (гендиадис, контаминация, неморфемное усечение, графические способы, заменительная деривация, креация, диереза, эпентеза) способы создания окказионализмов. В словообразовательной структуре многих новообразований наблюдается отступление

от языкового канона, обусловленное использованием нехарактерной для словообразовательной модели мотивирующей основы или деривационного средства, а также фактами чересступенчатого словообразования. В сфере неузального словопроизводства наиболее частотными являются конструкции, созданные путем графической деривации. Они находят воплощение в окказиональных дефисных комплексах, совмещающих в себе признаки единиц различных языковых уровней – сложных слов, словосочетаний и предложений.

2. Авторские неолексемы характеризуются смысловым многообразием и распределяются по тематическим группам неравномерно. В художественных текстах писателя представлены окказиональные имена собственные (антропонимы и топонимы), наименования лиц (женского пола, по профессии, национальности, месту жительства, внешним признакам, поведению и чертам характера), частей тела, артефактов (транспортных средств, зданий и сооружений, предметов быта, оружия, одежды и продуктов питания), отвлеченных понятий, процессов и признаков. Для многих новообразований В.Аксенова характерна ярко выраженная прецедентность и коллоквиализация.

3. Индивидуально-авторские неологизмы писателя представляют собой особый тип изобразительно-выразительных средств, эмоционально-экспрессивная окраска которых, как правило, сопровождается пейоративной или (реже) мелиоративной оценочностью. Экспрессивность создается за счет стилистически маркированных словообразовательных средств и производящих основ, функционирования в рамках одного контекста окказиональных кодериватов, наличия определенного лексического окружения.

4. Окказионализмы в текстах романов В.Аксенова способны выполнять номинативную, эмотивную, игровую, компрессивную, «идеологическую» и другие функции. Большинству из них свойственна полифункциональность. Особый тип экспрессии создают новообразования, выполняющие интертекстуальную и интерлингвистическую функции. Данный факт объясняется стремлением автора

расширить социокультурный контекст своих произведений за счет прецедентных феноменов и заимствованной лексики.

5. Для писателя характерно активное обращение к языковой игре, реализующейся в таких явлениях, как онимизация, последовательная контекстуальная дезонимизация, чередование фонем и слогов, гомеология и трансформация морфемного состава неузальных лексических единиц. В ряде случаев она основана на интеграции и наложении разных словообразовательных типов, что выражается в создании новообразований при помощи аффиксов с несвойственным им деривационным значением, присоединении узальных аффиксов к неузальным корням, а также в образовании окказионализмов по нестандартным словообразовательным моделям. Специфика семантической и словообразовательной структуры окказионализмов, своеобразие их функций свидетельствуют о креативном характере речетворческой деятельности В.Аксенова.

Структура работы. Исследование состоит из введения, четырех глав, заключения (объем текста 206 страниц), списка источников и списка использованной литературы (176 наименований).

Во **введении** обосновывается актуальность исследования, определяются его цель и задачи, объект и предмет, материал исследования, указываются методы исследования, раскрывается его научная новизна, теоретическая и практическая значимость, формулируются положения, выносимые на защиту.

В **первой главе «Теоретические основы изучения окказиональной лексики в современной лингвистике»** определяется сущность окказиональных слов, приводятся точки зрения ученых на структурную специфику данных лексических единиц, а также рассматриваются основные аспекты изучения новообразований в текстах русской литературы.

Во **второй главе «Способы образования окказионализмов в текстах романов В.Аксенова»** устанавливаются узальные и неузальные способы создания

авторских новообразований, определяется их продуктивность, выявляются специфические черты словообразовательных моделей писателя.

В третьей главе «Семантическая типология окказиональной лексики В.Аксенова» описываются основные тематические группы индивидуально-авторских новообразований, определяется их специфика, выявляются причины создания писателем неолексем тех или иных семантических сфер.

В четвертой главе «Функциональные особенности окказионализмов В.Аксенова» рассматриваются особенности функционирования новообразований писателя, выявляются и характеризуются их наиболее частотные функции.

В заключении подводятся итоги исследования, намечаются дальнейшие перспективы изучения новообразований В.Аксенова.

Глава I. Теоретические основы изучения окказиональной лексики в современной лингвистике

1.1 Сущность окказионального слова

Создание новых лексических единиц является обязательным атрибутом любой языковой системы, обеспечивающим ее перманентное развитие. В одном случае их возникновение обусловлено необходимостью отражения в языке новых явлений, предметов и процессов, в другом – конкретными задачами, которые ставят перед собой художники слова. Первые в лингвистике традиционно называются «неологизмами», вторые большинство ученых именует «окказионализмами».

Несмотря на интерес, проявляемый учеными к изучению неологизмов и окказионализмов, на данный момент в этой области остаются нерешенными многие вопросы: как соотносятся между собой неологизмы, потенциальные слова и окказионализмы; каковы базовые свойства индивидуально-авторских новообразований; насколько правомерно выделять неузусные способы образования новых слов; можно ли говорить об окказионализмах как самостоятельных единицах языка или же они являются исключительно речевым явлением. Рассмотрим эти проблемы более подробно.

В лингвистической науке существует несколько определений «неологизма»: «слово или оборот, созданные (возникшие) для обозначения нового (прежде неизвестного) предмета или для выражения нового понятия» [Ахманова 2004: 261-262]; «слова, значения слов или сочетания слов, появившиеся в определенный период в каком-либо языке» [Лингвистический 1990: 331]; «слова, которые стали узусными совсем недавно и в течение некоторого времени сохраняют оттенок свежести, новизны» [Попова 2005: 27]; «очень новое <...>, недавно появившееся слово, новизна и свежесть которого ощущается говорящими» [Калинин 1978: 114].

Разрабатывая принципы неологии, ученые предлагают выделять критерии, соответствие которым позволит определить статус изучаемых лексем. Например,

Г.И.Миськевич и Л.К.Чельцова, анализируя отличия неологизмов от окказионализмов, предлагают учитывать следующие моменты: 1) время появления слова; 2) наличие – отсутствие конкретного творца; 3) ощущение – неощущение новизны слова; 4) вхождение – невхождение в язык [Миськевич 1970: 244].

Дополняя и расширяя существующие классификации, Н.З.Котелова вводит понятие конкретизаторов, позволяющих ответить на вопрос, является ли слово неологизмом. Первый и основной определитель в терминологии Н.З.Котеловой – это параметр «время»: «Неологизмы – новые слова какого-либо периода по отношению к какому-нибудь из предшествующих <...>, то есть такие слова <...>, которых не было в предшествующий период». Второй определитель – конкретизация по параметру «языковое пространство» (сферы и жанры употребления). В соответствии с ним ученым выделяются конкретизаторы: 1) в языках вообще; 2) в данном национальном языке; 3) в литературном языке; 4) в данном подъязыке. Третий определитель в терминологии лингвиста – это конкретизация тех единиц, которые оцениваются со стороны их новизны. Наконец, четвертый определитель связан с установлением структурных признаков новизны самого слова [Котелова 1978: 14-18].

Представленные определения и типология позволяют выделить несколько базовых свойств неологизмов, признаваемых большинством лингвистов.

Первое свойство – это ощущение свежести, новизны. Так, Р.Ю.Намитокова указывает, что ведущим признаком неологизма является «признак объективной новизны слова, под которой подразумевается его отсутствие ранее в лексической системе языка и восприятие его носителями языка как нового слова» [Намитокова 1986: 6]. Ученые отмечают непостоянный характер данного признака: «пока обозначаемые этими словами предметы, явления действительности <...> сохраняют черты ощутимой новизны, до тех пор и сами эти слова воспринимаются как новые» [Лопатин 1973: 58]; «если слово образовано удачно», а явление, которое им обозначается, прочно вошло в жизнь, название этого явления перестает быть

неологизмом, становясь обычным словом языка» [Калинин 1980: 114]; «ощущение новизны быстро утрачивается вследствие активного употребления слова» [Попова 2005: 13]. Более того, некоторые лингвисты выступают против выделения данного свойства у неологизмов. В частности, Г.И.Миськевич и Л.К.Чельцова отмечают, что «ощущение новизны – это чисто индивидуальное свойство каждого человека» [Миськевич 1970: 245], поэтому такой критерий не является абсолютным. На это указывает и Т.В.Попова: «Ореол новизны является чрезвычайно субъективным и носит скорее психолингвистический, чем лингвистический характер». По ее мнению, этот показатель связан преимущественно с известностью или неизвестностью какой-либо языковой единицы носителю языка. Ученый обращает внимание и на тот факт, что в некоторых случаях даже в момент своего возникновения новые слова не обладают признаком новизны и воспринимаются носителями языка как обычные, привычные лексемы [Попова 2005: 10-13].

Второе свойство неологизмов, выделяемое большинством ученых, – это факт вхождения в язык. В.В.Лопатин указывает, что неологизмы представляют собой «новые слова, закрепляющиеся в языке» [Лопатин 1973: 20]. По мнению Р.Ю.НамиТоковой, «неологизмы общенародные переходят, как правило, в активную лексику, а окказиональные остаются в пассивной» [НамиТокова 1986: 6]. Однако и этот критерий не является абсолютным: «не решена сама проблема вхождения слов в язык, усвоения их языком» [Миськевич 1970: 246]. На этот факт указывает и В.В.Лопатин: «Закрепление нового слова в языке – дело очень «капризное» <...>. Новообразования, создаваемые с установкой на общеупотребительность, должны еще пройти стадию общественной апробации и могут оказаться не принятыми обществом; тогда их заменяют другие слова» [Лопатин 1973: 68].

Третье свойство, традиционное приписываемое неологизмам, – это структурное соответствие словообразовательной системе русского языка. «Критерием правильности новых образований является формальное соответствие их возможностям системы языка, подчинение структурным закономерностям,

заключенным в системе» [Миськевич 1970: 259]. По мнению А.В.Калинина, неологизмы, как и другие новые слова, обычно создаются по образцам существующих в языке слов [Калинин 1980: 115]. Н.З.Котелова, анализируя структурную специфику неологизмов, отмечает, что все новые слова – это слова, в каком-то смысле известные, «ожиданные», существующие в системе как потенциальные единицы. Однако ученый говорит о единичных фактах несоответствия этой тенденции: «В исключительных случаях новые слова являются немотивированными, «неожиданными». По данным лингвиста, такие лексемы, как *утопия*, *рококо*, *фелибр*, *лилипут*, *робот*, являются немотивированными, искусственно сочиненными словами [Котелова 1978: 18-19]. Описанные факты свидетельствуют об относительной условности выделения данного критерия как неперменной составляющей неологизмов.

Четвертое свойство неологизмов – это их создание в целях номинации новых реалий, еще не получивших отражения в языке. По мнению ученых, при этом должна возникнуть общественная потребность в обозначении появившихся в действительности предметов, явлений, процессов или признаков. Возможны три пути реализации номинации: название заимствуется из другого языка или вводится новое слово, или «старое слово» начинает употребляться в новом для него значении [Миськевич 1970: 253-255]. В.В.Лопатин указывает на «образные, экспрессивные обозначения явлений» данными единицами. По его мнению, неологизмы могут создаваться и для того, чтобы «назвать единым словом уже известное понятие, которое прежде обозначалось описательно, с помощью словосочетания» [Лопатин 1973: 40].

Таким образом, неологизмы – это новые слова, являющиеся фактами языка, закрепившиеся в активном словарном запасе и обладающие статусом новизны по отношению к сравнительно небольшому временному периоду. Структурная специфика таких языковых единиц предполагает их соответствие словообразовательной системе, в основном они создаются по продуктивным и

регулярным моделям образования слов. Только наличие у слов всех четырех свойств (ощущение новизны, закрепление в языке, узуальный способ создания и номинативная обусловленность) позволяет считать такие лексические единицы полноценными неологизмами.

В отличие от неологизмов, природа и сущность окказиональных лексем у ряда ученых вызывают определенные разногласия. Споры ведутся по поводу того, какие лексемы считать окказиональными, более того, некоторыми лингвистами подвергается сомнению правомерность использования самого термина. В качестве синонимичных предлагаются следующие варианты: «авторские неологизмы», «авторские новообразования» (Р.Ю.Намитокова), «индивидуально-стилистические неологизмы» (А.В.Калинин), «гапаксы» (В.Г.Гак), «индивидуально-авторские образования», «поэтические неологизмы» (Г.И.Миськевич, Л.К.Чельцова), «индивидуально-авторские слова» (В.В.Лопатин), «оценочные слова – времянки» (В.В.Тимофеева), «эгологизмы» (А.А.Аржанов), «эфемерические инновации» (Е.В.Розен) и др. Однако чаще других используется термин «окказионализм» (Е.А.Земская, А.Г.Лыков, Т.В.Попова, Н.А.Николина, Н.А.Янко-Триницкая).

В лингвистической науке существует несколько определений окказионализмов: «слова, придуманные писателями, поэтами, но не ставшие достоянием языка» [Калинин 1980: 114]; «речевые новообразования, впервые встреченные в художественном (или научном) тексте и не отмеченные в словарях национального языка соответствующего данному автору времени, живущие только в тексте и поэтому обладающие признаком новизны, независимо от их создания, но могущие перейти в факты языка при определенных условиях» [Намитокова 1986: 143]. По мнению Т.В.Поповой, окказиональное слово – это «одноразовая» лексическая единица, лишенная воспроизводимости, а значит, и исторической протяженности своего существования, это слово не способно устаревать» [Попова 2005: 27]. А.Г.Лыков считает, что окказиональное слово – это «речевая экспрессивная единица, обладающая свойствами невоспроизводимости (творимости), ненормативности,

номинативной факультативности и словообразовательной производности» [Лыков 1976: 36].

Ученые пытаются определить место неологизмов и окказионализмов в языковой системе, создавая соответствующие классификации. Например, В.Г.Гак, рассматривая новые слова, предлагает дать им интегральный термин «инновация». От неологизмов он отличает «ксенизмы» (заимствованные слова, отражающие быт других стран), «гапаксы» (индивидуальные авторские употребления), «окказионализмы» (потенциальные или «речевые» слова, образующиеся в речи по готовым моделям) и «эфмеризмы» (слова, отражающие переходные явления) [Гак 1978: 38].

Более детальная классификация представлена в работе Р.Ю.Намитовой «Авторские неологизмы: словообразовательный аспект» [1986]. Ученый делит все новые слова на неологизмы и новообразования. Последние, в свою очередь, членятся на авторские и неавторские. Первые создаются говорящими (чаще – пишущими) преднамеренно, с определенной целью – художественно-стилистической или научной; вторые используются в разговорной речи для сиюминутных, практических целей общения. Среди художественных авторских новообразований ученый выделяет стандартные и нестандартные (полностью или частично). В состав неавторских лексем входят разговорные (создаваемые народом и используемые в живой речи) и детские (слова, возникающие в речи детей по аналогии с узурпаторскими лексемами: *теплодильник, продыроколить* и др.) [Намитова 1986: 13].

Окказионализмы обладают рядом специфических признаков. Наиболее полный их перечень представлен в монографии А.Г.Лыкова «Современная русская лексикология (русское окказиональное слово)» [1976]. Рассмотрим их более подробно.

1) Принадлежность к речи, по мнению А.Г.Лыкова, - это наиболее широкий и важный признак данных единиц: «В окказиональном слове содержится противоречие между фактом речи, с одной стороны, и системой и нормой языка – с

другой. Оно выражает в особых языковых формах предельно специфическую конкретность соответствующей ситуации» [Лыков 1976: 11]. Схожей точки зрения придерживается и В.В.Лопатин. Анализируя специфику функционирования окказионализмов, ученый говорит о том, что они не претендуют на закрепление в языке, не стремятся «войти в общее употребление». Однако лингвист справедливо отмечает, что отдельные из писательских окказионализмов со временем могут войти в язык, сделаться общеупотребительными словами [Лопатин 1973: 63-67].

2) «Творимость» как признак окказионального слова является одним из наиболее специфических: индивидуально-авторское новообразование «не воспроизводится, а творится, заново создается каждый раз для каждого конкретного случая его употребления» [Лыков 1976: 12]. Р.Ю.Намитокова указывает, что данная тенденция касается в первую очередь не-авторских новообразований, «создаваемых в разговорной речи скорее всего для сиюминутных целей общения, слова на миг, ad hoc» [Намитокова 1986: 12]. Однако, как справедливо отмечает В.В.Лопатин, «некоторые окказиональные слова рождаются дважды, трижды, вообще несколько раз, под пером разных писателей и подчас в каждом случае самостоятельно»; окказионализмы представляют собой «массовое явление», а их многократное употребление со временем может способствовать их «включению в толковые словари» [Лопатин 1973: 68-69].

3) Словообразовательная производность в классификации автора является еще одним неперменным признаком индивидуально-авторского новообразования: «Окказиональное слово представляет собой результат относительно свободной комбинации по крайней мере двух словообразующих морфем, что неизбежно ведет к производности окказионального слова. Факты речи – всегда творческие, а творчество окказиональных слов – это свободная комбинация единиц на морфемном уровне» [Лыков 1976: 15]. Против выделения этого признака выступает Н.З.Котелова. Она указывает, что окказионализмы могут создаваться без модели. По мнению ученого, «стихийным словообразованием занимаются нередко фантасты,

чтобы подчеркнуть чужеродность слов «неземного» языка», поэты, лингвисты с звуковыразительной или экспериментальной целью» [Котелова 1978: 18].

4) Ненормативность А.Г.Лыков считает характерной особенностью окказионального слова: «Сознательное, определенным образом мотивированное отклонение от нормы <...> обязательно несет в себе также и эстетическую информацию, т.е. выступает как образное средство» [Лыков 1976: 17]. Однако В.В.Лопатин отмечает, что многие окказионализмы «сделаны» по законам русского языка, по существующим в нем словообразовательным моделям, образцам, и в этом смысле не отличаются от языковых неологизмов» [Лопатин 1973: 62].

5) Функциональная одноразовость окказионализма, по мнению ученого, заключается в том, что его «абсолютная свежесть» передает уникальность ситуации, ее предельную конкретность, которую в такой мере бессильно выразить каноническое слово [Лыков 1976: 18]. Развивая мысли ученого, А.В.Калинин указывает на то, что «многие писатели и поэты XIX и особенно XX века употребляли придуманные ими слова в качестве приема освежения речи» [Калинин 1978: 115].

6) Экспрессивность окказионального слова, как отмечает А.Г.Лыков, носит ингерентный характер. По утверждению ученого, она внутренне присуща данному слову как лексической единице и является ее базовым свойством: «Если для обычных слов главной функцией является номинативная, то для окказионализмов – экспрессивно-изобразительная <...>. Окказионализм как средство экспрессии усиливает впечатляющее воздействие речи и передает ее неповторимое своеобразие» [Лыков 1976: 23-25]. По мнению Г.И.Миськевича и Л.К.Чельцовой, окказионализмы выполняют лишь «определенную выразительную функцию» [Миськевич 1970: 249]. Аналогичной точки зрения придерживается и Л.Г.Бабенко: «Все эстетически значимые окказионализмы характеризуются экспрессивностью, тогда как экспрессивность узуальных образований факультативна» [Бабенко 1997: 7].

7) Номинативная факультативность окказионализма объясняется тем, что он не является «необходимым фактом с точки зрения номинации» [Лыков 1976: 26]. Противоположной точки зрения придерживается В.В.Лопатин. Он отмечает, что окказионализмы – это «слова более нужные в определенном контексте, более насыщенные по смыслу», чем «обычные, общеупотребительные слова» [Лопатин 1973: 65].

8) Синхронно-диахронная диффузность, по мнению А.Г.Лыкова, представляет собой одновременное расположение окказионализма в синхронной и диахронной плоскостях. С одной стороны, такие лексические единицы «ассоциативно связаны с каноническими словами словообразовательными, семантическими, грамматическими и другими отношениями». С другой стороны, окказионализмы, «будучи фактами чисто речевыми и невоспроизводимыми, <...> включаются в линейную цепочку <...> актов, протяженных во времени» [Лыков 1976: 27-28].

9) Индивидуальная принадлежность окказионализма в соответствии с точкой зрения автора является «принципиальным условием пребывания в окказиональном статусе» [Лыков 1976: 35]. Вслед за ученым, Р.Ю.Намиитокова в качестве наиболее важного выделяет признак индивидуальности создания окказионализма. Однако она указывает на тот факт, что «авторство не всегда может быть установлено окончательно», так как не представляется возможным однозначно установить, «подслушаны» ли они писателем у народа или созданы им самим [Намиитокова 1986: 19].

Таким образом, ни один из признаков, выделяемых А.Г.Лыковым по отношению к окказиональным лексемам, не является абсолютным. Только наличие у индивидуально-авторского новообразования всех перечисленных признаков позволяет говорить о правомерности его включения в состав неузальных лексических единиц.

1.2 Вопрос о структурной специфике окказионализмов

Индивидуально-авторское словотворчество характеризует идиостиль многих писателей. Изучая причины создания авторских новообразований, Т.А.Сидорова отмечает, что окказиональное слово является особой средой, порождающей эстетически значимые смыслы, формирующие его мотивационную структуру, доминирующим компонентом которой становятся авторские мотивационные признаки [Сидорова 2012: 340]. Можно утверждать, что практически все окказиональные слова являются производными, т.е. оказывается возможным установление производящей основы и способа создания неолексемы.

Словообразовательная природа индивидуально-авторских новообразований всегда привлекала внимание лингвистов. Как известно, окказионализмы по способу образования делятся на два типа: созданные по продуктивным словообразовательным моделям и произведенные с помощью нетиповых, или уникальных способов. Одни ученые относят оба типа к окказиональным (В.В.Лопатин, А.Г.Лыков, М.А.Бакина), другие считают, что новообразования первого типа являются не окказиональными, а потенциальными словами (Р.Ю.Намиитокова, Н.А. Янко-Триницкая и др.). Рассмотрим более подробно вопрос о словообразовательной природе окказиональных единиц.

По мнению В.В.Лопатина, в языке существуют «потенциальные слова», которые создаются на основе высокопродуктивных словообразовательных типов. Такие лексемы имеют наименьшее отклонение от словообразовательного стандарта. Автор указывает на неравномерное распределение потенциализмов по тем или иным словообразовательным типам и подтипам. Наиболее продуктивным признается создание многокомпонентных атрибутивов. Несмотря на общее соответствие узуальным деривационным моделям, потенциальные слова нередко воспринимаются как свежие, необычные, экспрессивно насыщенные новообразования. Данный факт, по мнению лингвиста, свидетельствует о

невозможности разграничения таких лексем и прочих окказиональных слов [Лыков 1973: 71-76].

Что касается индивидуально-авторских слов, то они, по мнению ученого, «могут принадлежать и к очень продуктивным словообразовательным типам, и к малопродуктивным, и к вовсе непродуктивным; и к стилистически нейтральным, и к характерным для разговорной речи; могут иметь свободный и связанный корень, - но независимо от этого такие новообразования несут окраску новизны, необычности» [Лопатин 1973: 93]. Помимо использования узуальных способов словообразования (префиксации, суффиксации, сложения в сочетании с аффиксацией), писатели и поэты прибегают к окказиональным словообразовательным типам и моделям, которые можно охарактеризовать как «словообразовательные шутки» [Лопатин 1973: 126]. Лингвист справедливо отмечает, что новообразования шутливого характера со временем могут перейти в полноценные общеупотребительные языковые средства.

Особое внимание В.В.Лопатин уделяет обратному словообразованию. Указывая на его сравнительно редкое использование, автор отмечает оригинальность и высокую степень экспрессивности окказионализмов, созданных данным путем.

Таким образом, окказиональными слова, по мнению ученого, создаются одномоментно, для конкретной цели и не претендуют на закрепление в языковой системе. Среди таких лексем выделяются потенциальные слова, которые созданы по продуктивным словообразовательным моделям, и индивидуально-авторские новообразования, для которых свойственно отступление от словообразовательного стандарта.

Говоря о словообразовательной структуре окказионального слова, А.Г.Лыков указывает на то, что окказионализм представляет собой речевую реализацию не реализованных языком возможностей, заложенных в самой его системе. «Окказиональное словообразование является частью общего словообразования и выделяется внутри него» [Лыков 1976: 53].

В своих работах ученый подробно анализирует окказиональные способы словообразования. Одним из продуктивных следует признать наложение: «характерной особенностью окказиональных слов, образованных посредством междусловного наложения, является сложность их семантики, неясность морфемного членения, очень сильный и ярко выраженный заряд экспрессии. <...> Крайняя степень окказиональности этих слов принципиально закрывает им возможность перехода в канонические слова» [Лыков 1976: 77].

В то же время автор указывает и на размытость границ между каноническими и окказиональными словами, поскольку в русском языке представлено большое число лексем, которые нельзя отнести ни к узуальным, ни к неузуальным образованиям.

К анализу структурной специфики поэтических новообразований обращается и М.А.Бакина [1977]. Она выделяет три группы окказиональных лексем в соответствии со степенью новизны, определяемой способом их производства. В первую группу входят поэтические новообразования, созданные по продуктивным в разговорной речи моделям. Данный факт предопределяет низкую степень окказиональности такого рода лексем, т.к. «ощущение их необычности незначительно».

Ко второй группе относятся поэтические новообразования, созданные по высокопродуктивным в современной поэзии словообразовательным типам. Анализируя подобные лексемы, среди которых наиболее распространенными являются существительные со значением отвлеченного признака на *-ость*, безаффиксные существительные и сложные прилагательные, автор приходит к выводу о более высокой, по сравнению с окказионализмами первой группы, степени новизны таких лексических единиц.

В третью группу включаются новообразования – индивидуально-авторские слова. Среди них автор выделяет лексемы, созданные по непродуктивным словообразовательным моделям, а также возникшие в результате какого-либо нарушения общелитературных моделей. Наиболее продуктивным способом

окказионального словотворчества признается контаминация, представляющая собой наложение морфемных частей двух основ. Рассматривая особенности функционирования окказионализмов этой группы, М.А.Бакина приходит к выводу, что их основная функция заключается в создании новых языковых единиц и в семантическом обогащении существующих в языке лексем. Именно эти окказионализмы обладают наибольшей степенью новизны и неожиданности, а также помогают преодолеть языковой стандарт и автоматизм, основанные на регулярности соответствия между знаком и значением [Бакина 1977: 86-88].

Анализируя авторские неологизмы с точки зрения заданности / незаданности словообразовательной системой языка, Р.Ю.Намитокова предлагает разделять их на стандартные / серийные / системные и на нестандартные / несерийные / несистемные новообразования. Под стандартными образованиями понимаются лексемы, созданные по узуальным моделям и находящиеся в рамках словообразовательной системы русского языка. Под нестандартными – образования, созданные с каким-либо отклонением от известного словообразовательного типа. По мнению лингвиста, авторскими неологизмами целесообразно называть исключительно лексемы нестандартного характера [Намитокова 1986: 13].

Каждая часть речи в исследовании Р.Ю.Намитоковой анализируется как с семантической, так и со структурной точки зрения. Автор выделяет наиболее продуктивные деривационные средства – префиксы, суффиксы, конфи́ксы, с помощью которых образуются те или иные части речи. Одним из продуктивных способов создания окказионализмов признается редеривация, т.е. деаффиксация, например, депрефиксация, десуффиксация или в целом десегментация, депостфиксация, дефлексация и т.д. Не меньшей продуктивностью, по мнению автора, обладает и субституция, т.е. замена морфем, сегментов слов, компонентов сложного слова. Третьим, наиболее частотным способом окказионального словообразования, является контаминация, т.е. проникновение первой части одного слова в другое и вытеснение из этого другого слова его начала. Среди

специфических окказиональных способов, обладающих меньшей продуктивностью, автор выделяет тмезис, который представляет собой вторжение аффикса или целого слова внутрь слова – обычно композита [Намитокова 1986: 131-135].

В исследовании Н.А.Янко-Триницкой [2001] также разграничиваются потенциальные и окказиональные лексемы. Рассматривая неузואальное словообразование, она указывает на специфику подобного рода моделей: «такие слова чаще возникают не по действующим образцам, а по аналогии к отдельным словам» [Янко-Триницкая 2001: 463].

Детально анализируя структурную специфику окказионализмов, автор выделяет следующие окказиональные способы словопроизводства: 1) замена слова другим, созвучным ему, но более длинным и чуждым по значению; 2) использование формы имени и отчества для характеристики предмета; 3) отсечение от фамилий финалей; 4) образование сложных притяжательных прилагательных; 5) образование префиксальных прилагательных и существительных с префиксом *раз-*; 6) окказиональный тип униморфов – повторы-отзвучия; 7) междусловное наложение, когда на конец основы одного слова накладывается омонимичное начало другого слова; 8) псевдоэтимологизация устной речи; 9) самостоятельное использование аффиксов и аффиксоидов в функции полнозначных элементов; 10) создание окказиональных усечений; 11) образование окказиональных аббревиатур.

Таким образом, ученый разделяет окказионализмы на лексические (созданные по узואальным словообразовательным моделям) и словообразовательные (созданные без модели или по специальному окказиональному образцу): «окказионализмы располагают целым рядом образцов и способов создания слов, свойственных только им, это и заставляет считать окказиональное словообразование особой подсистемой словообразования современного русского языка» [Янко-Триницкая 2001: 480].

1.3 Основные аспекты изучения окказиональной лексики в художественных текстах

Окказиональные слова находятся в центре внимания ученых на протяжении долгого времени. В существующих исследованиях представлены различные аспекты изучения авторских новообразований. Рассмотрим работы, посвященные описанию индивидуально-авторских неологизмов русских поэтов и писателей начиная с XIX века и до настоящего времени.

В диссертационном исследовании С.А.Костиной [2002] индивидуально-авторские неологизмы П.А.Вяземского анализируются в словообразовательном и функционально-стилистическом аспектах.

Автор говорит о том, что поэт активно создает окказионализмы, отражающие возможности словообразовательной системы русского языка. Его отдельные новообразования приобрели узуальный статус, но большая их часть сохранила окказиональный характер. Для создания индивидуально-авторских неологизмов П.Вяземский использует различные мотивирующие основы, при этом предпочтение отдает именам собственным. Исходя из широкой трактовки понимания словообразовательной природы окказионализмов, к новообразованиям автор относит как потенциализмы, так и окказионализмы. В исследовании отмечается преобладание потенциальных слов, созданных поэтом по продуктивным словообразовательным моделям (*вопрошатель, провожатель, задержатель, построитель*). Среди окказиональных способов выделяются контаминация, субституция, а также сложение и сращение.

Анализируя функциональную специфику новообразований писателя, С.А.Костина подчеркивает преимущественное выполнение ими художественной, игровой и интертекстуальной функций. Указывается и на использование новообразований поэтом в номинативной функции: «созданные писателем окказионализмы заполняют лакуны лексической системы, выявляют тенденции

развития русского словообразования первой половины XIX века» [Костина 2002: 18-19].

Обратимся к работе Л.В.Беляевой [1990], посвященной изучению семантики окказионализмов в текстах романов Ф.М.Достоевского, а именно структурно-семантической и экстралингвистической интерпретации индивидуально-авторских новообразований писателя. В исследовании представлен многоступенчатый лингвостилистический анализ окказионализмов Ф.Достоевского, показана функционально-художественная нагруженность авторских новообразований, предпринят поиск структурно-семантических критериев дифференциации окказионализмов. Автор выделяет потенциализмы (например, *безножие*, *рассчастливиться*) и собственно окказиональные слова (*фартикультивность*, *теплоух*) [Беляева 1990: 9-10].

В диссертационном исследовании О.А.Головачевой [2001] окказионализмы Н.С.Лескова изучаются в словообразовательном, структурно-семантическом, грамматическом и функциональном аспектах. В частности, характеризуются производящие базы, послужившие основой для создания авторских новообразований: различные по происхождению (русские: *нетух-нетушливый* и заимствованные: *incognito* (итал.) – *инкогнитный*); стилистически разнородные (нейтральные, разговорные и просторечные); неоднородные по сфере употребления (общеупотребительные, ограниченные профессионально, территориально); слова активного и пассивного запаса.

В сфере окказионализмов адъективного типа, по мнению исследователя, наиболее продуктивным в идиолекте Н.Лескова является такой способ, как суффиксация. Среди окказиональных глаголов самый большой пласт лексики составляют суффиксальные производные с аффиксами различной степени продуктивности: *трегубить*, *немовать* и др. Причастия чаще всего создаются писателем чересступенчатым способом. Окказионализмы адвербиального типа, созданы как по узואльным, так и по индивидуально-авторским моделям. В

частности, высказывается мысль о продуктивности узуальных способов образования наречий (например, *скопидомный* - *скопидомно*) и непродуктивности окказиональных, например, гибридизации (*сорохостью* от *соро* + *инохостью*).

В работе рассматриваются и функции окказионализмов, среди которых выделяются номинативная, эмоционально-оценочная, ассоциативная, интертекстуальная, игровая функции, а также функции индикатора, выражения, деактуализации, олицетворения, компрессии и характерологическая [Головачева 2001: 6-13].

В исследовании Л.В.Алешиной [1990] на материале индивидуально-авторских новообразований Н.С.Лескова ставится цель выявить и описать ономазиологические классы окказиональных имен существительных. Соответственно, окказионализмы в работе рассматриваются как в деривационном, так и в ономазиологическом аспектах.

Так, автор выделяет ономазиологический класс новообразований, обозначающих лицо (*презентатор*, *тонер*), куда включаются также слова с субъективной оценкой (*портретчонок*, *трактатец*) и заимствования (*пекуния*), и обозначающих «не-лицо», например отвлеченные действия (*нигилистничанье*, *обосение*).

Несмотря на то, что окказионализмы создаются писателем в «конкретных художественных целях», в исследовании доказывается системный характер словотворчества Н.Лескова и отмечается его соответствие общеязыковым нормам [Алешина 1999: 12-19].

Окказиональная лексика в произведениях русских писателей и поэтов XX века исследуется гораздо чаще. Особое место занимают труды, посвященные изучению словотворчества символистов и футуристов.

Одним из первых исследований по данной теме можно считать монографию российского лингвиста и литературоведа Г.О.Винокура. В работе «Маяковский – новатор языка» [1943] он говорит о «сознательном» создании поэтом новых слов,

что служит его эстетическим задачам: «Языковое новаторство Маяковского не есть продукт одной лишь словесной игры. <...> Отдельные явления языка Маяковского, отмеченные печатью творческого новаторства, предстают в его поэзии мотивированными, они оправданы соответствующим художественным заданием» [Винокур 1943: 5]. Ученый проводит четкую границу между собственно языковым новаторством и новаторством стилистическим. Последнее, по его мнению, есть акт борьбы против того, что новатором оценивается именно как предрассудок вкуса. «А языковое новаторство – это изобретение таких языковых средств, которые вводятся как нечто совершенно новое в общий запас возможностей языкового выражения» [Винокур 1943: 7-8].

Собственно языковое новаторство, как указывает исследователь, характерно для всех уровней языка, но наиболее сознательным оно является «в области грамматической формы слова» и в основном объясняется «грамматической аналогией». Важную роль ученый отводит и синтаксису, позволяющему формировать новые отношения между грамматическими формами.

Большая часть монографии посвящена анализу морфологических и синтаксических особенностей окказиональных образований поэта. В частности, автор говорит о склонении несклоняемых существительных, анализу также подвергнуты особенности субстантивации наречий и прилагательных, специфика образования отглагольных существительных и прилагательных, а также функционирование производных глаголов.

Эта работа представляет собой исключительную ценность для изучения авторских новообразований, так как является первым многоплановым исследованием языкового словотворчества конкретного поэта.

К индивидуально-авторским образованиям В.Маяковского обращались и другие лингвисты. Например, Э.И.Ханпира [1966], в исследовании которого представлен анализ отыменных глаголов и причастий в деривационном, стилистическом и структурно-семантическом аспектах. В частности, в работе

содержится классификация окказиональных отыменных глаголов и причастий в соответствии с различными типами, способами и видами словообразования. Исследователем отмечена частотность некоторых словообразовательных моделей В.Маяковского, имеющих высокую степень окказиональности. Например, по отношению к глаголам используется суффиксальная модель, по которой они образованы от основ существительных, принадлежащих к разным семантическим группам (*чемберлениться, пехотинься, мышиться, нилься*). Указывается на двойственность трактовки некоторых лексем данного типа: так, окказионализм *обэстетился* образован от производящих основ *эстет* или *эстетика* [Ханпира 1966: 5-6].

В работе большое внимание уделяется проблеме идиостиля поэта. Ученый обращает внимание на такие его особенности: преодоление автоматического характера языковых связей, семантическая конденсированность авторских новообразований, установка на разговорность речи, поэтическая этимология и некоторые другие. Автор утверждает, что окказиональное словообразование В.Маяковского – это «средство образотворчества в слове и посредством слова» [Ханпира 1966: 9-12].

Среди современных исследований языкового новаторства В.Маяковского следует назвать работу А.Ю.Астафьева [2007], посвященную изучению художественных функций окказионализмов поэта. В частности, в ней исследуются авторские новообразования с точки зрения их соотносительности с узуальными лексемами, устанавливается своеобразие стилистики окказионализмов, выявляются элементы их оценочной экспрессии. Кроме того, составлен словарь новаций писателя и проанализированы способы их создания.

А.Ю.Астафьев определяет окказиональность как художественный прием поэта, при этом выделяет изобразительную (например, *безъязыкий*), оценочную (*чиновность, цыпленки*), контрастивную (*божище - божик*) и панегирическую (*раздинамливая, тыщеполье, орамив*) функции авторских окказионализмов, которые

представляют собой систему словоупотреблений и служат формированию «художественного образа» [Астафьев 2007: 9].

Многие исследования, характеризующие окказионализмы в произведениях символистов и футуристов, представляют собой сравнительный анализ неолексиконов нескольких авторов. Например, в работе Ю.Н.Сичинавы [2007] подробно раскрывается проблема окказионального словотворчества двух поэтов – В.Маяковского и И.Северянина. Их новообразования являются способом выражения характерных черт языкового сознания элитарной личности. Исследование выполнено в рамках комплексного сопоставительного анализа функциональных особенностей окказиональных единиц в творчестве данных авторов, что определило специфику их картины мира.

В частности, выявлены следующие функции окказиональных слов, характерные для языка обоих поэтов: 1) создание имплицитных смыслов; 2) функция «канала доступа» к концепту; 3) функция организации концептуально-эмотивного пространства текста; 4) эстетическая функция. Указывается на преобладание окказиональных глагольных форм (у В.Маяковского – *вызнакомь*, *расфабричь*), что характерно и для И.Северянина (*обезжизниться*, *мотыльчить*). В работе говорится о двойственном характере языкового сознания В.Маяковского, его внимании к человеку, а также подчеркивается фемининный характер языковой картины мира И.Северянина [Сичинава 2007: 7-19].

Другим поэтом серебряного века, часто создававшим новые слова и формы, является Андрей Белый. Анализу его словотворчества посвящено большое количество работ. Например, в исследовании С.В.Кошелевой [2003] представлен анализ семантико-словообразовательной структуры и специфики функционирования новообразований в идиолекте поэта. В данной работе окказионализмы рассматриваются в деривационном, семантическом, стилистическом и функциональном аспектах.

Подробно исследована структура словообразовательных типов новообразований А.Белого: окказиональных существительных (например, *изгрызина, морщень*), прилагательных (*легкосвистный, пепелоцветный*), глаголов (*бесцельничать, отмечивать*) и наречий (*добелу, цветоуханно*). Автор указывает на преобладание имен существительных и на меньшую частотность слов остальных частей речи – глаголов, прилагательных и наречий. Отмечается относительное равенство между узуальными и окказиональными способами. Однако лексических единиц, созданных с помощью узуальных словообразовательных моделей, по мнению ученого, все-таки больше, что свидетельствует о преобладании узуса над окказиональностью [Кошелева 2003: 18].

Словотворчество А.Белого часто анализируется в сравнении с лингвокреативной деятельностью других писателей и поэтов. Например, статья Н.А.Кожевниковой «Окказионализмы А.Белого и словарь В.Даля» [1981] посвящена экспрессивному аспекту изучения окказионализмов поэта. Автор проводит параллели между произведениями А.Белого, материалами словаря В.И.Даля и творчеством Н.Гоголя, отмечает активность обращения А.Белого к диалектизмам как объектам творческого преобразования, так как диалектное слово для Белого – это прежде всего экспрессивная единица.

В работе обращается внимание на типовое многообразие окказионализмов поэта. Ему свойственно создание семантических окказионализмов (например, *тарантить*) и морфологическое переоформление обычных слов (*брос, бод*). Индивидуально-авторские новообразования могут составлять полноценные словообразовательные гнезда [Кожевникова 81: 120-132].

По мнению автора, для А.Белого характерно пристрастие к определенным типам необычных сочетаний и синтаксических построений, специфическое использование некоторых падежных форм, устойчивые способы словопреобразования. Экспрессивность – определяющая черта словотворчества

поэта, она является стержневым компонентом всех его окказионализмов [Кожевникова 1981: 140].

Другой работой сравнительного характера является исследование Ж.Е.Тимашовой [2011], в котором описывается специфика индивидуально-авторского словотворчества А.Белого и В.Иванова с позиций лингвокреативной деятельности языковой личности. Как отмечает исследователь, в словотворчестве символистов представлены системные и асистемные словообразовательные явления. В текстах обоих писателей на первый план выходит именное словообразование (например, *неисследный*, *тайнодеяние* – В.Иванов; *закоцитный*, *тучегонитель* – А.Белый).

При сравнительном анализе языка обоих символистов выявляется стремление к фольклорной стилизации текстов в идиолекте А.Белого (с преобладанием окказиональных глаголов) и именование В.Ивановым мифологических и божественных персонажей с помощью индивидуально-авторских неологизмов (в основном разнословных сложений).

В целом словотворчество оценивается как важная особенность поэтического языка символистов, позволяющая репрезентировать идейно-методологические установки автора и способствующая раскрытию замысла художественного произведения [Тимашова 2011: 22].

Другим поэтом Серебряного века, активно создававшим окказиональные слова, является Игорь Северянин. Анализ его словотворчества посвящено большое количество научных исследований. Так, в работе Л.В.Маляновой [1998] осуществлен деривационно-семантический анализ окказиональной лексики в произведениях Игоря Северянина, определены ее функции и стилистические характеристики, выявлены особенности функционирования индивидуально-авторских новообразований, а также установлены связи между функциями новообразований и особенностями идиостиля поэта. Можно говорить о том, что окказионализмы в

работе рассмотрены в словообразовательном, лексико-семантическом, стилистическом и функциональном аспектах.

Автор отмечает, что индивидуально-авторские неологизмы характеризуются синкретизмом лексико-семантического и словообразовательного своеобразия. Они часто имеют узуальные аналоги, от которых отличаются семантически и стилистически (*сочь* и *сочность*, *встречанье* и *встреча*). Однако окказионализмы зачастую заполняют «валентные» места в словообразовательной системе русского языка. Будучи единицами высокого уровня выразительности, поэтические неологизмы обладают модельной, лексической или семантической системностью.

По мнению ученого, индивидуально-авторские новообразования, выполняя определенные функции (номинативную, деривационную, текстообразующую, эстетическую и др.), являются средством создания художественного образа и отражают специфику идиостиля поэта [Малянова 1998: 5-18].

В диссертационном исследовании Т.Н.Коршуновой [1999] проведен анализ индивидуально-авторских новообразований Игоря Северянина в семантическом и словообразовательном аспектах. По мнению автора, наличие окказиональной лексики – одна из главных примет идиостиля поэта. Он активно использует как узуальные способы (суффиксация, сложение, сложение с суффиксацией, префиксация и др.), так и неuzuальные (контаминация, плюрализация, редеривация, элиминирование, гендиадис); а также два смешанных способа (слияние и сложение с усечением основы) [Коршунова 1999: 21-22]. Среди его новообразований есть глаголы (например, *велосипедит*), наречия (*фантазно*), существительные (*грезофарс*), прилагательные (*белонежный*). Все они отличаются необычностью словесных ударений, морфологических форм, стилистических контрастов. Характеризуя языковое творчество И.Северянина, автор подчеркивает стремление поэта к обогащению русского языка [Коршунова 1999: 13].

В ряду исследований, находящихся в рамках сравнительного изучения авторских новообразований, нужно выделить статью В.В. Никульцевой

«Сравнительный анализ неолексиконов Игоря Северянина и Алексея Крученых» [2011]. В дериватологическом аспекте в ней проводятся параллели между словотворчеством двух известных русских футуристов. Новообразованиям А.Крученых свойственны такие способы деривации, как скорнение (*зудырный* от *зуд* + *дырный*) и различные виды сложения (*злостеболь*, *чудо-зудо*). В отличие от него, И.Северянин использует гораздо больший арсенал различных (как узуальных, так и окказиональных) способов образования неологизмов, например, циркумфлексные (*перелюдить*), нулевые образования (*воль*), неологизмы с заимствованными корнями, аффиксами и аффиксоидами (*нео-форма*) и др. [Никульцева 2011: 470-472].

Работа С.А.Хромовой [2007] посвящена сравнительному описанию окказиональной лексики К.Бальмонта и И.Северянина. Автор указывает на системность индивидуально-авторских новообразований, в том числе и созданных по так называемым «окказиональным» моделям, что связано с преобладанием языкового стандарта над языковым сознанием личности. Отмечается значимость «внутреннего ценза» писателей при создании новых слов. В работе подчеркивается избирательность словообразовательных моделей, по которым создаются окказионализмы. Так, ученый говорит о том, что К.Бальмонт отдает предпочтение наречиям с суффиксом *-о* со значением качественного признака действия (*безбрежно*), а, например, для И.Северянина характерна частотность абстрактных существительных с суффиксом *-ость* (*пшеничность*) и т.д. [Хромова 2007: 4-9].

Автор указывает на неравномерность в использовании словообразовательных моделей (14 - у Бальмонта, 64 - у Северянина), частое повторение одних и тех же моделей у обоих авторов, что указывает на продуктивность и низкую идиоматичность. Таким образом, системно-языковое всегда присутствует в индивидуально-авторском новообразовании в том или ином объеме [Хромова 2007: 18-19].

Работа В.П.Григорьева «Словотворчество и смежные проблемы языка поэта» [1986] представляет собой системное исследование окказиональной лексики

Велимира Хлебникова. Помимо собственно лингвистического, в ней представлен также эстетический и методологический анализ. Автор обращает внимание на мифотворчество как на одну из категорий, сформировавших языковую личность поэта. Особое внимание уделяется принципам создания окказионализмов. В частности, В.П.Григорьев выделяет несколько «начал», которыми руководствовался Велимир Хлебников при создании новых слов. Это «ограничение на заимствования», «принцип единой левизны», «право на переразложение», «произвол в словотворчестве бессмыслен», «аналогия» и некоторые другие [Григорьев 1986: 86-90]. По мнению автора, В.Хлебников создавал окказионализмы не спонтанно, а руководствуясь своими внутренними убеждениями.

Анализируя эстетическую функцию языка, автор включает в рамки своего исследования проблематику идиостиля, текста, высказывания и отдельного тропа, он выделяет категорию преобразования как основную для понимания поэтического творчества поэта.

В рамках собственно лингвистического анализа индивидуально-авторские новообразования изучаются в словообразовательном аспекте, в работе приводятся статистические данные по их частеречной представленности. Так, существительные – это основная и подавляющая масса хлебниковских новообразований (*быкобоец, сумабеглец, Лелепр, болитва*), среди них «безраздельно господствует суффиксация» (*веселоша, плясарышня, грезитва*). Второе место занимают прилагательные (например, *смехучий, алоокий*); глаголов и наречий в авторском неолексиконе гораздо меньше (*иссмеяться, жертвовать; смеяльно, унывно*) [Григорьев 1986: 164-167].

Обратимся к другой работе, в которой охарактеризован идиостиль Велимира Хлебникова. Это диссертационное исследование И.В.Ляхович [2003], посвященное изучению, теоретическому обоснованию и описанию окказиональной деривации как способа и средства создания языковой картины мира поэта.

Кроме анализа результатов узуального словообразования, к которым относятся суффиксация, префиксация, аббревиация, словосложение, в работе говорится и о фактах незузуальной деривации. Она является средством выражения мировоззренческой позиции автора. Выявляются такие способы образования слов, как «заумь» (*вырей, времири*), «внутреннее склонение» (*младуга, сладуга*) и др. Исследователь выделяет следующие функции окказионализмов В.Хлебникова: эстетическая характеристика и нестандартная художественная номинация надреальных фрагментов языковой картины мира. Им свойственна экспрессивность, образность, ассоциативность и символность, «виртуальность» [Ляхович 2003: 10].

В отдельных исследованиях новообразования тех или иных авторов изучаются в рамках более общего вопроса о языке поэзии в целом. Например, в работе А.В.Завадской [2008] окказионализмы рассматриваются как средство создания эпатирующего эффекта в поэзии русского футуризма. Авторские неологизмы исследуются с точки зрения их семантических и функциональных особенностей. В работе представлен и словообразовательный аспект: в частности, в зависимости от характера производящей основы выделяются две группы окказионализмов: 1) образованные в соответствии с законами словообразовательной системы русского языка (*развеерился, мертвость*); 2) образованные с нарушением законов словообразовательной системы (*клопея*). По мнению автора, окказионализмы, созданные с нарушением языковых законов, в отличие от новообразований первой группы, всегда создают эпатирующий эффект, так как «заклучают в себе необъятный резерв экспрессии за счет незаданности и неожиданности, за счет эффекта рождения сложного художественного образа» [Завадская 2008: 15].

В работе Т.А.Корнеевой [2001] проанализированы функции, основные приемы и способы создания сложных адъективных новообразований различных лексико-семантических групп в языке поэзии русских символистов. Их окказионализмы рассмотрены в неразрывном единстве с «поэтическими открытиями предшественников» и влиянием современников на их поэзию. Объектом структурно-

семантического и функционального анализа выступили как двухосновные композиты, так и трехосновные образования.

В ходе исследования автор развивает идею мобильности и подвижности структурных связей внутри мотивирующих сложных слов, что обеспечивает активность их образования, обращает внимание на продуктивность / непродуктивность тех или иных словообразовательных типов сложных прилагательных (например, регулярностью отличаются окказионализмы с элементами *-головый: двухголовый, белоголовый; -крылый: двукрылый, легкокрылый; -перый: многоперый, красноперый*) и др. [Корнеева 2001: 20].

Анализу индивидуально-авторских новообразований эгофутуристов посвящено диссертационное исследование Л.Н.Фоминой [2005]. В нем определяются критерии разграничения потенциальных и окказиональных слов, рассматриваются мотивационные отношения неолексем и их словообразовательные особенности, описываются наиболее продуктивные словообразовательные типы и определяются их основные функции.

Ученым отмечается, что в качестве мотивирующих выступают слова различного происхождения: собственно русские слова (*чары – чаровой, чарун*), старославянизмы (*фимиам - офимиамен*), иноязычные слова: из французского языка (*la fleur - офлерить*), итальянского (*лава - лавить*) и др.

По мнению автора, окказионализмы в произведениях эгофутуристов выполняют номинативную (*лесофея*), конструктивную (*улыбность*), компрессивную (*разлоконив*), экспрессивную (*природоцап*) и некоторые другие функции, например, интертекстуальную (*Арлекиния*) и др. [Фомина 2005: 145-150].

Анализ неолексикона определенной группы писателей представлен и в работе М.Р.Напцок «Словотворчество в художественной прозе русского зарубежья (первая волна эмиграции: И.А.Бунин, Е.И.Замятин, В.В.Набоков)» [2001]. Новообразования писателей анализируются в деривационном, структурно-семантическом и функциональном аспектах. Проблема словотворчества рассматривается с точки

зрения его участия в формировании авторского идиостиля, под которым понимается системно организованная совокупность индивидуальных языковых средств, определяющих специфику художественной системы писателя. И словотворчество, с точки зрения исследователя, выступает в качестве одного из его компонентов [Напцок 2001: 10].

В сфере окказиональных существительных подробно рассматриваются как узуальные (суффиксация – *телячество* у В.Набокова, словосложение – *всебытие* у И.Бунина), так и окказиональные способы образования новых слов (контаминация: *мясопотам* у И.Бунина, междусловное наложение – *покойка* у В.Набокова, десуффиксация – *Барыба* от «*Барыбино*» у Е.Замятина, депрефиксация – *обычайность* у В.Набокова и др.).

Среди авторских новообразований-адъективов отмечается наибольшая представленность композитов (*мышиногрызуций* у Е.Замятина и др.). Анализируя способы образования окказиональных наречий (например, *философски-математически* у Е.Замятина), слов категории состояния (*счастливо-грустно* у И.Бунина) и глаголов (*автографировать* у В.Набокова), автор говорит о продуктивности узуальных, а не окказиональных способов словообразования [Напцок 2001: 13-16].

Индивидуально-авторское словотворчество Марины Цветаевой выступает объектом изучения во многих научных исследованиях. Работа М.Ю.Нарынской [2004] представляет собой системное описание лексико-синтаксических окказионализмов в идиолекте этого поэта. Здесь выявляются причины создания новообразований, исследуется их структура, семантика, функции, предлагается их классификация. Окказионализмы анализируются в структурно-семантическом и функционально-стилистическом аспектах.

В работе обращается внимание на самостоятельный характер языковых преобразований поэта, соответствующий при этом изменениям в русском языке XX века. Исследуя языковые эксперименты М.Цветаевой, автор выделяет не только

традиционные в формальном отношении слова, но и «дефисно оформленные» (например, *вовремя-засыпай-город*), «семантически ритмизированные» (например, *мимо-идуших, мимо-дышащих*) синтаксические комплексы [Нарынская 2004: 7-8].

В работе О.А.Ежковой [2000] излагаются принципы описания и систематизации окказиональных субстантивов М.Цветаевой, выявляются основные тенденции в области ее словотворчества и определяется его место в системе художественных приемов поэта. Окказиональная лексика исследована в словообразовательном, семантическом и функционально-стилистическом аспектах.

Ученым отмечается продуктивность / непродуктивность отдельных словообразовательных средств, в частности, «феноменальная продуктивность» суффикса *-ость* (*звездность, неизреченность, крылатость, раскаленность*). Другим частотным суффиксом является *-иј-* / *-ј-*: *новобрачие, поукружие, сокровенье*.

В работе говорится о контекстуальной обусловленности окказионализмов. В большинстве случаев контекст является определяющим фактором при создании нового слова, зачастую именно он показывает семантические или стилистические отличия новообразования от «узвального дублета». Влияние контекста может реализовываться на разных уровнях языка: фонетическом, морфемном, словообразовательном, лексико-семантическом [Ежкова 2000: 13].

В исследовании Л.С.Метликиной [2010] решается проблема типологии и семантико-деривационной структуры окказиональных образований в прозе Б.А.Пильняка. В частности, определяется своеобразие их функционирования в тексте, а также обосновывается стилистическая значимость данных единиц.

Окказиональные образования, по мнению автора, – важная составляющая идиостиля Б.Пильняка. Они служат ярким художественным средством раскрытия авторского замысла. В творчестве писателя окказионализмы создаются по продуктивным словообразовательным моделям: путем сложения (*обужа-одежа, ивнинг-дрэс*) и суффиксации (*дружествовать, землеть, институтственность*).

Исследователем отмечается преобладание одноструктурных и однокоренных новообразований, а также преднамеренное столкновение узуального и окказионального слов. Наконец, отмечается полифункциональность рассматриваемых единиц не только в рамках предложения, но и целого текста [Метликина 2010: 7].

В диссертационной работе О.П.Бышук [2008] рассматриваются способы деривации и функции новообразований, отражающих основные эстетико-философские установки С.Кржижановского. Аспекты рассмотрения традиционны: семантический, деривационный и функциональный.

Анализируя новообразования писателя, автор распределяет их по определенным лексико-грамматическим разрядам: чаще всего встречаются окказиональные имена (особенно существительные, например *бесперекресток*, *заоблачье*), на втором месте располагаются глаголы (*заблокнотить*, *наиглиться*), встречаются и единичные новообразования-наречия (*одноулично*, *навытеке*). Все они создаются не только узуальными, но и окказиональными способами, например, контаминацией (*фальшиист* от *фальшь* и *фашист*).

Характеризуя инновации писателя в функциональном аспекте, О.П.Бышук выделяет прежде всего номинативную, компрессивную, интертекстуальную и поэтическую функции. В целом констатируется, что словотворчество С.Кржижановского носит регулярный характер и реализует практически все способы деривации, существующие в языке [Бышук 2008: 22].

В статье В.Н.Виноградовой и И.С.Улуханова «Словотворчество В. Набокова» окказионализмы рассматриваются с точки зрения их лексико-грамматических свойств, т.е. на стыке словообразования и грамматики. Так, большинство окказионализмов в творчестве В.Набокова являются качественными прилагательными, что обусловлено значимостью эпитетов для писателя. Чаще всего они создаются при помощи суффиксов *-аст* (*бокастый*, *бровастый*), *-ист* (*звездистый*, *матронистый*), *-чат* (*столбчатый*) и др. Данному факту

соответствует и такое явление, как «окачествование» относительных и притяжательных прилагательных при их метафорическом употреблении (*томатовый нос, русалочья рука*). Довольно часто в произведениях В.Набокова встречаются и окказиональные сложные прилагательные (*прозрачно-зеленоватый, ярко-лазурный, пурпурово-бархатный* и др.)

Другим распространенным типом окказионализмов, по мнению ученых, являются отадъективные существительные со значением качества. Авторы указывают на своеобразную экспрессивную инверсию окказиональных атрибутивных конструкций (*вздутость осанки* вместо *вздутая осанка, увесистость, хмурость*). Особую выразительность приобретают те из отадъективных существительных, которые образованы по аналогии с конкретными словам (*густыня* как *пустыня, проединка* как *проталинка* и др.). Аналогичными значениями характеризуются и отглагольные существительные (*облуна, прислон, угрев*). Кроме того, в текстах В.Набокова отмечается единичность признаков глаголов (*светофориться, обелокурить* и др.).

Таким образом, авторы устанавливают прямое соотношение окказионализмов В.Набокова, являющихся в своем большинстве признаковыми частями речи, с подсистемой художественного (поэтического) словообразования, для которого предпочтительны прилагательные и отадъективные дериваты [Виноградова 1996: 268-274].

В отечественной лингвистике существует несколько работ, в которых изучаются окказионализмы А.И.Солженицына. Например, в монографии И.Г.Горовой [2009] представлено исследование элементов индивидуально-авторской картины мира писателя, выявлены и описаны структурно-семантические особенности окказиональных прилагательных и специфика их функционирования в романе «Красное колесо» («Август четырнадцатого»). По мнению ученого, окказиональные прилагательные А.Солженицына построены в основном по продуктивным языковым моделям или по аналогии с ними, например, при помощи

чистого сложения (*брехливо-нечистый, избыточно-крупный*), словосложения с интерфиксацией (*серо-черный, темно-деревянный*), безаффиксного способа (*бочкогрудый, золотогербый*) и др. Автор указывает на семантическую «самодостаточность» такого рода лексических единиц. В работе утверждается, что признаки и понятия, называемые окказиональными сложными прилагательными, являются «одним их важнейших средств репрезентации индивидуально-авторской картины мира писателя» [Горовая 2009: 21].

В другом исследовании, посвященном анализу словотворчества А.И.Солженицына [Швецова 2000], констатируется, что «расширение языковой структуры» осуществляется по двум направлениям: лексическому и текстовому. Первое связано с возникновением новых слов, образованных по законам словообразования или с их нарушением. Второе обусловлено новыми возможностями слов за счет наложения и взаимодействия внутритекстовых моделей [Швецова 2000: 4].

В ходе исследования автор приходит к выводу о продуктивности и закономерности «языкового расширения» в творчестве А.И.Солженицына, что способствует обогащению русского языка. Автор делит окказионализмы писателя на 4 группы: существительные и субстантивные формы – *беспонятность, выступка, просып, перелаз*; прилагательные и адъективные формы – *гоголистый, перерывистый, непокорчивый*; глаголы и глагольные формы – *вкогтиться, взбуревать, измыслить*; наречия и наречные слова – *вчуже, впрочет, впробежь* и др. Ученым отмечается наибольшая продуктивность глаголов и глагольных форм. Система авторских конструкций писателя обладает новизной и взаимодействует с узуальными конструкциями в рамках одного произведения. Так происходит обогащение индивидуальной лексической системы писателя, доказывающего своим творчеством перспективность данного процесса [Швецова 2000: 24].

В исследовании Ю.И.Жабоевой [2010] представлен многоаспектный анализ окказиональных лексем В.С.Высоцкого. В частности, охарактеризованы их

структурные и семантические особенности (например, многочисленность имен прилагательных, образованных суффиксальным способом: *гиндукушенский*, *манекенский*, префиксальных глаголов: *поукрощать*, *доголодался*), функциональная специфика, а также разработан словарь авторских новообразований.

В работе указываются причины создания окказионализмов В.Высоцким: характеристика речи героев, передача психологических состояний и создание экспрессивной уникальности конкретной ситуации. Отмечается, что новообразования поэта выполняют преимущественно номинативную, компрессивную и экспрессивную функции [Жабаева 2010: 21].

В работе К.Ю.Голобородько [1993] определяются интра- и экстралингвистические основы окказиональности, а также структурно-семантические и функциональные особенности окказионализмов в стихотворной речи С.Кирсанова. Так, экстралингвистическая природа окказиональной сочетаемости базируется на способности поэта к образному, ассоциативному мышлению. Интралингвистической основой является предрасположенность языковой системы к развитию. Анализируя новообразования со структурной точки зрения, автор отмечает активность междусловного наложения (*люботаника*, *жужжизнь*), аффиксации (*новоселость*, *полукружие*) и других способов словообразования.

В работе говорится о том, что окказиональные сочетания слов С.Кирсанова выполняют номинативно-характеризующую (*голубой крыжовник – глаза*) и художественную (*осенний тембр*) функции [Голобородько 1993: 9-16].

В работе Д.В.Халявиной [2011] представлен комплексный структурно-семантический и функционально-прагматический анализ авторских новообразований В.Каменского, которые играют важную роль в формировании его индивидуального стиля. Поэтический текст в исследовании признается в качестве одного из базовых источников лингвокреативной деятельности В.Каменского. Его окказионализмы зачастую выступают в функции заголовка [Халявина 2011: 5-6].

Автором выделяются наиболее активные способы словообразования в языковом творчестве поэта: суффиксация (*пасхальность, зовунья*) и сложение (*солнцесияние, рососмех*). Среди окказиональных способов отмечаются междусловное наложение (*свечерочек* от *свеча* + *вечерочек*), контаминация (*звукань* от *звук* + *ткань*), графиксация (*ананасссс*) и др.

В рамках словообразовательного анализа выявлены производящие основы, от которых образуются однокоренные дериваты. Они могут быть включены в состав словообразовательных гнезд: это слова *солнце* (36 индивидуально-авторских новообразований), *небо, звезда, крыло, летать* и др.

В работе охарактеризованы общие функции индивидуально-авторских новообразований (номинативная и компрессивная) и частные (художественная, игровая и др.). В целом утверждается, что словотворчество является одной из ярких особенностей идиолекта В.Каменского, в котором находят воплощение индивидуальный опыт, особое миропонимание, самобытность художника слова [Халявина 2011: 6-22].

В работе Г.Б.Гурцкой [2011] выявляются структурно-семантические и функционально-прагматические особенности авторских новообразований Ф.Искандера, определяется их роль в формировании его идиолекта.

Автор отмечает, что в словотворчестве Ф.Искандера отражаются тенденции и закономерности нормативного словообразования русского языка с использованием лингвокреативного потенциала региональной лексики. В художественных текстах писателя выделены ключевые неологизмы-топонимы (*Чегем, Мухус и Эндурск*), послужившие основой для целой группы новообразований. Всё его словотворчество отражает результат двуязычия и синтез культур сквозь призму творческого мировосприятия и креативного мышления. Особое внимание в работе уделяется так называемым «абхазизмам» (например, *чегемство, эндурец*), органично вводимым писателем в текст художественного произведения [Гурцкая 2011: 24].

Анализ языковой игры в произведениях Саши Соколова представлен в статье Т.Д.Брайниной [1996]. Автор обращает внимание на актуализацию полисемии и омонимии, лежащих в основе словотворчества писателя. Особое внимание уделяется анализу окказиональных паронимов. Неологизмы создаются по тем же словообразовательным моделям, что и их узуальные аналоги, с которыми они связаны семантически и заменой которых они выступают. Все они в разной степени отличаются от «исходных» слов по значению (*болекровие* от *белокровие*, *ослепью* от *ощупью* и др.) [Брайнина 1996: 283].

Вопрос о структурной специфике новообразований Саши Соколова поднимается в работе О.С.Шуваловой [2012]. Ученый доказывает, что окказионализмы писателя образуют особую систему авторского языка со своими закономерностями в области сочетания слов и изменения их значений. В работе говорится о возможности заполнения языковых лакун лексическими окказионализмами (*ваннодел*, *лукоглавые*, *психодрама*), о количественном характере языкового новаторства, а также о стилеобразующей и текстопорождающей функциях, лежащих в основе языковой игры Саши Соколова. Отмечается, что многие окказиональные конструкции вступают между собой в системные отношения (*Палисандрия*, *палисандровка* и *палисандрово*), что позволяет им стать неотъемлемыми элементами авторского словаря [Шувалова 2012: 9-23].

В работе Н.Д.Яцук «Лексические новообразования в прозе и публицистике Ю.М.Полякова» [2011] исследование идиостиля писателя осуществляется в деривационном аспекте. В частности, здесь последовательно характеризуются словообразовательные средства создания окказионализмов, лежащие в основе их типологии, выявляются коннотативные значения морфем, рассматриваются смысловые типы преобразований в семантических окказионализмах, а также устанавливаются причины возникновения новообразований и коммуникативные намерения писателя.

Анализируя структуру окказионализмов, ученый указывает на активность экспрессивной аффиксации, используемой не только в целях деривации, но и формообразования (*самодуринка*, «*карденятин*»). Исследователем отмечается спорадический, экспериментальный характер окказионального словообразования писателя (*апофегей* от *апофеоз* и *апогей*, «*брехтозавр*» от *Брехт* и *динозавр* или *брехать* и *бронтозавр*) [Яцук 2011: 22-23].

Исследование Т.Г.Соповой «Языковая игра в контексте демократизации художественной речи в последние десятилетия XX века» [2007] посвящено описанию окказионализмов Ю.М.Полякова, В.Н.Войновича, В.О.Пелевина и Ю.Алешковского. Выбор темы диссертационной работы обусловлен спецификой окказионального словотворчества этих авторов: по мнению ученого, большинство их новообразований порождает комический эффект и служит задачам языковой игры благодаря возникающему эффекту парадокса [Сопова 2007: 10].

В работе рассмотрены способы создания индивидуально-авторских неологизмов: в частности, выделяются контаминационные единицы (*охломоновец* от *омоновец* и *охломон* – Ю.Поляков, *филоложествующие* от *философствующие* и *ложь* – В.Войнович) и слова, образованные суффиксальным (*романец*, *хлыщеватый* – Ю.Поляков) или конфиксальным (*подхарчиться* – Ю.Поляков) способами. Особое внимание уделяется контаминации. Исследователь выделяет три ее разновидности: соединение двух литературных лексем и образование формально усредненной единицы (*гнусеология* от *гносеология*, *гнусность* и *идеология* – Ю.Алешковский); соединение литературной или жаргонной лексемы с типичным для русского языка корнем или суффиксоидом (*трепология* от *треп* и *-логия* – Ю.Поляков); контаминирование устойчивых сочетаний [Сопова 2007: 12-14].

Системно-комплексный анализ индивидуально-авторских неологизмов А.Вознесенского, Е.Евтушенко, Р.Рождественского и Б.Ахмадуллиной в словообразовательном, семантическом и функционально-стилистическом аспектах осуществлен в работе Б.Н.Гаджимурадовой [2003].

Автор выделяет основные части речи, в пределах которых образуются исследуемые языковые единицы: имя существительное – *сугробята, безднвье*; имя прилагательное – *океанова, законокрадский*; глагол – *закамазиться, принародиться*; наречие – *беззащитнейшие, посердечно*. С точки зрения частотности употребления наибольшее количество представлено окказиональными существительными, затем идут прилагательные и наречия, самой малочисленной является группа окказиональных глаголов.

В исследовании отмечается продуктивность окказиональных словообразовательных моделей: в первую очередь, междусловного наложения (*кабарышни* от *кабан* и *барышни*) и контаминации (*неустаюноша* от *неустающий* и *юноша*). Подчеркивается активность иноязычных основ (*take-лавка, ги-банки*), придающая лексическим единицам особую экспрессивность. Рассматривая новообразования в стилистическом аспекте, автор указывает на факт возникновения экспрессивной окраски окказионализма за счет «столкновения» семантики основы и словообразовательного аффикса (*нигилисточка, прапракузиночка*). В рамках стилистической дифференциации и семантической экспрессии признается бóльшая роль глагольных, а не именных форм [Гаджимурадова 2003: 6-14].

В отдельных работах материалом для анализа послужили окказионализмы, извлеченные из текстов произведений конкретного жанра художественной литературы. Например, в исследовании Е.А.Белоусовой [2002] на материале текстов произведений В.Головачева, Г.Гуревича, О.Ларионовой жанр фантастики интерпретируется как «обширный «полигон» для испытания потенциальных словообразовательных возможностей языка в конкретных речевых воплощениях».

В работе выявляется специфика языка научной фантастики, определяется место новообразований писателей-фантастов в системе языковых инноваций. Ученый выделяет лексико-семантические особенности индивидуально-авторских новообразований, а именно их категориально-предметное значение, что проявляется при определении денотата, отсутствующего в реальном мире, но существующего в

фантастическом. Автор указывает на номинативный характер такого рода единиц, а также отмечает их особую предметно-логическую и импрессиивную выразительность.

Окказиональная лексика изучается с точки зрения ее принадлежности к единицам семантического поля и специфики смысловой структуры каждого новообразования. Отмечается полифункциональность данного типа слов: степень контекстуальной обусловленности значения напрямую зависит от способа образования окказионального слова и от узуальности / неузуальности производящей основы.

В работе рассматриваются основные словообразовательные модели, используемые писателями-фантастами для создания новообразований. Автор указывает на продуктивность узуальных способов создания окказионализмов, например, суффиксации (*рисконавт, инкогнит*), композиции (*астродипломатия, видеопризрак*), лексической деривации (образование окказиональных значений узуальных слов: *прокоснул, летяга*). Обращается внимание на распространенность отдельных окказиональных способов (транслитерация иноязычных слов с изменением значения (*куттер, десинтор*), образование без модели (*спекс, кардра*) и др.) [Белоусова 2002: 9-17].

В рамках данного раздела мы сочли необходимым дать обзор существующих исследований о языке и идиостиле В.П.Аксенова. Одним из них является исследование Н.В.Колесовой «Заемствования в идиостиле В.Аксенова» [2005]. В нем подробно анализируются функции заимствований в языке писателя, определяется их лингвистическая специфика. Ученый говорит о преобладании англицизмов среди заимствований автора. Указывается на полифункционализм такого рода лексем: «иноязычные лексемы обладают многофункциональным характером: они служат для номинации иностранных реалий, являются одним из средств характеристики персонажей, создания комического или иронического эффекта, передают эмоциональное отношение автора к изображаемой действительности» [Колесова 2005: 18].

Выделяются следующие функции заимствований в языке писателя: номинативная (*лофт, рент, мортгейдж*), функция речевой характеристики персонажей, как русских, так и иностранцев (*сенкью вери мяч*), социально-стилистическая, то есть раскрытие речевого узуса представителей различных социальных групп (*бэнд, мизандерстуха*), экспрессивно-оценочная (*дарлинги, уайтхорсина*), эвфемистическая (*гей комьюнити*), игровая (*найс-шмайс, уелкам*), рифмообразующая, функция авторского самовыражения и др. [Колесова 2005: 9-14]. Рассматривая заимствования в художественных текстах В.Аксенова, автор отмечает их окказиональный характер и функциональную значимость подобного рода лексем.

Другой работой, посвященной анализу заимствований в текстах романов писателя, является исследование Т.И.Большаковой «Иноязычные вкрапления в художественных произведениях В.П.Аксенова» [2008]. В нем иноязычные лексемы характеризуются в зависимости от различных экстра- и интралингвистических факторов. Проводится сопоставительный анализ заимствований в русском языке и исходных форм в языках-донорах. Рассматривая структурную специфику заимствований, ученый говорит о предпочтении, отдаваемом автором частичным, нулевым и контаминированным иноязычным вкраплениям. Особое внимание в работе уделяется стилистической характеристике заимствований: «Иноязычные вкрапления <...> отличаются яркими и выразительными стилеобразующими функциями <...>, характеризуют чувство стиля и богатство возможностей самовыражения языковой личности писателя» [Большакова 2008: 24].

Автором выделяются следующие разряды иноязычных вкраплений: 1) полные: *Chirurgia est obscura, terapia – obscurissima* (перевод с латинского: «Хирургия темна, терапия – еще темнее»), 2) частичное: инсекты (от англ. *insect* – насекомое), 3) контаминированное, или русско-иноязычное: «*I can't believe it, Sasha Korbach himself!*» - воскликнула Ольга. «Шатапчик, мама! – пресек ее муж. – Дома только по-русски!» (от англ. *shut up* - заткнись), 4) нулевое вкрапление (обычный русский

переводной текст): первая строчка из комедии Данте: «В досужий час читали мы однажды о Ланчелоте сладостный рассказ».

Кроме того, исследователь выделяет следующие специфические функции иноязычных вкраплений: 1) отражение национально-культурного своеобразия общения, 2) «престижная» функция. По ее мнению, В.Аксенов использует иноязычные вкрапления гораздо шире, чем их употребляли в советской литературе XX века, при этом нередко в целях гиперболизации и пародирования речи персонажей [Большакова 2008: 8-24].

В работе Е.С.Агаповой «Языковая репрезентация темпоральности в «молодежной прозе» В.Аксенова (на материале повестей «Коллеги», «Звездный билет», «Апельсины из Марокко», «Пора, мой друг, пора»))» выявляется временная специфика текстов писателя [2013]. В частности, анализируется лексико-семантическая и грамматическая темпоральность в художественных текстах писателя, ее взаимосвязь с сюжетом и композицией. Автор обращает внимание на существование особой писательской модели времени, заключающейся в циклическом характере событий: «В художественных текстах В.Аксенова представление о времени складывается из утверждения динамизма происходящего, создания эффекта множественности событий, связанных друг с другом» [Агапова 2013: 23].

Проблемам языковой игры в словотворчестве В.Аксенова посвящена работа О.В.Залесовой [2002]. Авторские инновации извлечены из произведений писателя, написанных им с 1959 по 1996 г.г., и исследуются в функциональном, лексико-семантическом и структурном аспектах.

Новообразования писателя характеризуются, в первую очередь, с точки зрения их частеречной принадлежности. В работе установлено преимущество, отдаваемое В.Аксеновым окказиональным существительным (например, *невзнеровка*, *градовизм*) по отношению к авторским прилагательным (*подсомовский*, *ивмонтановский*) и глаголам (*крезануться*, *очередиться*). Указывается на

распределение окказиональных единиц по тем или иным произведениям в соответствии с определенным жанром. Если новообразования-существительные активно используются автором во всех текстах, то глагольные окказионализмы используются чаще в рассказах, чем в романах. Ученый считает, что это связано с «необходимостью подчеркнуть динамику развития сюжета, сосредоточиться на действии». Что касается окказиональных прилагательных, то они, по мнению автора, встречаются редко и не используются в качестве экспрессивного средства. Рассматривая особенности семантики авторских инноваций, ученый отмечает пересечение тех или иных смысловых групп.

По мнению О.В.Залесовой, языковая игра является основополагающим фактором для креативной деятельности писателя. Она реализуется на разных языковых уровнях, и в первую очередь, на словообразовательном. Довольно часто в качестве игровых элементов писатель использует фонетические единицы. Например, повтор звуков может выполнить функцию своеобразного переводчика, то есть показать, как воспринимаются русские фамилии англофоном: *«Рейнолдс ни о какой «новой волне» никогда не слышал, а **Высоцкий** и **Тарковский** вообще проскочили в его мутной башке, как шелест **шин**»* [Залесова 2002: 129].

Анализируя языковую игру В.Аксенова на морфологическом уровне, исследователь отмечает большое количество межъязыковых трансформаций. К ним относится прежде всего обыгрывание иноязычных слов (*ливинг-рум, фуд-стэмп*). Такие новообразования используются с целью создания комического эффекта.

Языковая игра в текстах В.Аксенова, считает ученый, возникает в результате семантической модификации слов и фразеологических единиц. Так, библейское выражение «ни хлебом единым жив человек» В.Аксенов меняет на *«не **одними только паштетами да девическими компаниями жив человек в наше строгое время**»* [Залесова 2002: 143-144].

Указывая на активность словообразовательной игры в раннем творчестве В.Аксенова, а также на расширение диапазона игровых средств в его поздних

произведениях, автор признает игровую функцию окказионализмов в качестве базовой и характеризующей его идиостиль.

Выводы по I главе

Обзор современных работ по неологии и проблемам окказиональности в русском языке свидетельствует о том, что неологизмы и окказионализмы представляют собой лексические единицы разного порядка. Первые являются фактами языка, вторые функционируют исключительно в речи. Неологизмы интерпретируются как слова, закрепившиеся в лексической системе русского языка и обладающие статусом новизны по отношению к конкретному историческому периоду. Они характеризуются структурным соответствием словообразовательной системе и создаются по продуктивным и регулярным моделям образования лексических единиц. Сущность окказионального слова определяют следующие признаки: незакрепленность в языковой системе, наличие конкретного автора, творимость и отсутствие воспроизводимости, тесная связь с контекстом (ситуацией) и зависимость от него, функциональная одноразовость, ненормативность и экспрессивность.

В лингвистической науке существуют две точки зрения на структурную специфику индивидуально-авторских новообразований. Одни ученые понимают под окказионализмами слова, созданные как узуальными, так и неузуальными способами, другие исходят из узкой трактовки деривационной природы неолексем и относят новообразования первого типа не к окказиональным, а к потенциальным словам. Оптимальной представляется концепция, в соответствии с которой окказионализмы могут быть созданы как узуальными, так и неузуальными способами; при этом, функционируя только в художественном тексте, они характеризуют креативную деятельность автора.

Анализ существующей лингвистической литературы позволил установить, в каких аспектах исследуется индивидуально-авторское словотворчество русских

писателей и поэтов. Основными являются: деривационный (словообразовательный), функциональный, стилистический, структурно-семантический, грамматический, ономаσιологический, экспрессивный, лексикографический, семасиологический, прагматический, игровой, функционально-парадигматический, семиотический, прагматико-эстетический и психолингвистический. Практически во всех работах представлен не один, а несколько аспектов рассмотрения окказиональной лексики. Комплексный анализ подобных единиц позволяет лучше понять природу новообразований, их функции и причины возникновения.

Глава II. Способы образования окказионализмов в текстах романов В.Аксенова

В русском словообразовании представлено большое число способов создания новых лексических единиц. В «Русской грамматике»-80 выделяются пятнадцать способов словообразования, а именно суффиксация, префиксация, постфиксация, префиксально-суффиксальный способ, префиксально-постфиксальный способ, суффиксально-постфиксальный способ, субстантивация прилагательных и причастий, чистое сложение, сложение в сочетании с суффиксацией, сращение, аббревиация, префиксально-суффиксально-постфиксальный способ, префиксально-сложный, префиксально-суффиксально-сложный, сращение в сочетании с суффиксацией и явления, промежуточные между аббревиацией и сложением [Русская грамматика 1980: 136-137]. Однако, вслед за представителями Казанской лингвистической школы, мы считаем, что целесообразно говорить не о префиксально-суффиксальном и префиксально-постфиксальном, а о конфиксальном способе образования слов. «Конфикс – это единая двуэлементная словообразующая морфема», которая в процессе словопроизводства «осложняет производящую основу одновременно в пре- и постпозиции» [Николаев 2009: 74].

Какие же способы словообразования использует В.Аксенов для создания окказионализмов?

2.1 Узуальные способы

2.1.1 Префиксация

Данный способ словообразования в русском является одним из наиболее продуктивных. Этот факт обуславливает появление большого количества исследований в области русской префиксации новейшего периода. По мнению М.А.Кронгауза, интерес к глагольным приставкам возникает в лингвистике своего рода волнами, на гребне одной из которых мы сейчас и находимся [Кронгауз 1998:

41]. Отметим, что современный русский язык характеризует активизация не столько глагольной, сколько именной префиксации. Данная тенденция находит отражение и в текстах романов В.Аксенова, большинство новообразований которого наделяется модификационным словообразовательным значением.

Прежде чем перейти к непосредственному анализу фактического материала, определим, что включает в себе понятие «модификационное словообразовательное значение». Оно «представляет собой некоторый дополнительный (модифицирующий, видоизменяющий) компонент значения, присутствующий в мотивированном слове и отсутствующий в мотивирующем» [Русская грамматика 1980: 265]. Л.А.Араева характеризует данный тип семантики следующим образом: производные с модификационным значением составляют с мотивирующими одну и ту же часть речи, со специфическим набором модификаций значений в каждой из них. Лексическое значение мотивирующего полностью входит в семантический объем мотивированного [Араева 2009: 25].

По мнению дериватологов, модификационное словообразование объединяет словообразовательные модели (типы) разной семантической природы. Для производных существительных модификационного словообразования, – пишет Л.В.Красильникова, – характерна двойственная природа. Она обнаруживается в сложном сочетании объективной и субъективной информации, передаваемой производным. Модификационные дериваты автор делит на три большие группы: производные первой группы передают разного рода модификации объективного (диктумного) характера (значения «женскость», «невзрослость», «единичность», «множественность» / «собирательность», «подобие»; в производных второй группы наблюдается тесная связь, спаянность рациональной (объективного характера или диктумной) и эмоциональной (субъективной или модусной) оценки/ <...> модификационные производные третьей группы стилистически маркированы как разговорные варианты нейтральных или официальных бытовых предметов [Красильникова 2011: 118].

Перейдем к анализу основных типов модификационных словообразовательных значений, свойственных окказиональным префиксальным существительным В.Аксенова. Их формулировка дается по «Русской грамматике» [1980] и по «Толковому словарю словообразовательных единиц русского языка» Т.Ф.Ефремовой [2005].

А. Аугментативное значение. Данный тип семантики реализуется с помощью различных префиксов, например, иноязычной приставки *ультра-*, выражающей крайнюю степень проявления того, что названо мотивирующим именем существительным: ...*Несколько щуплых хасидов дрогнули при виде нашей строгой ультрафемины* (НСС: 543).

Зачастую производящей основой в таких новообразованиях выступает общественно-политическая лексика: *Левка Кржижановский, поэт, ... ультрадиссидент...* (ТС 2: 168), ср.: *ультрареакционер, ультраконсерватор*.

Б. Значение стоящего (в какой-либо классификации) над тем, что названо мотивирующим словом.

Данный тип значения может выражаться при помощи разных префиксов, но наиболее часто в текстах романов писателя имена собственные с данным типом семантики оформляются при помощи приставки *супер-*. Например, в «Новом сладостном стиле» один из персонажей, Норманн, говорит о своем начальнике – миллиардере Стенли Корбахе – следующее: *Проклятый супер-Корбах сидит в своем халате...* (НСС: 234); ср. с *супер-Корб* (НСС: 238). В обоих случаях префикс *супер-* обозначает признак в максимальной степени (речь идет о богатстве, так как Стенли Корбах – самый богатый из многочисленного рода Корбахов) и старшинство в роду (он – самый старший из всего семейства), а дефисное написание объясняется тем, что данный знак ставится перед прописной буквой, ср.: *супер-ЭВМ*.

В. Значение отсутствия того или противоположности тому, что названо мотивирующим словом. Как отмечает Л.В.Рацибурская, в русском языке продуктивным является префикс *анти-* с семантикой противопоставления,

отрицания [Рацибурская 2011: 574]. Для создания индивидуально-авторских новообразований В.Аксенов регулярно использует данное словообразовательное средство. Проанализируем следующий пример: *Все как один они были ... **антибуржуазы*** (КС: 498). Модель: *анти-* + *буржуазия(а)*, в котором усекается суффикс *-ия-* → *антибуржуаз*. В данном случае префикс вносит в семантику новообразования значение ‘противоположности, противодействия или враждебности’, ср.: *антидемократизм, антиискусство* и др.

Рассмотрим другой контекст: *...Девушка шла ему навстречу, сияя всеми своими данными как ... **антитюрьма*** (НСС: 17). Окказионализм образован от основы *тюрьма* с помощью иноязычного префикса *анти-*. В этом контексте у него появляется новое значение: ‘все то положительное, что находится за пределами тюрьмы’, в то время как данное словообразовательное средство выражает прежде всего значение отрицания, ср.: *анти тоталитаризм, антифашизм* и др.

Префикс *анти-* может вносить в семантику окказионализма положительную, с точки зрения автора, коннотацию: *Да вот же она перед нами, комсомольская богиня, Ашка-**антикомсомолочка!*** (РЗ: 419). Здесь можно наблюдать языковую игру: использование контекстуальных антонимов – *комсомольская богиня* и *антикомсомолочка*.

Окказиональные префиксальные прилагательные в текстах романов писателя создаются по разным словообразовательным моделям. Отметим, что для В.Аксенова свойственно обращение не столько к исконно русским, сколько к иноязычным словообразовательным средствам. Как отмечает Т.В.Попова, особую активность в последние десятилетия проявляют приставки *супер-, гипер-, ультра-, архи-*, которые, присоединяясь к исходным словам именных частей речи, образуют производные существительные и прилагательные со значением признака в высокой, максимально возможной степени. «В некоторых случаях данные приставки не только указывают на высокую степень признака, но и выражают позитивную или негативную оценку, вносят иронический оттенок в семантику новообразований» [Попова 2005: 91].

Именно этим фактом объясняется создание следующего окказионализма с модификационным словообразовательным значением: *В прикиде ультраштатском он блуждал* (РЗ: 404). Модель: основа *штатск(ий)* + *ультра-* → *ультраштатский*, ср.: *ультравысокий, ультракраткий, ультрарадикальный* и др.

В ряде случаев положительная коннотация окказионализма объясняется наличием определенных фоновых знаний у представителей русскоязычной культуры: *«Могу я поговорить с господином Корбахом?» – спросил голос, исполненный ультраленинградской любезности* (НСС: 41). Модель: основа *ленинградск(ий)* + *ультра-* → *ультраленинградский*, ср.: *ультравысокий, ультракраткий, ультрарадикальный* и др. Как известно, город Санкт-Петербург, в советские годы именовавшийся Ленинградом, считается культурной столицей России. Использование автором соответствующего атрибутива в совокупности с определенным лексическим окружением позволяет нам установить, что в новообразовании заключена оценка со знаком плюс; ср.: *...На этом человеке если уж был пиджак, то ... ультраанглийский, времен Великой Войны* (О: 499).

Ряд новообразований оказывается маркированным за счет соответствующей стилистической окраски производящей основы: *Крымчане забросали их гранатами ..., стали поджаривать при помощи специальных антидикарских огнеметов* (КС: 343). Модель: основа *дикарск(ий)* + *анти-* со значением ‘противоположности, противодействия или враждебности’ → *антидикарский*.

Рассмотрим случаи использования автором исконно русских словообразовательных префиксов: *...Погиб сей чудесный документ в жадных ручонках дикарей великой, но бесполароидной державы* (ТС 1: 263). Модель: основа *полароидн(ый)* + префикс *бес-* со значением ‘отсутствия или противоположности тому, что названо мотивирующим словом’ → *бесполароидный*. Речь идет о фотоаппарате марки «Полароид», который в то время не был еще известен советским людям.

Среди русскоязычных префиксов, используемых В.Аксеновым для создания окказиональных прилагательных, значимое место занимает приставка *вне-* со значением 'нахождение или происхождение за пределами того, что названо мотивирующим словом': ***внеповествовательная* встреча** (НСС: 361); ***внепарижское* очарование** (О: 669). Модель: основа *повествовательн(ый) / парижск(ий)* + *вне-* → *внеповествовательный / внепарижский*, ср.: *внеконтинентальный, внесудебный, внеевропейский* и др.

В некоторых случаях префиксация осложняется чересступенчатым словообразованием: ...*Шуришит что-то нешуришабильное в пространстве* (НСС: 323). Модель: *шуриа(ть)* + *-бельн-* → **шуришабильн(ый)* + префикс *не-* → *нешуришабильный*. Отметим, что в соответствии с принципами узуального словообразования окказионализм должен иметь суффикс *-бельн-*, ср.: *промокабельный, рисовабельный, читабельный*. Однако В.Аксенов фонетически трансформирует словообразовательный элемент, заменяя фонему [е] на [и]. Отклонение от словообразовательного стандарта, на наш взгляд, позволяет писателю сделать окказиональную лексему более выразительной.

Что касается префиксальных глаголов, то их количество в текстах романов В.Аксенова невелико. Новообразования, встреченные нами, в основном созданы при помощи русского префикса: *Он ... закосолапил к «храму удачи» ...* (КС: 23). Модель: *косолапи(ть)* + префикс *за-* → *закосолапить*, ср.: *запрыгать, захромать*. Окказионализм используется для характеристики походки человека.

Рассмотрим другой пример: ...*Я переотоварился на сертификаты и вернулся в Москву...* (О: 102). Модель: *отовари(ть)ся* + префикс *пере-* → *переотовариться*. Окказионализм обладает модификационным типом значения и имеет семантику 'обменять специальные сертификаты на продукты питания'.

Новообразования, созданные при помощи префиксоидов, могут обладать различными значениями в соответствии с семантикой словообразовательных единиц. Имена существительные чаще всего образуются при наличии иноязычных

префиксоидов с модификационными типами значений. Как отмечает Д.В.Гугунава, «можно говорить о диффузном, переходном характере семантико-функционального и морфемного статуса иноязычных препозитивных морфем, что в немалой степени обусловлено особенностями их функционирования в современной речи» [Гугунава 2003а]. Выявленные нами новообразования могут обладать различными типами значений. Например, увеличительным (аугментативным). По мнению В.В.Химика, оценочные существительные-аугментативы делятся на две группы: увеличительные дериваты (квантификаторы), выражающие непосредственно размерную оценку объекта, и усилительные дериваты (квалификаторы), обозначающие метафорическую размерность, то есть интенсификацию оценки [Химик 2010: 383]. Отметим, что в текстах романов В.Аксенова данное словообразовательное значение реализуется при помощи различных префиксоидов, но наиболее продуктивными являются новообразования с компонентом *мега-*. В одном случае перед нами квалификатор: *Ей следовало затмить всех звезд своим неповторимым **мегасиянием*** (НСС: 184), ср.: *мегапроект, мегазвезда*. В другом – квантификатор: ***Мегабюджет**, колоссальный «пакет», все должно быть на высшем уровне!* (НСС: 326), ср.: *мегаструктура, мегаполис* и др.

Аугментативы встречаются и среди окказиональных прилагательных: *...Услышав сирену «Фортеции», всякий узник неизменно думал: ... курва **макроутробная*** (РЗ: 254). Модель: префиксоид *макро-* со значением ‘значительно большей или максимальной величины’ + *утробн(ый)* → *макроутробный*. В данном случае с помощью *макро-* образуется отадъективное прилагательное, что не характерно для узуального словообразования, ср.: *космос – макрокосмос, рельеф – макрорельеф* и др. «Расширение деривационных и синтагматических возможностей префиксов способствует повышению экспрессивности новообразований» [Рацибурская 2011: 576].

Помимо модификационных, окказиональные лексемы, созданные при помощи префиксоидов, могут обладать и другими типами значений. Например, характерным

для идиостиля писателя является использование префиксоида *нео-* со значением ‘в новой, видоизмененной форме’ для создания окказиональных лексем: «Смельчаковицина» с ее чуждым духу советской военной поэзии **«неокиплингианством»**... (МКК: 14). Модель: основа *киплингианств(о)* + *нео-* → *неокиплингианство*, ср.: *неомальтузианство*, *неокантианство* и др.

Рассмотрим другой пример. В «Редких землях» один из персонажей ко всем словам добавляет компонент *нео-*: ...*Мне захотелось, чтоб мир начинался на «нео»: неомир, неодень, неожизнь!* (РЗ: 342). Префиксоид *нео-* вносит в семантическую структуру слова узуальный смысловой компонент ‘новый’. Последовательное употребление в ряду однородных членов данных единиц создает эффект преобразования окружающего мира.

Другим продуктивным словообразовательным средством, используемым писателем, является префиксоид *птеро-*: *А меня ... увлекают птероклубы* (КС: 606). Модель: *клуб* + *птеро-* → *птероклуб*, ср.: *птерозавр*, *птеродактиль*.

Новообразования могут иметь метафорический характер за счет включения в свой состав префиксоида *метео-*: ...*В это время разыгрывалась беспредметная метеоживопись* (ТС 1: 70); ср. с другим окказионализмом В.Аксенова *метеонасморки* (МКК: 174). Модель: *насморк* / *живопись* + *метео-* → *метеонасморк* / *метеоживопись*, ср.: *метеопрогноз*, *метеосводка* и др.

Проанализируем новообразования с префиксоидом *био-*. Л.В.Рацибурская, описывая словообразовательные процессы в современных российских СМИ, указывает на активизацию префиксоидов *авто-*, *био-*, *эко-* [Рацибурская 2013: 15]. Как и в языке масс-медиа, в речетворчестве писателя словообразовательный формант *био-* обладает высокой степенью продуктивности: *Быть может, путь от праха к духу / Осуществляет весь наш род, / Сквозь биогниль...* (КС: 484). Модель: *био-* + *гниль* → *биогниль*, ср.: *биодобавка*, *биоритмы*, *биомасса* и др.; ср. с другим окказионализмом писателя *биооправка* (КС: 606).

При помощи морфемы *полу-* В.Аксенов создает нарицательные имена существительные: *...Взбивали мочалкой мыльные пузыри, терли его кожу, на которой еще долго звездилась какие-то **полуязвочки*** (Л-Л: 72). Модель создания окказионализма можно интерпретировать двояко: основа *полуязв(а)* + *-очк-* со значением уменьшительности и экспрессией ласкательности → *полуязвочка*, ср.: *вазочка, звездочка, дурочка, мордочка*. Или основа *язвочк(а)* + *полу-* → *полуязвочка*.

Данный словообразовательный формант выделяется не только в окказиональных именах существительных, но и в окказиональных прилагательных, что свидетельствует о высокой степени его продуктивности: *Алекс Корбах приближается со своим **полулунатическим** видом...* (НСС: 370). Модель: основа *лунатическ(ий)* + *полу-* со значением 'неполнота признака' → *полулунатический*, ср.: *полубольной, полураздавленный*.

Проанализируем другой пример: *«А мы-то здесь при чем?» – спросил он ... **полулюксембургского** мужа полудипломатической полужены* (О: 384). Модель: основа *люксембургск(ий)* + *полу-* со значением 'неполнота признака' → *полулюксембургский*, ср.: *полуфранцузский, полунемецкий* и др. Новообразование используется автором в игровых целях: жена одного из персонажей романа «Ожог» родом из Люксембурга, поэтому ее муж наполовину является люксембуржцем.

Еще одним продуктивным словообразовательным средством в словотворчестве автора является префиксоид *псевдо-*, обозначающий ложность или мнимость того, что названо мотивирующим словом: *...Народ смотрел на большого дядьку в тяжелом пальто и стройного **псевдоюнца*** (НСС: 278). Модель: основа *юнец* + *псевдо-* → *псевдоюнец*, ср.: *псевдонаука, псевдоискусство*.

Зачастую в семантике данного префиксоида может быть уже заложен прагматический компонент: *В отличие от исторического Бурлюка, этот **псевдобурлюк** никогда не стремился в лидеры...* (КС: 15). Модель: основа *Бурлюк* + *псевдо-* → *псевдобурлюк*. Отметим, что окказионализм в данном случае наделяется

отрицательной оценкой, усиливающейся благодаря тому, что он образован на основе имени собственного с одновременным переходом в разряд нарицательных слов.

Проанализируем другой контекст. В нем новообразование, созданное при помощи данного форманта, называет лицо со специфическими чертами характера: *«Хорошим ребятам» впору в ЦК ВЛКСМ сидеть, а вот Кукуша, весьма замкнутого **псевдоскромнягу**, туда не засунешь* (ТС 1: 49-50). Модель: основа *скромняг(а)* + *псевдо-* → *псевдоскромняга*.

Окказионализмы, созданные при помощи данного префиксоида, могут относиться к собственным именам существительным: *Тем временем сам Ваксон поднял руку, ... однако на него никто не обращал внимания, все были заняты продвижением к трибуне **псевдо-Ваксона**...* (ТС 1: 132).

Что касается окказиональных имен прилагательных, созданных при помощи *псевдо-*, то их количество в текстах романов В.Аксенова также довольно велико. Некоторые из них выражают отрицательную оценку в соответствии с исходной маркированностью форманта: *Она, впрочем, старалась не поддаваться **псевдогрубоватому** стилю утонченной москвички* (КС: 446). Модель: основа *грубоват(ый)* + *псевдо-* со значением ‘ложности или мнимости по отношению к тому качеству, что названо мотивирующим словом’, → *псевдогрубоватый*, ср.: *псевдонародный, псевдохудожественный* и др.

Оценочность может достигаться за счет создания окказионализма на основе имени собственного: *...Она была образом гулящей и хитрой, ... **псевдохемингуэвской**, лживой и мимолетной Москвы* (О: 558).

Окказиональные имена прилагательные данного типа могут не иметь оценочной коннотации: *...Виднеются либо островерхая белая церковь, либо **псевдоганзейская** линия таунхаусов* (НСС: 306). Модель: основа *ганзейск(ий)* + *псевдо-* → *псевдоганзейский*, ср.: *псевдоклассический, псевдобарочный*. В данном случае префикс приобретает значение ‘похожий на того, кто назван мотивирующим словом’, в данном случае – на Ганзу, представляющую собой, по определению

Большого энциклопедического словаря, «торговый и политический союз северо-немецких городов в 14-16 вв.» [Большой 2000: 250].

Рассмотрим другой пример: *Наши старшие братья ... напевали на свой манер один из напевов псевдопридурковатого Джорджа* (Л-Л: 41). Как и в предыдущем контексте, *псевдо-* приобретает значение 'похожий на того, кто назван мотивирующим словом', ср.: «*Чтойсь ноне без покойствия в округе*», – заговорила она на своем *псевдоарзамасском* наречии (МКК: 257).

Наконец, для В.Аксенова характерно создание отдельных новообразований с теми или иными префиксоидами: *И загудел губами и носом что-то совершенно несусветное, которое он еще усугублял самоотбиваемыми ритмами...* (ТС 1: 166). Модель: *отбиваем(ый) + само-* → *самоотбиваемый*, ср.: *самозастываемый, самоохлаждаемый* и др.; *Не было ни одного самопристойного оружия* (Л-Л: 250). Модель: *само- + пристойн(ый) → самопристойный*, ср.: *самотканый* и др.

Отметим, что такие префиксоиды и производящие основы могут обладать идентичной семантикой: *Полтора года взаимомагнитных отношений...* (ТС 2: 27). Модель: *взаимо- + магнитн(ый) → взаимомагнитный* (проявляющийся по отношению друг к другу, обоюдный), ср.: *взаимозависимый, взаимообусловленный, взаимосвязанный* и др.; ср. с другим окказионализмом писателя *обоюдопристойное (оружие)* (Л-Л: 250).

2.1.2 Суффиксация

Новообразования, созданные данным способом, в текстах романов писателя встречаются часто и отличаются разнообразием формантов. Суффиксация используется В.Аксеновым для создания окказиональных имен существительных, прилагательных, глаголов и наречий. Обратимся к анализу суффиксальных окказионализмов-существительных. Как известно, они могут мотивироваться существительными, прилагательными и глаголами. Проанализируем отыменные

существительные. Чаще всего они обладают модификационными словообразовательными значениями.

1) Самыми частотными в исследуемых окказионализмах являются субъективно-оценочные значения. Они представляют для нас особый интерес, так как обладают наиболее сильной экспрессией: «Субъективно-оценочные преобразования слов – это <...> обширная система многоаспектных и функционально разнообразных средств выражения экспрессивной оценки <...> прагматических характеристик высказываний и текстов» [Химик 2010: 388].

А. Уменьшительное (диминутивное) значение, как правило, сопровождается дополнительными семантическими компонентами – ласкательностью или, наоборот, уничижительностью.

Новообразования-существительные с семантикой уменьшительности могут создаваться с помощью суффикса *-ек-* в результате чересступенчатого словообразования, под которым понимается «образование слов с пропуском любого количества словообразовательных звеньев. <...> Механизмом чересступенчатого словообразования управляет закон аналогии» [Тихонов 1985: 47]. Рассмотрим следующий пример: *Заливистый короткий кашлешочек Виктора Малаевича* (О: 10). Модель образования: *кашель* + *-ешок-* → **кашлешок* + *-ек-* → *кашлешочек*, ср.: *кивочек, тычочек* и др.

Иногда окказионализмы, образованные по данной модели, могут обладать дополнительным оттенком ласкательности и разговорности: *...Шум Резервуара был на секунду покрыт рычком заводящегося мотора* (РЗ: 196). Модель: основа *рык* + суффикс *-ок-* → *рычок*, ср.: *кофеёк, чаёк* и др.

Субъективно-оценочная семантика может выражаться с помощью других формантов. Так, суффикс *-ишко-* позволяет придать слову оттенок пренебрежительности: *Свернув с людной улицы в городской парчишко ... , он пустился бежать* (РЗ: 433). *Парк* + *-ишко-* → *парчишко*, ср.: *городишко, письмишко, домишко* и др. В.В.Химик в словах, образованных с помощью данного суффикса,

выделяет семантический компонент 'неказистый, непритязательный, нередко жалкий', например, в слове *домишко* [Химик 2010: 378], который в данном контексте, безусловно, также имеет место.

Образования с уменьшительно-ласкательным суффиксом *-очк-* могут сопровождаться оттенком фамильярности и, как следствие, семантико-стилистическим снижением: *С возвращением в ваше ... пространствочко* (КС: 416). Модель образования: основа *пространство* + суффикс *-очк-*.

Б. Увеличительное (аугментативное) значение.

Существительные-квалификаторы могут быть созданы при помощи разных словообразовательных средств. В частности, при помощи суффикса *-ищ(е)*. Рассмотрим следующий контекст: *Возле них крутится высокопоставленный Фотий Феклович Клезмцов, ... заглядывает преданно прежним друзилищам в лица...* (РЗ: 246). Модель образования окказионализма: основа *друг* + интерфикс (асемантический элемент) *-ил-* + суффикс *-ищ(е)* → *друзилище*. Следует подчеркнуть, что в узуальной речи формант выражает конкретно-предметное значение, ср.: *удилище*. В индивидуально-авторском употреблении слово *друзилище*, на наш взгляд, выражает именно увеличительно-оценочный компонент семантики, ср.: *человечище*, ср. с другим окказионализмом писателя *стукочище* (ТС 1: 142).

2) Стилистическая модификация.

Данный тип преобразования семантики производящей основы может выражаться различными способами, но в текстах романов В.Аксенова основным является образование лексических единиц с помощью суффикса *-енциј/-енц/-анц-*. Это словообразовательное средство широко используется в русской разговорной речи: например, с его помощью создаются так называемые «шутливые синонимы» мотивирующих слов: *...Транзитный авиабилет и жалкая валютенция были уже в кармане* (ТС 1: 172); *Тут мы добавим кое-какую наблюденцию по поводу нравов* (НСС: 271). Модель: основа *валют(а)* / *наблюдениј(е)* + *-енциј-* → *валютенция* / *наблюденция*, ср.: *книженция, собаченция, старушенция, штукенция* и др.

Во всех случаях стилистическая модификация сопровождается коллоквиализацией преобразованного слова (приобретением разговорной окраски).

3) Собирательное значение представлено в существительных, называющих совокупность того, что названо мотивирующим словом.

Проанализируем следующий контекст: *Пруд в эту пору кишит жизнью. Тон в ней, конечно, задают жабы. ... Фон этим солистам создает какофония мелкого лягушанства* (КС: 92). Модель: основа *лягушк(а)* + суффикс *-анств(о)* со значением 'союз, объединение тех, кто назван мотивирующим словом' → *лягушанство*. Здесь наблюдается словообразовательная игра: формант *-анств(о)* выступает в нехарактерном для него значении собирательности, в то время как лексемы с данным суффиксом обычно имеют значение 'приверженцы, сторонники учения того, кто назван мотивирующим словом' ср.: *нищиеанство, фабианство, гумбольдтианство*.

Рассмотрим другой пример: *Ну, орлы! Вот орлы! Посмотрите, какое орло!* (Л-Л: 199). Модель: основа *орел* + суффикс *-о-* → *орло*. Налицо собирательное значение окказионального имени существительного, называющего группу молодых людей, ср.: *бабьё, вороньё, мужичьё, старичьё*.

4) Менее частотными в художественных текстах В. Аксенова являются окказиональные существительные с семантикой невзрослости.

Данное значение часто сопровождается иронией, разговорной фамильярно-стилистической окраской, характерной для экспрессивного словообразования: *Я вижу в тебе обыкновенного человечёныша* (КС: 595). Окказионализм образован при помощи суффикса *-ёныш-* от основы *человек*, ср.: *детёныш, утёныш, гадёныш* и др.

Рассмотрим другой пример. В романе «Новый сладостный стиль» у писателя возникает необходимость назвать одного из членов семейства Корбахов: *Затем настала очередь самого молодого корбахёнка* (НСС: 157). Здесь с помощью суффикса *-ёнок-* со значением невзрослости создается нарицательное

существительное для наименования младшего представителя данного семейства, ср. *цыганёнок, пацанёнок, негритеёнок* и др.

Данный суффикс может приобретать дополнительное значение уничижительности, пренебрежительности: ...*Этот эштерхазёнок* имеет интерес к молодым человеческим самкам (МКК: 298); ср.: ...*Вдруг какой-то товарищенок* с белорусскими чертами лица ... испустил крик (МКК: 354). Модель: *Эштерхази / товарищ* + *-онок- (-ёнок-)* → *эштерхазёнок / товарищенок*.

Суффиксальные прилагательные представлены преимущественно новообразованиями с модификационным типом значения. При этом частотной является семантика суффиксов со значением степени проявления признака: ...*По залу прошли дружноватые* хмычки... (РЗ: 159). Модель: основа *дружн(ый)* + суффикс *-оват-*, образующий имена прилагательные со значением 'наличия качества в слабой степени или имеющий некоторые свойства того, что обозначается мотивирующим словом' → *дружноватый*, ср.: *крючковатый, угловатый* и др. Следует отметить, что данная модель в текстах романов писателя встречается довольно часто.

Нередко такие имена прилагательные называют черты характера человека: *Зал посмеялся с несколько коварноватым* дружелюбием (РЗ: 159). Модель: основа *коварн(ый)* + суффикс *-оват-* → *коварноватый*, ср.: *мрачноватый, трусоватый*.

Новообразования с суффиксом *-оват-* могут наделяться жаргонной коннотацией в соответствии с семантикой производящей основы: «*Что ты болтаешь, Такович? Какие еще плевелы?*» – *засмеялась кирноватая* чувиха (МКК: 268). Модель: основа *кирн(ой)* + *-оват-* → *кирноватый*.

Рассмотрим следующий пример: *В сердцевине этой толпы двигалась дюжина битниковатых* вождей острова Свободы (ТС 1: 229). Как известно, «разбитое поколение» (англ. beat generation) («битники») – это литературное и молодежное движение в США середины 1950-х – начала 1960-х гг., которое провозглашало добровольную бедность, бродяжничество, эротическую свободу, анархический

гедонизм, отрешенность от социальных проблем, увлечение дзен-буддизмом [Большой 2000: 991]. Новообразование свидетельствует, скорее, о внешнем сходстве «вождей острова Свободы» с битниками, чем о идейной близости, на что и указывает суффикс *-оват-*.

Такие лексические единицы могут обладать соответствующей оценочной коннотацией: *Интересно, что в **младоватые** годы меня снова и как-то по-новому посетили эти гербы. Где-то я прочел о ... **вечноватом** герое Акакии Акакиевиче* (Л-Л: 37). Модель: основа *млад(ой) / вечн(ый) + -оват-* → *младоватый / вечноватый*.

Оценочность окказионализма может усиливаться за счет наличия дополнительного словообразовательного форманта, например, суффикса *-еньк-* с пренебрежительным значением: *...Она отдавалась ему с некоторым **похабноватеньким** возжелением* (ТС 1: 410). Модель: основа *похабн(ый) + -еньк-* → *похабненьк(ий) + -оват-* → *похабноватенький*.

Необходимо отметить, что прилагательные, образованные от имен существительных, в текстах романов писателя немногочисленны. Так, они могут создаваться при помощи суффикса *-ист-*: *Был он занят своей очередной **бочкотаристой** чепухой* (КС: 23). Модель: основа *бочкотар(а) + суффикс -ист-*, производящий имена прилагательные со значением обладания чем-либо, названным мотивирующим словом → *бочкотаристый*, ср.: *ветвистый, волнистый* и др.

Другой, не менее распространенной, является модель, в которой окказиональное прилагательное образуется при помощи суффикса *-озн-*: *...В одиночестве своего особняка, что по соседству с ... одним из самых **дендиозных** районов столицы, Его Превосходительство принялся разрабатывать образ марксистского денди...* (ТС 2: 92). Модель: основа *денди + -озн-* со значением 'изобилие того или наделенность в большей степени тем, что названо мотивирующим словом' → *дендиозный*, ср.: *тенденциозный, амбициозный*.

Наконец, отдельные прилагательные в текстах романов писателя встречаются исключительно в форме сравнительной степени: *Теперь, стало быть, нам стало*

благороднее и мореплавание! (Л-Л: 235). Модель: основа *мореплаваниј(e)* + *-н-* со значением ‘признак или свойство, относящиеся к тому, что названо мотивирующим словом’ → *мореплаванный*. Наиболее близким к этому окказиональному слову по семантике является узуальное относительное прилагательное *морской*. Как известно, относительные прилагательные не имеют формы компаратива, но новообразование В.Аксенова представлено именно в этой форме. Данный факт свидетельствует о свободном обращении писателя с языковым материалом. Е.И.Коряковцева, анализируя язык рекламы, отмечает, что экспрессивный дериват зачастую «создается не в соответствии со словообразовательным типом, а на основании структурной аналогии, по образцу узуального слова, которое находится в том же рекламном тексте» [Коряковцева 2013: 26]. Данное утверждение, на наш взгляд, в полной мере применимо к этому окказионализму автора, созданному, очевидно, по аналогии с лексемой *благороднее*.

При помощи суффиксов В.Аксенов образует не только имена, но и глаголы: *Возле гостиницы горел слабый фонарь, освещены были окна вестибюля, там калейдоскопничал одинокий телевизор* (НСС: 166). Модель: основа *калейдоскоп* + суффикс *-нича-(ть)* → *калейдоскопничать* со значением ‘осуществлять быструю смену явлений, событий, лиц на телевизионном экране’, ср. с *показывать*.

Особую сложность при анализе глаголов, а именно глагольных форм, представляют собой случаи чересступенчатого словообразования. Это утверждение относится в первую очередь к окказиональным деепричастиям: *Наконец прекратили и полежали молча в обнимку, задыхаясь и раздыхаясь от любви* (НСС: 43). Модель: *дыша(ть)* + конфикс *раз-...-ся* → **раздыха(ть)ся* + суффикс *-а (-я)* → дееприч. *раздыхаясь*. Для наглядности можно привести аналогичную словообразовательную цепочку, в которой слово *дышать* выступает в качестве производящей основы: *дышать* → *задыхаться* → *задыхаясь*. Не случайно деепричастия использованы в одном ряду.

В некоторых случаях глагольные формы субстантивируются: *Ну,*

прохоженствующий, ... *давай разливай!* (КС: 150). Модель: *проходить* + асемантический элемент *-ен-* + суффикс *-ствова(ть)* → **прохоженствова(ть)* + суффикс *-ющ-* → *прохоженствующий*, ср.: *господствовать* – *господствующий* и др.

Для словотворчества В.Аксенова характерно создание суффиксальных наречий. Как и в узуальном словообразовании, данные лексемы образуются от соответствующих прилагательных, сохраняя зачастую их разговорный характер: *Тошнотворновато* несло от мокрых тряпок (Л-Л: 94). Модель: основа *тошнотворноват(ый)* + *-о-* → *тошнотворновато*, ср.: *темновато*, *душиновато* и др.

Прилагательные, послужившие производящей базой для создания авторских наречных новообразований, в большинстве случаев восстанавливаются только потенциально: *Я очень рад, что эти типа динамичные репрезентаторы ... взлетают так ракетонебесно типа ввысь...* (КС: 186). Модель: **ракетонебесный* + *-о-* → *ракетонебесно*, ср.: *повсеместно*, *повседневно* и др.

При помощи суффиксоидов автором в основном создаются окказиональные имена существительные и имена прилагательные.

Рассмотрим следующий пример: ...*Деметрология* из нее так и сочилась (КС: 536). Окказионализм создан при помощи присоединения к основе *Деметр(а)* (в греческой мифологии богиня плодородия, покровительница земледелия [Большой 2000: 340]) суффиксоида *-логиј(а)* и интерфикса *-о-*, ср.: *биология*, *геология*, *теология*. Как отмечает О.Ю.Руденко, элемент *-логия* может иметь не только терминологический, но и шуточный характер [Руденко 2011: 560], что и наблюдается в данном контексте.

Проанализируем другой контекст: *Возле столовой, оказывается, дежурил милицейский патруль, два олуха на ногах плюс еще один на олуховидном мотоцикле с олухойской коляской* (МКК: 347). Модель образования первого окказионализма: *олух* + суффиксоид *-видн(ый)* → *олуховидный*, ср.: *стекловидный*, *нитевидный*. Что касается второго окказионализма, то он образован при помощи суффиксации,

осложненной чересступенчатым словообразованием: *олух* + суффиксоид *-оид-* → **олухоид* + суффикс *-н-* → *олухоидный*.

2.1.3 Конфигкация

Для идиостиля писателя характерно использование окказионализмов, созданных при помощи конфикса. Так образуются индивидуально-авторские глаголы и наречия. В рамках данного способа образования глаголов зачастую наблюдаются случаи чересступенчатого словообразования: *За два года моего отсутствия Нью-Йорк ... в марафонском смысле порядочно проэфиопился* (РЗ: 197). Модель: основа *эфиоп* + суффикс *-и(ть)* → **эфиопи(ть)* + конфикс *про-...-ся* → *проэфиопился*, ср. с *просолился*, *прокоптился*. Словообразовательный анализ показывает, что глагол *проэфиопился* не может быть образован непосредственно от основы *эфиоп*. Налицо явный пропуск еще одной словообразовательной ступени, а именно глагола *эфиопить*.

В ряде случаев наименования действий мотивируются лексемами с цветовой семантикой: *Деревья уже начинали ... законьячиваться в глубине роц...* (НСС: 59). Модель: основа *коньяк* + суффикс *-и(ть)* → **коньячи(ть)* + конфикс *за-...-ся* → *законьячиться* со значением 'приобрести цвет коньяка: коричневый с золотистым оттенком', ср.: *зажелтеться*, *закраснеться* и др.

При помощи конфигкации В.Аксеновым могут создаваться не только глаголы, но и глагольные формы, например, причастия. Они могут встречаться в разных романах, но строиться по одной модели. В одном случае они мотивируются собственным именем существительным: *На следующее утро в своей подлой «обезноренной» норе ... он узнал о случившемся* (НСС: 274); ср.: *Великий конструктор тягачей молча и обреченно удалялся ... в свою огромную обезалисенную квартиру* (О: 575-576). Модель: *Нор(а) / Алис(а)* + конфикс *обез-...-и(ть)* → **обезнори(ть)* / **обезалиси(ть)* + суффикс *-енн-* → *обезноренный* / *обезалисенный*, ср.: *обезжиренный*, *обеззараженный*, *обесцененный* и др.

В другом – нарицательным: *Мы ... оставляем скучное, обезальбатросенное окно...* (КС: 326). Модель: основа *альбатрос* + конфикс *обез-...-и(ть)* → **обезальбатроси(ть)* + суффикс *-енн-* → *обезальбатросенный*. В данном случае окказионализм является страдательным причастием прошедшего времени.

Что касается индивидуально-авторских наречий, то они образуются по типичным узуальным словообразовательным моделям, а именно путем присоединения конфикса к производящей основе: *Он вдруг вспомнил, как в юности ... загуляли они с Петрушайло по-есенински, по-павловасильевски...* (КС: 245). Модель: основа *павловасильевск(ий)* + *по-...-и*, образующий наречия с обстоятельственным значением признака, который назван мотивирующим словом → *по-павловасильевски*, ср.: *по-охотничьи, по-хозяйски, по-ленинградски* и др.

2.1.4 Сложение

Данный способ образования новых лексем в словотворчестве В.Аксенова является наиболее продуктивным. Это утверждение относится в первую очередь к окказиональным именам существительным. Для их создания автор использует следующие типы сложения:

А. Чистое сложение: *Мы, кажется, еще не рисовали для вас портрета Дика Путни, этого всемогущего производителя разного рода **киновздора**...* (НСС: 431). Модель: *кино* + *взор* → *киновзор*, ср.: *кинокритик, кинокартина* и др.

Рассмотрим другой пример: *Она вошла и тут же зажала нос двумя своими **пианопальчиками*** (МКК: 224). Модель: *пиано* + *пальчик* → *пианопальчик*, ср.: *пианорок, пианорама, пианобар* и др.

Создавая окказионализмы при помощи сложения, в некоторых случаях В.Аксенов использует новообразование другого писателя или поэта: *Увел орду своих **скрытымным-поклонников**...* (ТС 2: 198). Модель: *скрытымным* + *поклонник* → *скрытымным-поклонник*, ср. с названием стихотворения Андрея Вознесенского «Скрытымным».

Нередко окказионализмы, образованные путем сложения, выступают в качестве прецедентных текстов: ...*Чрезмерное в воздухе и под пледами скопление маленьких **самолётов-соломонов*** (ТС 2: 42). Модель: *самолёт* + *Соломон* → *самолёт-соломон*. В представленном контексте угадывается рифма из стихотворения Беллы Ахмадулиной «Маленькие самолеты», на что и указывает дефисное написание, ср.: *А то глаза открою: в ряд // все маленькие **самолёты**, // как маленькие **Соломоны**, // всё знают и вокруг сидят*.

Новообразования, созданные при помощи сложения, помогают автору создавать емкие и яркие образы: ...*Всех нас, наше творчество, нашу мечту, нашу мысль - всё душит ... рыгающий **мир-бегемот!*** (НСС: 186). Модель: *мир* + *бегемот* → *мир-бегемот*. В некоторых случаях такие лексемы характеризуются принадлежностью к высокому стилю: ***Время-Изгнание** сотворило биологию...* (НСС: 485).

Лексические единицы данной группы нередко служат средством создания иронии: *Открылась задняя дверь спасательной машины. Загорелся яркий внутренний свет. **Персону-труп...*** (О: 484-485); ср.: *Главный герой романа, **сталевар-многоженец**, ... как раз находился на передовой позиции* (О: 237).

Новообразования, созданные путем чистого сложения, преимущественно наделяются разговорной коннотацией: *Под ребром была ямка с кровавой дыркой, откуда тщи́лась ... какая-то **змеюха-медунья*** (Л-Л: 238). Модель: *змеюх(а)* + *медунj(а)* → *змеюха-медунья*, ср.: *лебедь-шипун, енот-полоскун*.

Разговорная окраска может усиливаться за счет соответствующего лексического окружения: *Хищнейшая **мысль-недоносок** сквозь глазки упорно глядит, сквозь кожу мою прорастает ...* (О: 241).

В некоторых случаях сложение сопровождается преобразованием основ (деривационным и грамматическим): *О, кто ты был, когда забыл ... про **хрюку-поросёну?*** (Л-Л: 239). Модель: *хрюка(ть)* + *поросёнок* → **хрюк-поросёнок* → *хрюка-поросёна*.

Новообразование может осложняться одним суффиксом: *Щурится знаний хват-мастерюга, А сам косолапит с лентой медведя* (КС: 148). Модель: хват + мастер + суффикс -юг-(а) → хват-мастерюга.

Рассмотрим другой пример: *Она прошла мимо, ... отчаянно и драматично, тошнотворный советский сюжет-вернячок* (О: 576). Модель: сюжет + верняк + суффикс -ок- (-к-) → сюжет-вернячок.

При помощи чистого сложения образуются и индивидуально-авторские глагольные формы. Они преимущественно являются причастиями, могут наделяться мелиоративной коннотацией и принадлежать к высокому стилю: *По ходу ужина свежие мысли благовозвращённого патриотизма продолжали поступать с перекладины буквы «П»* (РЗ: 76). Модель: благо – первая часть сложных слов со значением ‘хорошо, добро’ + возвращённ(ый) → благовозвращённый, ср.: благорасположенный, благомыслящий, ср. также благоприобретённый – ‘приобретенный лично, не наследственно’. По мнению Т.М.Фадеевой, структура композита потенциально готова к воспроизведению в составе новых единиц, чем не могут не воспользоваться поэты и писатели, стремящиеся наиболее полно и самобытно отразить в слове свое мировидение, мироощущение [Фадеева 2011: 680]. Отметим, что в представленном отрезке текста атрибутив обладает дополнительной образной коннотацией, так как является эпитетом.

Наконец, в отдельных случаях данным способом образуются индивидуально-авторские наречия: *Милейший Кукуш ... грустноватенько-весельчаковски хохотнул* (ТС 1: 432). Модель: грустноватенько + весельчаковски → грустноватенько-весельчаковски.

Чистое сложение может сопровождаться интерфиксацией. Окказионализмы, созданные данным способом, в основном являются отвлеченными именами существительными. В одном случае такое новообразование является книжным: *...Сидит даже не джинсовая юность, а модельная младозрелость...* (РЗ: 122).

Модель: *млад(ой)* + -о- + *зрелость* → *младозрелость*. Отметим, что здесь объединены противоположные понятия: *младость* и *зрелость*.

В другом случае окказионализм приобретает разговорную коннотацию: *Гул. Шлепанье подошв. Брехня. Смех. Лай. Смехолай* (О: 21); ср.: ...*Недокормленное комplotство, перекормленное флотство, уплотненный шоковздор!* (Л-Л: 213). Модель: *смех* + -о- + *лай* → *смехолай*, ср. *шок* + -о- + *вздор* → *шоковздор*, ср. с узуальной лексической единицей *лесостепь*.

Интерфиксальные новообразования могут использоваться для того, чтобы дать наименование не только отвлеченным понятиям, но и лицам: ...*Собралась толкучка альманахопоклонников* (ТС 2: 78). Модель: *альманах* + -о- + *поклонник* → *альманахопоклонник*, ср.: *солнцепоклонник, книгопоклонник* и др.

Б. Сложение с предшествующей ей аббревиацией одного из двух компонентов билексемы: *На углу 1059-й его взгляд привлек странный экипаж, полулимо-полуфургон лазурного цвета* (НСС: 491). Модель: *полулимузин* + *полуфургон*, в котором усекается первый компонент. Окказионализм обладает разговорной окраской и создается В.Аксеновым для того, чтобы номинировать неизвестный вид транспорта, в результате чего возникает окказиональный композит, обозначающий механический транспорт легкового и грузового типа одновременно. Отметим единичность данного словообразовательного способа в языкотворчестве писателя.

В. Сложение в сочетании с суффиксацией (суффиксально-сложный способ): *Всем карикатуриносам придется держать ответ за разнузданность!* (НСС: 409). Модель: *карикатур(а)* + *носи(ть)* + интерфикс -о- + суффикс -ец- со значением 'лицо мужского пола – носитель признака' → *карикатуриносец*, ср. *рогоносец, факелосец, знаменосец* и др.

Окказиональные сложные прилагательные, как и имена существительные, могут создаваться при помощи сложения с интерфиксацией: *Неужели нельзя надеть им на головы плевконепроницаемые мешки?* (ТС 2: 179-180). Модель: *плевок* + интерфикс -о- + *непроницаем(ый)* → *плевконепроницаемый*, ср. *водонепроницаемый*.

Отметим, что такие окказионализмы чаще всего образуются на базе подчинительных словосочетаний: *Второй рассказ ... , построенный на игре различноязыких матерщин, повествовал о западном агенте* (ТС 2: 61). Модель: *различн(ые) язык(и) + -о- → различноязыкий*, ср.: *быстроногий, длиннорукий*, ср. с другим окказионализмом писателя *длиннопушечный* (Л-Л: 243).

Как отмечает И.Онхайхер, прирост новой лексики с номинативной функцией в современных славянских языках большей частью осуществляется с помощью материальных заимствований, калек или же гибридных образований, среди которых большое место занимают разные образцы словосложения [Ohnheiser 2013: 69]. Продуктивность словосложения и его разновидностей в языкотворческой деятельности В.Аксенова в полной мере соотносится с этой тенденцией. Кроме того, авторские новообразования, созданные при помощи данного способа образования лексем, выступают в качестве иллюстрации богатых возможностей словообразовательной системы русского языка.

2.1.5 Аббревиация

В современном русском языке данный способ образования новых слов характеризуется постоянно возрастающей продуктивностью. По мнению М.А.Черкасовой, аббревиация является новым перспективным способом словообразования, а аббревиатура – полноценной единицей речи [Черкасова 2014: 200]. Анализируя лексические аббревиатуры, М.А.Ярмашевич отмечает, что такие языковые единицы обладают всеми признаками знаменательных слов: они характеризуются графической, фонетической и грамматической оформленностью, принадлежат к какой-либо части речи [Ярмашевич 2009: 224].

В.Аксенов в словотворчестве обращается к разным типам аббревиации. Например, для писателя характерна авторская расшифровка аббревиатуры: *Что касается аббревиатуры АОП, ... перед нами не что иное, как Академия Общего Порядка* (РЗ: 155). Перед нами типичная трехчастная структура, свойственная

большинству как узуальных, так и авторских аббревиатур. Отметим, что в узусе *АОП* расшифровывается как «Аспектно-ориентированное программирование».

Обращаясь к данному способу словообразования, В.Аксенов довольно часто специально выделяет слова, послужившие основой для окказионализма. Данный факт позволяет наглядно продемонстрировать сам процесс аббревиации. Отметим, что ряд новообразований создается на базе не трех-, а пятикомпонентной структуры: *...Справедливый упрек со стороны своего в Высшей Степени Уважаемого и Проницательного Читателя (ВСУПЧ)* (НСС: 459).

Что касается трехкомпонентных структур, то в тексте В.Аксенов в некоторых случаях предлагает несколько вариантов их расшифровки: *«Интересно, что означает эта аббревиатура, МИО?»* – подумал вслух Ген (РЗ: 129). Далее в тексте романа персонажи предлагают свои варианты трактовки словообразовательной природы аббревиатуры: *«Мускулы и Органы»*; *«Мощь и Оборона»*; *«Мир и Охрана»*; *«Мудрость и Осторожность»*; *«Мышь, Игуана, Опоссум»*; *«Меланхолия, Истерия, Одиночество»*; *«Мрак, Игла, Огонь»* (РЗ: 129-130).

Отметим, что на базе данной индивидуально-авторской аббревиатуры создается окказиональное прилагательное: *Простите, ребята, мне вспомнились эти миошные экземпляры* (РЗ: 129). Модель: основа *МИО* + суффикс *-шин-*, выделяющийся в именах прилагательных со значением признака, который характеризуется отношением к тому, что названо мотивирующим словом → *миошный*, ср.: *гетеошный, чэпэшный*.

В некоторых случаях В.Аксенов создает аббревиатуры слогового типа: *Любопох в чистом виде...* (КС: 162). Модель: *любо[вь] + пох[оть] → любопох*.

Среди окказионализмов писателя встречается и аббревиатуры-усечения. В узусе они относятся, в первую очередь, к разговорной речи. Соответственно новообразования, созданные данным путем, зачастую являются сниженными, разговорными. Такая разновидность аббревиации характерна для многих языков, но наиболее часто она встречается в американском варианте английского: *Толпа*

*пассажиров, очевидно, счастлива узреть материализацию долгожданного **тролла*** (КС: 67). Модель: *троллейбус* → *тролл*.

Наконец, распространенными в языке писателя являются новообразования – аббревиатуры, представляющие собой сочетание начальной части слова с целым словом. Окказионализмы, созданные данным способом, в основном называют людей: *Ну, господа **капспециалисты**, на какой другой уровень нам надо подниматься?* (РЗ: 169). Модель: *кап[италистический]* + *специалист* → *капспециалист*, *капстрана*, ср.: специалист из капстраны.

Таким образом, в словотворчестве В.Аксенова представлены практически все продуктивные узуальные способы словообразования русского языка: префиксальный, суффиксальный, конфиксальный, сложение и его разновидности, а также аббревиация. Предпочтение, отдаваемое писателем окказионализмам с модификационными типами значений, позволяет ему максимально наглядно, четко и ясно расставить все акценты, показать свое отношение не только к отдельным героям, но и к событиям, происходящим в том или ином романе. Наконец, разнообразие словообразовательных моделей, по которым строится большинство окказиональных слов писателя, а также предпочтение, отдаваемое определенным словообразовательным формантами и чересступенчатому словообразованию, свидетельствуют о системном характере речетворческой деятельности писателя.

2.2 Неузуальные способы

В настоящее время в дериватологии выделяются следующие способы неузуального (окказионального) словообразования: гендиадис, контаминация, виртуальная деривация, интеграция, неморфемное усечение, заменительная деривация, креация, лексикализация аббревиатур путем соединения с аффиксами, редеривация, срединная неморфемная вставка, ретроскрипция, аугментация, субституция и др.

Анализ окказиональной лексики В.Аксенова позволил выделить несколько способов неузвального словообразования.

2.2.1 Гендиадис

Данный способ словообразования, именуемый также рифмованным сложением, представляет собой разновидность сложения, при которой второй компонент окказионализма является фонетической трансформацией первого. Как отмечает Н.А.Янко-Триницкая, при гендиадисе образуется «особый, чисто окказиональный тип униморфов, представляющих собой повторы-отзвучия, своеобразные «прицепы» к слову, повторяющие данное слово с изменением начального звука или группы начальных звуков, например: *фокус-покус, страсти-мордасти, трава-мурава, чудо-юдо, коза-дереза*» [Янко-Триницкая 2001: 470]. Способ образования соответствующих окказиональных слов И.С.Улуханов называет заменой фонем или комбинацией неморфемного усечения с добавлением фонем (*картошка-мартошка*) [Улуханов 1996: 79]. С.В.Ильясова для описания этого явления использует термин «фокус-покус прием», указывая на игровой характер подобных новообразований [Ильясова 2013: 199].

Новообразования, созданные при помощи гендиадиса, могут расщеплять исходную производящую основу (в частности, фамилию), что приводит к возникновению иронично-уничижительной окраски имени собственного: *Ну вот, она уходит с этим Кокки-мокки-накки-такки* (МКК: 192). Модель: *Георгий Моккинакки* → *Кокки-мокки-накки-такки*; ср.: *Серезжа коки-маки!* (Л-Л: 204-205).

Зачастую новообразование, созданное рифмованным сложением, оказывается стилистически сниженным за счет сближения с разговорными лексемами, и способствует возникновению сатирического эффекта: *Сейчас нажратые ... завалились в зал «Чаир» на энтертейнмент-шментертейнмент, чтобы разогнать циркуляцию-шмеркуляцию* (КС: 308); ср. с разг. *танцы-шманцы, банки-*

шманки, ср. у В.Набокова: *Метерлинк-Шметтерлинг*. Во всех случаях рифмованное сложение является одним из способов языковой игры.

2.2.2 Контаминация

По мнению Е.А.Земской, контаминация представляет собой соединение двух узуальных слов, образующих окказионализм и, хотя часть слова устраняется, она остается в том фоне, который служит двойному осмыслению окказионализма [Земская 2009: 191]. Р.Ю.Намитокова под контаминацией понимает «проникновение первой части одного слова в другое и вытеснение из этого другого слова его начала» [Намитокова 1986: 135]. Нами установлено, что В.Аксенов использует разные типы контаминации.

А. Собственно контаминация: *Паук серпа-и-молота все еще висит на крыше, однако рядом с ним сидят «Роллекс», «Самсунг» и прочая **капханалия*** (КС: 64). Модель: *капитал* + *вакханалия* → *капханалия*. «Высокой степенью экспрессивности обладают разного рода контаминированные новообразования, созданные с участием иноязычных основ» [Рацибурская 2010: 294].

Рассмотрим другой пример, в котором экспрессивность сопровождается семантикой неодобрения: *Знаю, мой возраст, «Чайка», знаки отличия рождают в вашем сознании определенные **аксессуации*** (О: 349). Модель: *аксессуар* + *ассоциациj(a)* → *аксессуация*.

Б. Контаминация с наложением одной лексемы на другую. Такая разновидность контаминации является распространенной в словотворчестве писателя. С ее помощью автор создает окказиональные названия птиц: *...Я, кажется, начинал общаться сидеть совместно с яйцами **переплётки*** (Л-Л: 242). Модель: *переплёт* + *перепёлка* → *переплётка*.

В некоторых случаях контаминация с наложением осложняется интерфиксацией: *Они пошли уже всем дядинским **кругоераком**...* (Л-Л: 205). Модель: *круг* + интерфикс *-о-* + *буерак* → *кругоерак*.

Рассмотрим другой пример: *Славный мальчик: три недели живет один в такой кубоквадратуре...* (МКК: 128). Модель: *кубатур(а) + -о- + квадратур(а) → кубоквадратура*.

Среди новообразований В.Аксенова встречаются и контаминанты-наречия: *«Хадми, дабми, – пробормотал он, – вдалечь, **неспростати**, иверни, выверни, хитрый игрень!»* (Л-Л: 228). Модель: *неспроста + кстати → неспростати*.

Как отмечает Н.А.Николина, «контаминация – явление внутренне противоречивое: с одной стороны, оно связано с тенденцией к стиранию внутренней формы слова, с другой – с тенденцией к семантизации звуковых комплексов, его составляющих» [Николина 1996: 316].

В. Контаминация с метатезой, представляющая собой взаимную перестановку звуков или слогов в словах: *Подражая Владимиру Набокову с его «Толстоевским» ... Александр придумал себе автора пьесы: «Лейтенант **Гоглоевский**»* (НСС: 272). Модель: *Гоголь + Достоевский → Гоглоевский*. Интересно, что такие лексемы могут выступать в качестве производящей базы для других окказионализмов писателя: *Со сцены несло настоящей **гоглоевщиной*** (НСС: 273). Модель: *Гоглоевск(ий) + -щин-(а) → гоглоевщина*.

Г. Вариантом контаминации является тмезис. Это вставка одного исходного слова внутрь другого: *Таков был мальчик ... – **перевернутень** Акси-Вакси* (Л-Л: 238). Модель: *основа перевертень (оборотень – обл.) + тут → перевернутень*.

Проанализируем другой контекст: *Готово уже, созрело уже и трахнулось ... **повсесменно** нацеленными и раскаленными муссолиниевскими пыжами* (Л-Л: 230). Модель: *повсеместно + смен(а) → повсесменно*.

Контаминация и ее разновидности способствуют возникновению семантической многомерности окказионализма, усилению его экспрессивности, помогают достичь комического эффекта. Н.А. Купина, называя контаминированные новообразования креатемами-гибридами, отмечает, что они отражают процесс карнавализации языка [Купина 2013: 390].

2.2.3 Неморфемное усечение

Данный способ окказионального словообразования является разновидностью нелинейной деривации и представляет собой удаление форманта из мотивирующего слова либо его условное присутствие.

А. собственно неморфемное усечение: «*Смэл-Ча-Кау*», – *бормотал он...* (МКК: 172). Модель: *Смельчаков* → *Смэл-Ча-Кау*. В данном случае контекст позволяет читателю оказаться включенным в языковую игру, ср.: *Транс-фак-катаром* *приблизился бок мужчины...* (О: 242). Модель: *трансфокатор* → *транс-фак-катар*. Новообразования, созданные данным способом, позволяют автору выделить в тексте те или иные компоненты значения новообразования. Например, в структуре первого окказионализма выделяется компонент, указывающий на смелость персонажа. В структуре второй лексемы присутствует бранный иноязычный компонент. По мнению лингвистов, самая интенсивная негативная оценка окказионального слова усиливается за счет переключки с узуальными словами и выражениями инвективного, обесценного характера [Рацибурская 2013: 45], что и имеет место в данном отрезке текста.

Б. включение графического знака в неморфемное усечение: *Возгласы никогда не должны переродиться в крик, тем более в вопль, а еще более в во! пли!...* (МКК: 353). Восклицательный знак, разделяющий лексему, является индикатором включения в речь показателей психоэмоционального состояния человека и маркирует слово-высказывание эмоциональной семантики.

2.2.4 Графические способы

Такие способы образования новаций представляют собой изменение написания слова, т.е. любую трансформацию его графического состава. Данное явление обозначается термином графодеривация [Попова 2007]; кроме того, новообразования-графемы ученые предлагают называть визуальными неологизмами, или неологизмами-написаниями [Маринова 2005: 127-128].

А. Интеграция. Этот способ окказионального словообразования, также именуемый слиянием или голофразисом, представляет собой, по определению Т.В.Поповой, «образование нового слова на базе словосочетания или предложения путем ликвидации пробелов между словами» [Попова 2005: 109]. Рассмотрим следующий пример: ...*Бурныедолгонесмолкающиепереходящиевтопот, одинокий возглас с армянским акцентом...* (О: 149). В представленном контексте интеграции подвергнуто распространенное в известную эпоху клишированное выражение «бурные, долго несмолкающие, переходящие в овацию аплодисменты», где вместо слова *овация* писатель вставил лексему *топот*. Окказионализм, образованный с помощью слияния, позволяет В.Аксенову сатирически охарактеризовать одну из ярких примет советской партийной жизни.

В другом случае при помощи голофразиса автор стремится завуалировать эмоционально окрашенную инвективную лексику: *Нам тут не до праздников, трахвашутакподдыхгугугуморжовые!* (ТС 1: 230); ср.: *Во, бло, какая пошла турбуленция! Да это мы, пацаны, сами его, тматтвоютак, раскачали!* (РЗ: 389).

Б. Виртуальная деривация. По мнению ученых, она заключается в том, что одна оболочка служит обозначению двух и более слов. Данный тип образования новых слов предлагается называть графической игрой, «представляющей собой использование разнообразных средств параграфематики: шрифтового выделения, варьирования шрифтов, символов, скобок, кавычек и др., – которое направлено на реализацию воздействующей функции языка» [Ильясова 2013: 67]. В текстах романов В.Аксенова нам встретились следующие разновидности виртуальной деривации:

1. Виртуальная префиксация, выраженная с помощью дефисации: *Имеется такая штука как за-зрение* (ТС 1: 316). Окказионализм *за-зрение* включает в себя узуальную лексему *зрение* и окказиональную *зазрение* и приобретает значение ‘то, что находится за пределами чувственного, а именно зрительного восприятия’.

При виртуальной префиксации В.Аксенов активно использует префикс *не-*:

Еще один не-миг, и я окажусь вне времени (НСС: 46). В одном контексте могут находиться и производящее (без префикса) и производное (с префиксом): *...Главной темой будет любовь, **суть** земной любви и **не-суть** небесной* (НСС: 25). Наконец, в окказионализме могут сочетаться и производящее и производное: *Любовь запредельная, та, что наполняет ... невыразимым счастьем **жизни-не-жизни**, казалась ему понятием, не совпадающим с плотским жаром* (НСС: 25).

Проанализируем следующий контекст: *...Мы на всех парах движемся к феномену «**над-человечества**», а с другой стороны, гениальная инженерия порождает опасность ... образования своего рода «**под-человечества**»* (КС: 428). Модель: *над- / под- + основа человечеств(о) → над-человечество / под-человечество*. Можно установить, что окказионализмы, создаваемые В.Аксеновым путем виртуальной префиксации, способны образовывать антонимические пары при помощи соответствующих префиксов с противоположным значением.

Дефис используется не только в новообразованиях с префиксом, но и с префиксоидом: *Двадцатилетний **полу-Пьеро**, полухулиган, красивый Самсик собственной персоной* (О: 36). *Пьеро* – традиционный персонаж французского народного театра [Большой 2000: 982], представляющий собой отвергнутого несчастного влюбленного. Обращение к прецедентному имени позволяет В.Аксенову кратко, но емко охарактеризовать одного из героев романа.

2. Виртуальная суффиксация, выраженная с помощью парентезиса (скобок): *Кукуш взял гитару и стал тихонько **наигрывать**, ... чтобы сидящая в кустах агентура кустах агентура чего не подумала, не приняла рядовой выпивон за какое-нибудь **сбор(ищ)е*** (ТС 1: 281) или квинтэссенция (кавычек): *Дайте вашему «**изму**» отдохнуть от ваших же эскапад* (ТС 2: 89). Модель: *алкоголизм / эгоизм → «изм»*. Оба новообразования имеют множественную трактовку: окказионализм *сбор(ищ)е* можно идентифицировать как лексемы *сбор* или *сборище*, а «*изм*» – как разговорный вариант лексем с суффиксом *-изм*, например, *алкоголизм, эгоизм* и т.д.

В. Создание окказиональных дефисных комплексов.

В настоящее время в художественных текстах часто встречаются окказионализмы разной конструктивно-графической оформленности. В лингвистике они получили название окказиональных дефисных комплексов. Так, Н.А. Николина говорит о том, что «одним из активных процессов в современной русской письменной речи является регулярное образование и интенсивное употребление дефисных комплексов различной структуры» [Николина 2011: 467]. По мнению ученого, такие образования «занимают промежуточное положение между словом и синтаксической единицей – подчинительным словосочетанием, сочинительным рядом или предложением» [Николина 2009: 136]. Т.В. Попова, рассматривая образования такого типа, подчеркивает, что в последние десятилетия дефис активно используется для создания окказиональных номинаций, в которых подчеркивается целостность, нераздельность номинируемой реалии и ее признаков [Попова 2010: 684].

Прежде чем перейти к непосредственному анализу языкового материала, необходимо точно определить, что же такое окказиональный дефисный комплекс. В дериватологии нет устоявшегося определения окказионализмов с дефисным написанием. Мы будем придерживаться следующей точки зрения: «окказиональный дефисный комплекс» – это дефисное написание нескольких слов, словосочетания или предложения в виде единого целого, не имеющее отражения в словарях неологизмов и новых слов. Таким образом, в понятие «окказиональный дефисный комплекс» нами включаются дефисные комплексы, заменяющие синтаксические единицы.

Собранный и систематизированный нами материал позволил на основании разных признаков построить следующую классификацию исследуемых единиц.

Первое основание – это частеречная принадлежность опорного компонента в составе дефисного комплекса. Здесь нами были выделены следующие типы индивидуально-авторских дефисных структур:

1) субстантивные окказиональные дефисные комплексы. Они оформляются различными способами:

а) существительное + существительное. В этом случае между существительными вставляется сочинительный союз: *Как водится, новичок получил ... «вино-и-сыр»...* (НСС: 257).

б) наречие + существительное: *...Грозный разоблачитель «господина» протягивает руку «почти-товарищу»!* (ТС 1: 131).

в) прилагательное + существительное: *От Веселого-Куплета...* (О: 174).

г) существительное + прилагательное + прилагательное: *...Ждали «товарищей-красивых-фуражкиных» из Феодосии* (ТС 1: 35), ср.: *Хотел было ... пропустить племя-младое-незнакомое* (ТС 1: 112).

д) существительное + прилагательное + существительное: *Врывались в кафе-уютный-уголок* (НСС: 257).

е) прилагательное + существительное + прилагательное + существительное: *Это было ... событие типа «чёрный-галстук-голые-ключицы»...* (НСС: 342).

2) адъективные окказиональные дефисные комплексы. В текстах романов писателя нам встретились следующие разновидности таких конструкций:

а) наречие + прилагательное: *...Три спины поперёк-шире* (ТС 1: 164).

б) прилагательное + предлог + существительное: *Спецсплетницы посмотрели им вслед, быстро заработали сельдяными-с-винегретом языками* (МКК: 383-384).

в) прилагательное + союз + прилагательное: *Верхние этажи стальных-и-стеклянных зданий утопически сияли под лучами солнца...* (НСС: 84).

г) адъективный дефисный комплекс может представлять собой количественно-именное сочетание: *...Восьми-с-половиной-летнего Акси-Вакси...* (Л-Л: 28).

3) глагольные окказиональные дефисные комплексы:

а) глагол + глагол + глагол: *Прежде всего потому, что эти явления не имели никакого отношения к понятиям «было-есть-будет»* (НСС: 284).

б) конструкция глагол + союз + глагол: ...*Ничего не оставалось, как ... поднять его в машину верти-и-летай, виси-и-свисти, реви-и-глуши* ... (РЗ: 398).

в) глагол + частица + глагол: ...*Он раскручивался, эх, был-не-была*... (Л-Л: 242), ср.: *Все слегка пожухлое ... и, уж конечно, не кремлевское, лакомое блюдо артистического плебса «жуй-не-хочу»* (О: 384).

5) окказиональные дефисные комплексы-коммуникативы: *Это было чуть ли не полгода назад, ... и вдруг, здрасте-пожалте, высказывает в «Монде» в сопровождении полностью клеветнической фотографии* (РЗ: 253).

Второе основание для классификации – количество слов в составе окказионального дефисного комплекса. По этому показателю мы выделили двух-, трех-, четырех-, пяти-, шести- и поликомпонентные конструкции.

1) двухкомпонентные конструкции: ...*«Сладкое-сердечко» Сильви* (НСС: 247).

2) трехкомпонентные конструкции: *Таков был их принц – ... густая головная шерсть «соль-с-перцем»*... (КС: 252).

3) четырехкомпонентные конструкции: *По данным первых трех недель мы побили даже «ребят-с-капустной-грядки»* (НСС: 64).

4) пятикомпонентные: *Хелло-миссис-Мансур-как-поживаете* (НСС: 179).

5) шестикомпонентные: *Ну кого он может мне напоминать, если не явно-не-явного-так-его-так парижского денди* (МКК: 151-152).

6) поликомпонентные (семь и более компонентов): *А-как-насчет-младшей-дочери-Стенли-Корбаха-хороша-собой-интеллигентная-ей-направлюсь-мне-надо-жениться-на-ней!* (НСС: 48).

Третье основание для классификации – связь между компонентами, входящими в состав окказиональных дефисных комплексов. Данные структуры образуются на основе композитов, словосочетаний и предложений. Соответственно, связь между компонентами будет детерминироваться данным обстоятельством. В таких конструкциях нас встретились следующие типы связи:

1) согласование: *Твердый-Хлеб ждал на перроне* (ТС 1: 159-160).

2) примыкание: *Вдоль Невы бродили, ... ну а потом все погрузились в какой-нибудь медленный поезд, «**пятьсот-весёлый**»...* (МКК: 216).

3) сочинительная связь. Данный тип связи действует у дефисных комплексов, образованных на основе предложения и представляет собой связь синтаксически равных (однородных) компонентов: *...Им все-таки были гарантированы ежедневные **суп-и-хлеб*** (РЗ: 288).

4) координация (связь между подлежащим и сказуемым). Такой тип связи характерен для комплексов, образованных на основе предложения: ***Вот-с-тобой-я-пойду-в-разведку-а-вот-с-ним-я-не-пойду-в-разведку!*** (КС: 18).

5) идиоматическая связь. Данный тип связи встречается у пропозитивных дефисных комплексов: *Ну, садись-садись, **герой-штаны-с-дырой**...* (О: 376); ср.: *...Рядом с тобой лежит **санитарка-звать-Тамарка*** (ТС 1: 413).

Г. Явления, промежуточные между композитами, дефисными комплексами и предложениями. В текстах романов В.Аксенова нам встретились конструкции, совмещающие в себе признаки композитов, дефисных комплексов и полноценных синтаксических единиц. На наш взгляд, они отражают переходные процессы и явления, происходящие в языке писателя. Рассмотрим следующий пример: *Ну а вот и ... **прозаики-битники-ветерок в голове** со своими ботинками-на ногах и вовне* (ТС 1: 260). Третий компонент характеризует первые два, дает определение основному понятию, которое могло бы интерпретироваться следующим образом: «прозаики-битники, у которых ветер в голове».

Для словотворчества писателя характерно и многокомпонентное сложение: ***Хирург-педиатр-ревматолог-кардиолог-фтизиатр**...* (О: 74).

Такие новообразования могут расщеплять исходную лексему за счет вставки дополнительного компонента: *Роман ... изгоняет даже **африканов-чертей-дизиаков** ревности* (ТС 2: 103), ср.: *афродизиак*.

Неолексемы данной группы могут создаваться для того, чтобы передать прямую речь: *Как-то раз ... училка велела ей произнести череду слов с суффиксом «чк». ... Дочка-точка-свечка-печка-ночка-точка* (НСС: 35).

Окказиональные конструкции могут указывать на определенные особенности поведения, внешнего вида, характерные для людей той или иной профессии: *Верховодил ... тип эдакого советского «геолога-скалолаза-подводника»* (НСС: 401).

Окказионализм, созданный при помощи многокомпонентного сложения, может обладать прецедентностью. Так, следующее новообразование отсылает нас к известной советской песне: *Любимый смех ... монтажника-высотника-рыбака-и-плотника* (О: 397), ср. со строками песни из кинофильма «Марш высотников»: *Не кочегары мы, не плотники, // Но сожалений горьких нет, как нет. // А мы монтажники-высотники, да! // И с высоты вам шлем привет!*

Наконец, нам встретились отдельные случаи многокомпонентного сложения прилагательных: *...За ней стоит тысячерукое-тысяченогое-тысячезыкое чудище...* (КС: 540). Модель: *тысячерук(ий) + тысяченог(ий) + тысячезык(ий) → тысячерукий-тысяченогий-тысячезыкий*.

2.2.5 Заменительная деривация

Для В.Аксенова характерно создание окказионализмов при помощи деривации по конкретному образцу, или заменительной деривации. По мнению А.В.Шумиловой, окказионализмы, созданные путем заменительного словообразования, обладают рядом особенностей: наличием прототипа, который обычно легко определяется читателем, а также формальной близостью к образцу и важной ролью контекста в распознавании данного способа [Шумилова 2009: 218]. Е.А.Земская, анализируя специфику образования по конкретному образцу, отмечает, что в качестве форманта, структурирующего окказионализм, часто используется не аффикс, а какой-либо фрагмент слова-прообраза [Земская 2009: 194].

Проанализируем причины обращения В.Аксенова к данному способу создания окказионализмов. В одном случае они обусловлены языковой игрой: *А это правда, Юра (они были на **юр-юр** в связи с пинг-понгом на комсомольской ниве), это правда, что Политбюро Чехословакии и особенно генсек Дубчек подвергаются избиениям?* (ТС 1: 392). Модель: *вась-вась* → *юр-юр*. Здесь представлено приватно-разговорное фамильярное обращение: «Юр!».

В другом – необходимостью дать наименование предмету: *Если мы преодолеем стагнацию рынка, вокруг Земли начнут летать **орбитопланы*** (КС: 506); ср.: ***твердопланы*** (Л-Л: 229). Модель: *дельтаплан, парплан* → *орбитоплан, твердоплан*.

В третьем – стремлением к выражению авторских эмоций: *Я долго тащился, как будто я был ... возжеленный анархический **лиромант*** (Л-Л: 241). Модель: *хиромант* → [*хиро- / лиро-*] → *лиромант*.

2.2.6 Креация

По мнению Е.А.Белоусовой, она заключается в «образовании без модели, с использованием произвольного немотивированного знака» [Белоусова 2002: 17]. Все слова, не мотивированные другими словами данного языка на данном этапе развития, с точки зрения Д.В.Гугунавы, можно квалифицировать как дериваты, образованные способом креации [Гугунава 2003б]. В текстах романов В.Аксенова представлено большое количество новообразований, созданных именно этим путем.

В некоторых случаях можно определить, что послужило основой для создания окказионализма: *Головкин показывал ему пальцем в ухо: « ... Не слышу ни **блуха!**»* (ТС 1: 306). Модель: основа звук (ср.: *не слышу ни звука*) → *блух*.

Такие новообразования могут называть и людей: *Ген, привет, а я ... в опалу попал из-за одного **гомохлебуло*** (РЗ: 87). Модель: *гомо (hoto) + хлебуло* (от *хлеба́ть, хлебающий*): это человек, стремящийся только к тому, чтобы повкуснее и посытнее поесть, ср.: *Homo sapiens* – человек разумный, *Homo habilis* – человек умелый и др.

В окказионализмах, созданных при помощи креации, можно выделить общий компонент. Например, в следующем контексте выделяется элемент *вирту*, являющийся усечением от слова *виртуальный*: *Все эти говорящие дома-психиатры, все эти комбинации жэ-эсов, вирту-брузин ... , супер-вирту...* (КС: 594-595). Новообразования используются В.Аксеновым для того, чтобы создать футуристическую картину недалекого будущего.

Иногда установление производящей основы не представляется возможным, хотя сама модель наименования лиц по какому-либо признаку достаточно прозрачна: *«Ага, значит, у тебя всё-таки был ... прототип?»* – с удивительной для баскского *октодженериана* толковостью предположил Лярокк (РЗ: 24). «Октодженерианами» писатель называет представителей биаррийской элиты.

Некоторые окказионализмы, созданные В.Аксеновым при помощи креации, используются для того, чтобы передать на письме звучание музыкального произведения: *Концерт Алессандро Марчелло, крончи-прончи-дранж-мальфанти-туранда-фати-драм-да-ли-блен-сон, ритм, похожий на шаги босых ног* (КС: 57).

Проанализируем следующий контекст: *Приезжая на фестиваль народного творчества, он отстегивал ... анчачскую рупсавару...* (КС: 215). В данном случае окказионализм, обозначающий танец вымышленного народа, создан по аналогии с другими названиями латино-американских танцев: *румба, самба, апсара, хабонера*; ср.: *Одна только наша милейшая и восхитительная Вольсман ... помнит еще за глаза наши лица и наши шугайские вортемплясы* (Л-Л: 247). Интересно, что данная модель является распространенной в словотворчестве автора, ср. с другими окказионализмами: *кулебяс, фуртельплас*.

Рассмотрим другой пример: *А тронет грязный циник, пером пощекочи и в занавес глициний скользни в ночи. Откинь последний шустик пахучих мнемосерд...* (ТС 1: 367). В этом случае только из контекста можно догадаться, что окказионализм создан В.Аксеновым для наименования растения.

Креация наблюдается и в следующем отрезке текста: *Между тем за роцей все больше собиралось **олеожаров**. К ним присоединялись и облакоподобные **холозагоры*** (КС: 132). Окказионализмы в данном отрывке обозначают мифических существ и обладают определенной образностью; их магические свойства проявляются в том, что они служат предвестниками трагических событий, ср.: *...Они невинно резвились, охотясь на ... летучих существ **коыыу*** (РЗ: 416). В этом отрезке текста описано насекомое, которое, по версии автора, до сих пор неизвестно науке. Игровой эффект здесь создается за счет сочетания четырех гласных звуков, возможно, благодаря имитации звуковой организации других языков, например, финского или эстонского. С другой стороны, лексему *коыыу* можно рассматривать и как звукоподражание, т.к. данное существо, скорее всего, издает подобные звуки.

2.2.7 Диереза

Данный способ словообразования представляет собой выпадение звука в сложном сочетании звуков: *Дельф ... сообщил в детском саду, что папа уехал на излечение в **Бунос-Арас*** (ТС 1: 180). Модель: основа *Буэнос-Айрес* → *Бунос-Арас*. Новообразование, созданное путем диерезы, позволяет В. Аксенову передать особенности детской речи, которой свойственно стремление к упрощению произношения.

Разновидностью данного способа образования окказионализмов является метатеза с диерезой, представляющая собой перестановку звуков с сопутствующим им выпадением: *Я вам лично, барышня, посоветовал бы Жоржа в эту абсурдную (откуда он взял это слово?), в эту **асбурную** (мл. дворник тоже волновался) ночь не искать, а лучше пошли бы под протекцию родителей* (МКК: 263). Модель: *абсурдн(ый)* → *асбурный*. Окказионализм в этом контексте служит индикатором психоэмоционального состояния (волнения) одного из героев произведения.

2.2.8 Эпентеза

Эпентеза – это срединная неморфемная вставка, при помощи которой образуется неолексема. Обратимся к примерам: *А вот скажи, одинокому-то патрицию какая зарезервирована роль в этой нормальной **человепческой** (не опечатка!) жизни?* (МКК: 345). Модель: основа *человеческ(ий)* → *человепческий*, ср.: *ндравиться (прост.)*, *радиво (прост.)*. Отметим, что тенденция к разговорности, снижению стиля является конститутивной чертой творчества писателя.

Проанализируем другой контекст: *Любители неба покидали его навсегда ... и тут получали немного того, что называлось **лошашадным*** (Л-Л: 241). Модель: основа *лошадн(ый)* + *-ша-* → *лошашадный*. Эпентеза, а именно повторение слога *ша*, позволяет автору добиться комического эффекта.

Встречаются и примеры соединения метатезы с эпентезой: *Всю ночь пилоты не спали: сначала переругивались на русском, чувашском, марийском и **лоураветландском*** (Л-Л: 98). Модель: основа *луораветланск(ий)* → *лоураветландский*. Как известно, в 1920-е гг. чукотский язык (язык чукчей) был переименован в луораветланский, но этот термин не стал общеупотребительным. Данный факт позволяет В.Аксенову создать окказионализм, представляющий собой фонетическую трансформацию узуального аналога, что способствует возникновению иронии.

Таким образом, индивидуально-авторские новообразования в текстах романов В.Аксенова являются яркой приметой его идиостиля. Среди окказиональных способов словообразования представлены как достаточно известные: гендиадис, контаминация, неморфемное усечение, графические способы (интеграция виртуальная деривация, создание окказиональных дефисных комплексов), заменительная деривация, креация, эпентеза, так и редкие в окказиональном словотворчестве: диереза и эпентеза. Наиболее распространенными в языкотворческой деятельности автора являются окказиональные дефисные комплексы, новообразования-рифмованные сложения и контаминанты, так как они

чаще других выполняют функцию языковой игры, являющуюся значимой для писателя. Многообразие способов образования новых лексем позволяет писателю реализовать обширный экспрессивный потенциал, заложенный как в словообразовательных моделях, так и в деривационной семантике.

Выводы по II главе

Окказионализмы В.Аксенова создаются при помощи узуальных и неuzuальных способов словообразования.

Префиксальные и префиксоидные новообразования представлены преимущественно именами существительными и прилагательными с модификационным типом словообразовательной семантики. Окказиональные префиксальные глаголы в текстах романов единичны.

Суффиксальные и суффиксоидные неолексемы являются именами существительными, прилагательными, глаголами и наречиями. При помощи конфиксации образованы индивидуально-авторские наречия, глаголы и глагольные формы (причастия и деепричастия).

Наиболее продуктивным в словотворчестве писателя является сложение и его разновидности (сложение с интерфиксацией и суффиксально-сложный способ). Данным способом чаще всего образованы окказиональные существительные.

Для В.Аксенова характерно обращение к аббревиации и ее разновидностям. Наиболее распространены неолексемы, представляющие собой сочетание начальной части основы с целым словом.

Образование окказионализмов при помощи узуальных способов в ряде случаев осложняется чересступенчатым словообразованием, что объясняется стремлением автора создавать слова по «готовому образцу», на основе структурной аналогии.

Индивидуально-авторские неологизмы, образованные путем гендиадиса (рифмованного сложения), обладают разговорной функционально-стилистической маркированностью.

Активное обращение автора к контаминации и ее типам (контаминации с метатезой, междусловному наложению, тмезису) свидетельствует о высокой степени креативности его словотворчества.

Неморфемное усечение, представляя собой удаление форманта из мотивирующего слова либо его условное присутствие, в ряде случаев сопровождается использованием графических знаков.

Ряд окказионализмов создан при помощи таких способов, как интеграция и виртуальная деривация. Особое место в словотворчестве автора отводится окказиональным дефисным комплексам. Представляя собой полноценные единицы речи, они занимают промежуточное положение между словом, словосочетанием и предложением. К ним примыкают конструкции, совмещающие в себе признаки композитов, дефисных комплексов и полноценных синтаксических единиц.

Для автора характерно обращение к заменительной деривации. Отклонение от словообразовательного стандарта, наблюдаемое в этом случае, позволяет сделать окказиональную лексику более выразительной.

Неолексемы, образованные путем креации, свидетельствуют том, что словотворчество В.Аксенова в некоторых случаях носит спорадический и экспериментальный характер. Установление производящей основы таких окказионализмов зачастую не представляется возможным, хотя сама словообразовательная модель является прозрачной.

Для писателя свойственно создание окказионализмов при помощи уникальных словообразовательных способов: диерезы, метатезы с диерезой, эпентезы и метатезы в сочетании с эпентезой. В таких новообразованиях максимально проявляется индивидуально-авторское начало.

Глава III. Семантическая типология окказиональной лексики В.Аксенова

3.1 Проблема описания смысловых групп индивидуально-авторских новообразований

В данной главе нами поставлена задача описания новообразований писателя в рамках конкретных смысловых групп.

Распределение узуальных лексических единиц русского языка по смысловым группам осуществлено в «Русском семантическом словаре» под ред. Н.Ю.Шведовой [1998-2007]. В нем все лексические единицы русского языка делятся на несколько семантических сфер: 1) слова указующие (местоимения), 2) слова именующие, 3) слова собственно связующие – союзы, предлоги, связки и их аналоги, междометия. К словам именующим относятся имена существительные, прилагательные, глаголы, наречия и предикативы, а также счетные слова. Слова указующие грамматически распределены по классам имен и наречий [Русский 1998: VII]. Дальнейшее деление в словаре осуществляется по принципу иерархии: часть речи – лексический класс – лексические множества и подмножества – лексико-семантический ряд.

Появление словарей идеографического типа свидетельствует об актуальности изучения смысловых групп узуальных лексем.

Обратимся к исследованиям, в которых индивидуально-авторские новообразования классифицируются по смысловым типам или тематическим группам.

Так, в диссертации Ю.И.Жабоевой [2010], помимо деривационного анализа новообразований В.Высоцкого, представлено и их распределение по тематическим группам. В частности, автор указывает на то, что многие разряды окказиональных слов характеризуют человека в разных аспектах и получают ярко выраженное антропоцентрическое содержание. В работе отмечается, что значительную часть словарного состава языка писателя составляют имена существительные со значением лица (*ворожиха*); имена прилагательные с семантикой оценки и

характеристики индивида (*пустокарманный*); антропоморфные глаголы, обозначающие труд и повседневную деятельность, состояние, бытие человека (*ломится-стучится*) [Жабаева 2010: 14].

В работе Б.Н.Гаджимурадовой [2003] рассмотрены структурные и функциональные особенности окказионализмов А.Вознесенского, Е.Евтушенко, Р.Рождественского и Б.Ахмадулиной. Кроме того, в соответствии с их частеречной принадлежностью осуществлено распределение на лексико-семантические группы. Автор отмечает, что новообразования-существительные составляют почти половину всех окказионализмов в поэтической речи. Среди них наибольшее количество представлено в группе «названия лиц» (*лебезенок, экс-экс-эльцы*) и «названия отвлеченных понятий» (*бездружье, безлюбове*)). Среди префиксальных глагольных новообразований лингвист выделяет две смысловые группы: первую составляют глаголы, обозначающие временной и количественный предел действия (*отглохла, сверхкоченеть*); ко второй относятся лексические единицы, обозначающие дополнительное, неполное действие (*недопрославил*) [Гаджимурадова 2003: 11-17].

В исследовании Д.В.Халявиной [2011], посвященном новообразованиям В.Каменского, представлена попытка описания их категориальных и семантических свойств. По мнению автора, среди новообразований-существительных отвлеченные субстантивы (*пасхальность, взлетание*) составляют 46%, а конкретные – 32%. Среди конкретных автор выделяет наименования лиц (с предметно-характеризующим значением: *сверх-неврастеник, чудесник*; со значением женскости: *поэтка, зовунья*), наименования предметов (живых существ: *небожаворонок, моресвинка*; приспособлений: *укачалка, играйка*; предметов с временным и пространственным значением: *берегонебо, диво-день*; существительные со значением единичности: *ветвинка, росина*), а также имена собственные, представляющие собой названия вымышленных стран: *Пальмия, Кавказия* и др. [Халявина 2011: 11-13].

Обратимся к диссертационному исследованию С.А.Костиной [2002], в котором не только детально рассмотрены словообразовательные и функциональные

особенности новообразований П.Вяземского, но также представлена их полная семантическая классификация. Говоря о принципе распределения окказионализмов по смысловым группам, автор указывает, что семантическая классификация новообразований представлена внутри знаменательных частей речи: имени существительного, прилагательного, глагола, наречия и слов категории состояния. Дальнейшее деление осуществляется в соответствии с наличием общей семы, имеющей обобщающий характер и определяющей их отнесенность к одной «теме» [Костина 2002: 84].

Первую группу в классификации составляют неузואальные имена существительные, среди которых выделены следующие типы: существительные со значением лица (по производимому или характерному для них действию, не связанному с производственной деятельностью и специальностью: *жемчуголов*, по роду деятельности: *деньголаз*; по отличительным чертам характера, индивидуальным особенностям: *медослов*; по различного рода отношениям: *соарзамасец*; по интересам и увлечениям: *виноном*; по внешним качествам: *очконосец* и др.).

Ко второй группе относятся неузואальные имена прилагательные. Среди качественных выделяются прилагательные со значением наличия или отсутствия свойства, качества, признака (*авторолюбивый, бессменно-ясный*); со значением общей оценки (*плоско-плоский, косноумный*); со значением цвета и его оттенков или цвето-световым значением (*нежноалый, сереброкудрявый*); со значением света и его оттенков (*выпукло-светлый, светло-сумрачный*). Среди относительных – прилагательные со значением отношения к предмету (*книгопрядильный, железнолапый*); отношения к имени собственному, в том числе к конкретному лицу (*бенкендорфский, органический*); отношения ко времени (*между-царственный, прошловечный*); отношения к месту (*внедомашний, близ-Иерусалимский*). Также автор выделяет прилагательные переходного характера (качественно-относительные): *знойно-летний, пушисто-снежный*.

Среди неузואальных глаголов автором выделяются предикаты состояния (*обарабиться*); поведения (*бонапарствовать*); рода деятельности, занятий (*мадригальничать*); речеымыслительной деятельности (*политературничать*, *простонародничать*); прекращения действия (*растосковать*) [Костина 2002: 85-108].

Семантические особенности и система ономасиологических классов окказиональных существительных Н.С.Лескова рассмотрены в диссертационном исследовании Л.В.Алешиной [1990]. Первичное распределение окказионализмов в работе осуществлено по двум классам: это имена, называющие лиц, и имена, обозначающие предметы. В рамках первого класса автор выделяет наименования лиц по действию (*заимствователь*); по взглядам (*вольтерьянин*); по месту (*европей*); по образу действия (*долгожив*); по отношению к предмету, лицу (*человеко-собака*); по объекту действия (*бранка*); класс несоответствия (*не-барышня*); ложно названного лица (*лжеанатом*); неполноты (*полувраг*); детскости (*тузенята*); субъективной оценки (*офицершце*); а также класс заимствований (*увриер* в значении 'рабочий').

Имена существительные, обозначающие «не-лиц», делятся на отвлеченные, собирательные и конкретные. Абстрактные существительные обозначают отвлеченное действие (*кое-какничанье*), в том числе направленное на объект (*клоподавие*) или производимое лицом (*кучерство*); отвлеченное состояние (*вселуние*); отвлеченное действие, состояние в его качественной характеристике (*полудремота*); отвлеченное свойство, качество (*бебеизм*); а также класс отвлеченных предметов (*послеобед*).

Окказиональные собирательные существительные обозначают совокупность лиц и животных (*оводьё*), а также совокупность неодушевленных предметов (*морковья*).

Конкретные имена существительные являются обозначениями места (*предпокой*); орудия действия (*буреметр*); объекта действия (*братка*); результата

действия (*подделок*); собственно предмета (*непромокабель*) и др. [Алешина 1990: 9-17].

В целом можно констатировать, что в индивидуально-авторском словотворчестве первое место занимают субстантивы-наименования лиц и предметов. Прилагательных и глаголов на порядок меньше. Неологизмы, относящиеся к другим частям речи, являются единичными [Котелова 1982], [Намитокова 1986], [Попова 2005]. Для того чтобы определить, насколько актуальна данная тенденция для языкотворческой деятельности В.Аксенова, обратимся к непосредственному анализу его окказиональной лексики.

Распределение окказионализмов по тем или иным смысловым группам осуществлено нами в соответствии с их частеречной принадлежностью и лексико-грамматическим разрядом.

3.2 Имена собственные

Среди окказиональных имен собственных В.Аксенова чаще всего встречаются антропонимы и топонимы. Как известно, антропонимика – раздел ономастики, изучающий антропонимы – собственные именованья людей: имена личные, патронимы (отчества или иные именованья по отцу), фамилии, родовые имена, прозвища и псевдонимы (индивидуальные или групповые), криптонимы (скрывааемые имена) [Лингвистический 1990: 36].

В соответствии с семантикой и внутренней формой окказионализма нами выделены следующие группы антропонимов.

1) Имена собственные, называющие людей по внешнему признаку

Антропонимы, относящиеся к данной смысловой группе, являются распространенными в словотворчестве писателя, так как с их помощью автор обыгрывает те или иные особенности персонажей. Многие окказионализмы, относящиеся к этой группе, включают в свой состав компонент, позволяющий определить, какой признак лег в основу наименования. Так, следующее

новообразование называет человека, внешне похожего на обезьяну, возможно, телосложением: *Сиди себе в кресле со своим «Кампари-энд-Гайдн» и жди, когда перед очами твоими покажется такой голубоглазый Алекс-Обезьяна* (НСС: 202).

Авторские новообразования, в том числе и антропонимы, отражают специфику языковой деятельности В.Аксенова. Для окказионализмов писателя характерна следующая закономерность: производящее и производное зачастую принадлежат к разным лексико-грамматическим разрядам. Например, создание новации может сопровождаться онимизацией имен нарицательных: *Ваше Длинноножье...* (О: 124). В данном случае антропоним *Длинноножье* образован на базе атрибутивного словосочетания *длинн(ые) ног(и)* с помощью интерфикса *-о-* и суффикса *-j-*. Здесь мы имеем дело со сложением в сочетании с суффиксацией – одним из распространенных способов образования слов в узусе, ср.: *шестиборье, редколесье*.

2) Антропонимы – трансформированные прецедентные феномены

Создание писателем антропонимов на базе прецедентных имен носит регулярный характер. Большинство из них связано с культовыми личностями советской эпохи. Рассмотрим следующий пример: «*Чкалов Самолет Аэропланович одна тысяча девятьсот тридцатого года великого перелома!*» – *с радостной готовностью отвечивал авиатор* (О: 256). Использование фамилии Валерия Павловича Чкалова, советского летчика-испытателя, Героя Советского Союза, в качестве окказионального антропонима, созданного на основе апеллиативации, а также онимизация имен нарицательных, являющихся обозначениями воздушного транспорта, вызывает иронический эффект: перед нами предстает типичный положительный герой, образ которого широко культивировался в советскую эпоху.

На базе таких антропонимов нередко создаются атрибутивы: *С какой стати великолепные родители ... отправились в какую-то малореальную долгосрочную, а может быть, и бессрочную челюскинско-напанинскую полярную командировку?* (Л-Л: 38). Новообразование отсылает нас к двум известным личностям: русскому полярному мореплавателю Семену Ивановичу Челюскину, жившему в XVIII веке, и

советскому исследователю Арктики Ивану Дмитриевичу Папанину. Оно включается В.Аксеновым в речь автобиографического персонажа – мальчика Акси-Вакси, чтобы показать, как он любит родителей, скучает по ним и ждет их скорейшего возвращения.

К антропонимам данной группы можно отнести оттопонимические новообразования: *В библиотеке раз в неделю может набрать себе книг ... Ольговеры Марьинорощинской, Акуленины Ознобищиной, Оригиналы Спасотерлецкой* (РЗ: 55). В окказионализмах угадываются такие названия, как *Марьина Роща, Спасо-Стерлецкий монастырь*. Усилению иронического эффекта способствует контаминация имен *Ольга* и *Вера*, *Акулина* и *Нина*, а также онимизация лексемы *оригинал*. Как отмечает Н.А.Володько, трансформированное прецедентное имя, как правило, выполняет оценочную функцию [Володько 2013: 61], что, безусловно, находит отражение в окказиональном словотворчестве писателя.

3) Антропонимы – рифмованные отзвучия

Среди окказиональных имен собственных, извлеченных нами из текстов романов В.Аксенова, особое место занимают антропонимы, представляющие собой рифмованные отзвучия. В одном случае наблюдается обыгрывание детского имени, в результате которого оно получает разговорную, «детско»-фамильярную окраску, что позволяет автору при помощи окказионализма дать опосредованную характеристику взрослому персонажу, в частности, указать на его возраст: *Свэчко мог спросить Шранина: «Это что за пацан вокруг нас крутится, Шмок?» – «Да это Акси-Вакси, из пятьдесят пятого малолетка»* (Л-Л: 26).

В другом случае антропонимы-рифмованные отзвучия создаются писателем для того, чтобы указать на близкие, дружественные отношения между персонажами: *Ну а ты-то чем тут занята, Вольси-Гольси?* (Л-Л: 225-226); ср.: *Да это Сухуми, Глики-блики...* (МКК: 204); *Эрни-Перни!* – радостно заржал гигант... (НСС: 515).

Отдельного внимания заслуживают антропонимические дефисные комплексы. Они могут использоваться в самых разных целях. Так, с их помощью писатель

выделяет те или иные черты самого ребенка, например, его миловидность: ...*Он отправился ... с шестилетней крохотулькой **Светланкой-в-окне** отдыхать на озеро Селигер* (ТС 2: 90). Кроме того, в данном отрезке текста представлена прецедентность, так как окказионализм отсылает нас к фразеологизму «только и свету в окошке» в значении ‘единственное утешение, единственная радость’ [Русская фразеология 2005: 628] и к устаревшему выражению «свет очей моих».

Окказиональные единицы такого типа могут создаваться для уточнения имеющегося обозначения. В частности, может указываться на неприменный атрибут персонажа: *Теща, всем известная в СП «**Рита-с-папирсой**» ... , трудилась в Бюро пропаганды художественной литературы* (ТС 1: 77), ср. с другим окказионализмом автора: ***Ритка-с-сигаретой*** (ТС 2: 118).

Дефисные комплексы могут использоваться в том случае, если речь идет о сложносоставной фамилии: *Однажды собрался туда даже вдвоем с ... Татьяной **Фалькон-Чесноковой-Тушинской**...* (ТС 1: 226). Такие конструкции нередко используются в контексте вместе с многокомпонентными именами, в состав которых могут входить, например, прозвища, что сигнализирует об их игровом характере: *В эту же секунду идея романа вошла в сознание **Бориса-Андрея-Котика Бугаева-Белого-Летаева*** (НСС: 360). Как отмечает О.В. Фельде, масштаб языковой игры особенно заметен в такой сфере русского коммуникативного пространства, как прозвища [Фельде 2010: 289], что и представлено в данном контексте.

Таким образом, наиболее распространенным среди окказиональных антропонимов писателя являются номинации, называющие людей по внешнему признаку, трансформированные прецедентные феномены, а также рифмованные отзвучия.

В рамках теории окказиональности топонимика занимает важное место. Многие писатели в своих произведениях либо называют уже существующие объекты по-новому, либо дают собственное наименование вымышленной реалии. Показательно в этом отношении творчество В.Аксенова, активно создававшего

окказиональные названия географических объектов. Отметим, что топонимы в текстах писателя служат своеобразными показателями его знаний и представлений о мире. Такие единицы репрезентируют связь художника с культурно-историческим контекстом определенного времени. Обратимся к непосредственному анализу материала.

1) Названия стран, областей, штатов

Окказиональные наименования в текстах произведений В.Аксенова могут получать названия стран: *Отсюда производились выбросы валютных потоков на фондовые рынки **Р-Федерации*** (КС: 625). Данная лексема образована по модели *Российская Федерация* → *Р-Федерация* с помощью усечения первого слова, ср.: *р-спорт, р-пластик, р-фарм*; узуальный аналог окказионализма – сокращение *РФ*.

В ряде случаев окказиональное наименование страны обусловлено языковой игрой и связано с феноменом прецедентности. Такие топонимы нередко представляют собой дефисный комплекс: *...Здравствуй, **Тпрусь-моя-матушка!*** (КС: 420). В представленном контексте угадывается выражение «Русь моя, матушка», имеющее фольклорные корни.

Распространенными в текстах писателя являются хоронимы – названия областей, районов, штатов – любых территориальных единиц, представляющих собой в основном вымышленные географические объекты.

Проанализируем следующий контекст: *Есть такой штат **Очичорния**, возле Калифорнии, или его там нет и в помине?* (НСС: 40). Окказионализм создан по модели *оч(и) черн(ые)* + суффикс *-иј-*, при помощи которого образуются имена существительные женского рода, являющиеся названиями стран или иных территориальных единиц по национальному признаку → *Очичорния*, ср.: *Карелия, Румыния, Швеция*. В этом окказионализме автором подчеркиваются особенности штата: в нем проживает много русских. Кроме того, здесь представлена интертекстуальность (отсылка к известному русскому романсу «Очи черные»).

Прецедентный феномен позволяет В.Аксенову представить участников диалога – читателя и автора – как культурных единомышленников.

Хоронимы зачастую тесно связаны с языковой игрой: *Удивительные изменения произошли ... с этой простухой из Йорноверблюдского графства* (НСС: 397). Окказионализм образован с помощью контаминации словосочетания *Йоркширское графство* и лексемы *верблюд*, что делает хороним стилистически маркированным и вызывает комический эффект за счет сочетания разностилевых элементов. «Юмористический оттенок появляется у шутливых слов, если они образованы посредством <...> сочетания разностилевых морфем» [Голуб 2010: 209].

Окказиональные наименования получают не только вымышленные, но и реально существующие области и республики: *...По всей Волге, осуществляя жажду реакционных сил, возможно было возникновение таких ипертрофических государств – в частности, **Калмычности**, и выше – **Марьяулла, Великое Мордовство**, не говоря уже о **Татаро-Булгарском халифате*** (Л-Л: 153). Проанализируем модели образования выделенных топонимов. Первая лексема образована при помощи суффиксации: *калмычн(ый) + -ост-* со значением отвлеченного признака → *Калмычность*, ср.: *бледность, жалость, смелость, трусость*. Перед нами – замена узуального названия *Калмыкия* окказионализмом, созданным с помощью нехарактерного для данной словообразовательной модели суффикса. Вторая лексема представляет собой языковую игру: *Республика Марий Эл* → *Марьяулла*. Третья лексема возникла в результате перехода окказионального имени нарицательного в собственное: *велик(ое) + мордовств(о)* (разг.) → *Великое Мордовство*. Четвертая – сложение основ *татарск(ий) + булгарск(ий) + халифат* → *Татаро-булгарский халифат*, ср.: *Арабский халифат*.

Создавая подобные неологизмы, писатель обращается к языковой игре, смыслом которой является подчеркнуть древность и великодержавные намерения каждого из регионов Поволжья.

2) Ойконимы

Наиболее распространенными в текстах романов В.Аксенова являются названия городов, именуемые также ойконимами или астионимами: *...Наш герой отметил прохождение середины романа переездом в столицу нации город Вашингтон, который прижившиеся там русские эмигранты именуют **Нашингтоном*** (НСС: 222). Окказиональный ойконим, «русский вариант» названия столицы США, свидетельствует о том, что в этом городе живет много «наших», т.е. существует обширная русскоязычная диаспора. Окказионализм образован с помощью контаминации, представляющей собой взаимодействие близких по значению или по звучанию языковых единиц, приводящее к возникновению новых слов или к развитию у одного из исходных нового значения (*Вашингтон + наши = Нашингтон*).

Иногда авторское название города связано с языковой игрой, с попыткой на основе созвучия дать ему характеристику: *Вы находитесь в данный момент в радиусе двухсот километров от Бодайбо. ... Оттуда, из этого **Бодучего-Бо**, вы летите на внутреннем самолете до Хабаровы* (РЗ: 377). Модель: основа *Бодайбо* + *бодуч(ий)* → *Бодучий-Бо*. Авторский неологизм создан с помощью контаминации.

Окказиональный вариант ойконима может быть связан с расшифровкой писателем этимологии названия того или иного города: *Оттуда ... вы летите ... до поста **Вещающий Благо**...* (РЗ: 377). Название города Благовещенск происходит от названия религиозного праздника «Благовещение», которое, в свою очередь, образовано от словосочетания «благая весть». В.Аксенов переосмысливает семантику названия в игровом ключе, указывая на то, что этот город приносит добро.

Ойконимы могут возникать на базе языковой игры, основанной на фонетической близости иностранного варианта и русского: *«Теперь я понимаю, почему меня так тянуло в это **Боа-из-Лис**! ... Какое еще Боа-из-Лис, сумасброд? ... Ну, Лиссабон, Лисбоа, то есть Боа-из-Лис!»* (КС: 395), ср.: *Lisboa* (порт.)

«Словообразовательные модели, которые даются в контексте и объясняют процесс создания окказионализма, усиливают тем самым его экспрессию» [Голуб 2010: 209].

С помощью окказиональных астионимов писатель зачастую подчеркивает ту или иную особенность города. Например, вымышленного: *«ГУСЬ-ПОД-ЗОНТИКОМ»* (КС: 8), ср.: *Гусь-Хрустальный*. Или реального (г. Булгар): *В конце концов скопилась определенная сумма, достаточная для покупки аптеки, увы, не в Москве, а в Булгарах-на-Волге...* (Л-Л: 79-80). В энциклопедии «Города России» [1994] про г. Булгар читаем следующее: «Малый город Спасск в Татарии сначала был переименован в Спасск-Татарский (так как кроме него в Европейской части России было еще два Спасска – Рязанский и Тамбовский), затем получил имя Куйбышев, а недавно переименован в Булгар» [Города России 1994: 11]. Как известно, детство и юность В.Аксенова прошли в Казани, поэтому писатель хорошо знаком с ее окрестностями и районами Татарии, в том числе и с этим древним городом. Хотя в 1916 году город именовался Спасском, писатель, отдавая дань истории, дает ему название, относящееся к X веку.

В некоторых топонимах может наличествовать эмоционально-экспрессивная коннотация, обусловленная преобразованием узувального названия географического объекта. Например, название столицы советского государства в зависимости от контекста обладает как положительной, так и пейоративной окраской: *Вся делегация уже паковала багаж. Наутро разлетались в разные края: ... Твардовский в любимую Москву-разливанную, Сурков в Грецию к Микису Теодоракису, работать над циклом, Костю тянула к себе корейская 38-я параллель* (МКК: 146), ср.: *АЯ уже мутило от тусовок, и в то же время не было недели, чтобы он не отдавался в руки мошенницы-Москвы...* (НСС: 447).

И в том и в другом случае в качестве окказиональных ойконимов выступают билексемы, которые, по мнению А.А.Черкасовой, обладают цельностью не только семантики, но и структуры [Черкасова 2010: 350].

Наконец, название столицы может выступать в качестве объекта языковой игры, когда автор сравнивает ее с живым существом: *Но главная баба – это все-таки Москва-Ква-Ква* (МКК: 238). В данном случае авторский неологизм образован с помощью гендиадиса: *Москва + ква-ква → Москва-Ква-Ква*, ср.: *страсти-мордасти, шашлык-машлык*.

Некоторые лексемы в текстах романов свидетельствуют о вторичности наименования по отношению к реально существующим топонимам: *Детство на набережной Крузеништерна в северном городе, который сейчас переименован в Сяньгань-Второй...* (КС: 609). Санкт-Петербург в данном контексте сравнивается с Гонконгом, именуемым в настоящее время Сяньганем.

3) Комонимы

Комонимы представляют собой названия деревень и сельских поселений. В романе «Ленд-лизовские» встречается окказиональное название одного из населенных пунктов Татарстана: *Боже мой, да ведь это же мой племянник из Большой Анти!* (Л-Л: 205). В Республике Татарстан существует Атнинский район, райцентром которого является село Большая Атя. С помощью метатезы происходит трансформация его названия в «Большую Антю». Одна из причин создания окказионализма – характеристика персонажа-ребенка, поскольку именно в детской речи довольно часто встречается подобная перестановка. Отметим, что на базе данного новообразования писатель создает соответствующий атрибутив: *Они ... заплясали перед большим-антинским запрозаком ...* (Л-Л: 205).

Авторский комоним может выполнять игровую функцию, обнажая в рамках контекста первоначальную структуру слова, которое в современном русском языке является непроизводным: *Маечка и Аллочка остались вдвоем под эгидой либералов; их ... перевели в школьное ненастье в поселке Хорошенское-Настье* (Л-Л: 209).

4) Урбонимы

К окказиональным топонимам могут относиться урбонимы – названия внутригородских объектов: *Курсанты летной школы Шранин и Савочко в летние*

месяцы иногда заходили в Средиземнодворье... (Л-Л: 122). Данное новообразование создано с помощью контаминации: *средиземноморj(e)* + *двор* → *средиземнодворье*; оно называет пространство между несколькими домами (один двор на несколько домов), в котором летом собирается молодежь.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать следующие обобщения. Окказиональное наименование в текстах романов В.Аксенова получают как страны, так и различные административные единицы (штаты, области, республики, города, села и городские районы). Способы их образования в текстах романов различны, но наиболее продуктивным является контаминация, позволяющая писателю создавать многомерные семантические конструкции. Наконец, целью создания окказиональных топонимов является не столько попытка присвоить наименование не существующему в реальности географическому объекту, сколько стремление к языковой игре, к тому, чтобы выразить собственное отношение к определенной местности, дать ей определенную оценку через топоним.

3.3 Наименования лиц

В русском языке наименования лиц охватывают обширный пласт слов. В семантической организации русской лексики «класс имен лиц представляет собой весьма сложную – разветвленную и многоуровневую (доходящую до тринадцати ступеней членения) – организацию лексических множеств и подмножеств», среди которых подмножество «лицо, человек» – наиболее сложное [Русский 1998: 61]. Лексический класс «названия лиц» не является замкнутым: некоторые из его составляющих уходят на периферию языка, кроме того, он активно пополняется неологизмами, что обусловлено как экстра-, так и интралингвистическими факторами. Потребность в номинации новых профессий, национальностей, групп людей, с одной стороны, и замена устаревших лексем на неологизмы, с другой, – вот причины активизации новаций в языке. Отметим оценочный характер большинства наименований, входящих в данный класс. По мнению лингвистов, оценка

пронизывает весь класс названий лиц. При этом оценочный компонент может выступать как «дополнительный по отношению к характеризующему компоненту значения»; а оценка «может накладываться на тот или иной характеризующий компонент, образуя вместе с ним сложные диффузные сочленения» [Русский 1998: 62]. Как известно, оценочность – это непременная составляющая окказиональности, поэтому обращение писателей к новообразованиям, называющим лиц, абсолютно закономерно.

Обратимся к анализу индивидуально-авторских новообразований данной смысловой группы.

1) Наименования лиц женского пола

Окказионализмы, относящиеся к данной группе, создаются писателем в разных целях. Например, новообразование позволяет заполнить языковую лакуну: ...*Российская **романогерманистка** княжна Дикобразова* (КС: 320). Модель: *романогерманист* + суффикс -к- → *романогерманистка*.

Рассмотрим другое новообразование, созданное при помощи сложения лексем *кино* и *великаниша*: *Мне кажется, она считает, что именно отец помешал ей стать в ряд с такими **киновеликанишами**, как Грета Гарбо и Ингрид Бергман* (НСС: 182). Окказионализм номинирует голливудских киноактрис – звезд мировой величины. Отметим, что новообразование характеризуется сниженным стилем за счет включения в его состав разговорного компонента *великаниша*.

Окказионализмы – наименования лиц женского пола встречаются в рифмованных фразах, что сближает их с пословицами и поговорками: ***Народоволочка** в платье с иголки!* (О: 221).

Ряд новообразований данной группы называет лиц по способностям, таланту, уму, в соответствии с чем наделяется положительной оценкой. Такие лексемы могут создаваться путем чересступенчатого словообразования: *А что же с миленькой-то моей, нашей **генюшенькой** Нэллочкой?* (ТС 1: 407). Модель: основа *гений* + суффикс -юш-(а) → (**генюша*) + суффикс -еньк- → *генюшенька*, ср.: *Таня* → *Танюша* →

Танюшенька. В тексте романа Нэллочкой В.Аксенов называет Беллу Ахмадулину, известную советскую поэтессу.

Особое место среди новообразований данной группы занимают композиты. В основном, они обладают пейоративной окраской. В одном случае это связано с общественно-политической коннотацией: *Именно Родина в лице двух старух ... и была в голос, глядя, как **чекисточка-комсомолочка** запихивала в зашторенную «эмку» меня, то есть пятилетнего последыша врагов моей Родины* (О: 476).

В другом – с прецедентностью, например, с отсылкой к Лолите – героине одноименного романа В.Набокова: *Со смехом пересекла перспективу стайка несовершеннолетних **алкоголичек-лолит**...* (О: 255).

В третьем – автор использует композит для того, чтобы дать характеристику представительницам творческой профессии: *...Где же еще может опохмелиться **актрисочка-пьянчужка**...* (ТС 2: 38).

Наконец, в некоторых случаях индивидуально-авторские композиты обладают мелиоративной оценкой: *Впереди шествовали главные активистки, московские **интеллектуалки-театралки** и правозащитницы...* (РЗ: 243). Компоненты композита, несмотря на принадлежность к разговорно-обиходной речи, обладают явной положительной оценкой, усиливающейся в данном случае за счет использования в контексте лексем *активистки* и *правозащитницы*.

2) Наименования лиц по профессии

Окказионализмы данной группы отличаются разнообразием семантики и структуры. Тем не менее, существуют мотивировочные основания, позволяющие объединять их в подгруппы. Например, отдельную категорию составляют наименования лиц, семантика которых мотивируется названием той или иной организации, фирмы. Рассмотрим следующий пример: *За спинами «**виадуццев**» возвысился на две головы zdeшний «Мыслитель»* (НСС: 452). В тексте романа «Новый сладостный стиль» *виадуцы* – это сотрудники финансового треста «*Виадук*». Новообразование создано по модели, которая активно используется для

создания лексем с семантикой ‘лицо по принадлежности к учреждению, предприятию’ [Русская грамматика 1980: 238], а именно при помощи присоединения продуктивного суффикса *-ец-* к основе, ср. с узуальными лексемами *автозаводец, студиец, консерваторец* и др.

Рассмотрим другой пример: *Каждый художник должен знать тех, кто приходит в летнюю ночь, мосхатых* (ТС 2: 112). Новообразование создано при помощи присоединения к основе *МОСХ* (Московский союз художников) + суффикса *-ат-*. Окказионализм представляет собой результат субстантивации соответствующего прилагательного и имеет значение ‘художники, которые являются членами МОСХа’.

Вторую подгруппу в структуре наименований лиц по профессии составляют новообразования, мотивируемые объектом действия. Обратимся к следующему контексту: *Тринитротолуольщики по мере роста их капиталов не перестают быть жлобами* (КС: 460). Окказионализм создан при помощи присоединения к основе *тринитротолуол* (вещество, используемое при приготовлении взрывчатых материалов) суффикса *-щик-*, образующего имена существительные со значением лица, характеризующегося отношением к предмету, явлению, названному мотивирующим словом, ср.: *водопроводчик, литавщик, банщик*. Отметим, что окказионализм имеет узуальный нейтральный синоним *подрывник*.

Креативную языкотворческую деятельность В.Аксенова характеризует следующий факт: новообразование, созданное писателем, зачастую выступает в качестве производящей основы для другого окказионализма: *Бодрили и огоньки сигарет, и хохмы, которыми обменивались «каналы» с «шоколадниками-тринитротолуольщиками»* (КС: 348). Авторский неологизм, созданный при помощи сложения, позволяет автору уточнить типаж персонажа: речь идет о так называемых «новых русских» – людях, которые в 90-е годы прошлого века были напрямую связаны с криминалом, например, устраняли конкурентов или взрывали их машины, о чем свидетельствует компонент *тринитротолуольщики*. Затем они

разбогатели, на что указывает компонент *шоколадники*, ср. с разговорным фразеологизмом «быть в шоколаде» в значении ‘быть в хорошем материальном состоянии, при деньгах’.

Среди окказиональных лексем, относящихся к данной подгруппе, можно встретить не только разговорные слова, но и жаргонизмы: *А.Я.Корбах ... стал одним из немалочисленной армии калифорнийских наркощипачей* (НСС: 201). Окказионализм создан при помощи усечения слова *наркотик(и)* + *щипач* (вор, карманник), а сама модель является распространенной в узуальном словообразовании, ср.: *наркоторговец, наркобарон, наркодилер*.

В ряде случаев окказиональные наименования лиц по профессии создаются писателем для того, чтобы уточнить вид деятельности персонажа: *Один из них, ... киоброкер, с интересом наблюдал агонизирующего* (НСС: 218). Отметим, что новообразование создано путем сложения элементов *кино* и *брокер*.

Рассмотрим следующий пример: *Ради этих бесед главтелевик СССР отключался от всех и приказывал никого к себе не пускать, даже китайцев* (ТС 2: 150). Окказионализм создан при помощи сложения с усечением компонентов: *главн(ый) телев(изионц)ик* → *главтелевик*, ср.: *кадровик, боевик* и др. Он служит для разговорного наименования должности Председателя Государственного комитета по радио и телевидению при Совете Министров СССР Сергея Георгиевича Лапина и используется автором не только для компрессии, но и для того, чтобы дать оценку деятельности министра.

В данной группе представлены также окказиональные композиты. Зачастую такие единицы обладают общественно-политической коннотацией и служат средством выражения иронии: *<...> С экрана читал свою ночную речь некий идеологический генерал-комментатор* (О: 417).

Композиты могут оформляться и в виде рифмованного отзвучия: *В глубине сцены зарокотала бас-гитара ... , после чего к рампе выскочил тот самый актёр-билетёр в белом* (НСС: 133). Новообразование используется В.Аксеновым при

описании недавно созданного «Театра на Бетховен-стрит», в котором актеры выполняли работу билетеров.

3) Наименования лиц по национальности

Третью группу представляют собой названия национальностей. Рассмотрим следующий пример: *Это наши армяне, пояснил он. **Арманьянцы*** (РЗ: 35). Модель образования лексемы: основа *армянин* + суффикс *-янец- (-анец-)*, с помощью которого создаются имена существительные, обозначающие лиц по их происхождению из какой-либо страны → *арманьянец*, ср.: *американец – американцы, африканец – африканцы*. В узусе формой множественного числа слова *армянин* является *армяне*, и такая корреляция в русском языке достаточно частотна: *египтянин – египтяне, римлянин – римляне* и др. Окказиональная лексема *арманьянцы* необходима была В.Аксенову для того, чтобы дать название тем представителям армянского этноса, которые проживают не в Армении, а в России.

Некоторые окказионализмы позволяют писателю показать многонациональный характер жителей той или иной страны (в данном случае, США). Для реализации этой цели автор использует многомерные композиты: *Мы, свободные **кельто-нормано-англо-саксо-американцы**, давно уже поперли такую администрацию* (О: 663). Окказионализм образован по модели: *кельты + норманы + англо-саксы + американцы* (усечение основы, ср. с разг.-жаргонным *америкосы*) → *кельто-нормано-англо-саксо-американцы* на базе сочинительного словосочетания, ср.: *кельто-славяне, англо-американцы* и др.

Зачастую новообразования, относящиеся к данной группе, обладают оттенком уничижительности. Они создаются писателем для характеристики персонажа: *Молчание, ночь, ... подрался с плейбоем **армяшко-итальяшкой**...* (О: 541).

Создание окказионального композита может быть обусловлено тем, что автор указывает на невозможность однозначной трактовки происхождения персонажа, так как его родители были представителями различных этносов: *Он вообще здорово мне помог, этот ... **полуянки-полуфранцуз*** (КС: 548).

Ряд композитов, создаваемых автором, указывает не только на национальность человека, но и свидетельствует о наличии у него гражданства определенной страны: *Рядовые гэдэ-немцы вынуждены тарахтеть на своих пластмассовых «трабантах»* (ТС 2: 99). Модель: *ГДР + немец → гэдэ-немец*.

Некоторые композиты обладает мелиоративной окраской: *Она не оторвала от нее глаз даже тогда, когда мимо продефилировали **боннушка-французженка** с Борюшкой и **нянюшка-полька** с Нюрушкой...* (КС: 526).

Особняком среди наименований лиц по национальному признаку стоят дефисные комплексы. В одном случае, они позволяют писателю уточнить не столько национальность, сколько указать на профессию, социальный статус человека: *Вон тащится навстречу знакомый тип из академической среды, ... американский **не-совсем-американец*** (НСС: 430). В другом – с помощью дефисных комплексов В.Аксенов дает многоаспектную характеристику персонажу: *Ну, конечно, это они: ... две **сестрѐнки-молдавано-венгерки-барушки** Машка и Кашка Нэплоше* (МКК: 266). Модель создания окказионализма следующая: *сестрѐнк(а) + молдаванк(а) + венгерк(а) + барушк(а) → сестренка-молдавано-венгерка-барушка*. Окказионализм состоит из таких семантических компонентов, как ‘термин родства’, ‘национальность’ и жаргонизм *барушка* – ‘*сожительница / женищина*’.

4) Наименования лиц по месту жительства

Окказионализмы, входящие в состав этой группы, можно разделить на несколько блоков. Первый составляют названия жителей городов, как вымышленных, так и настоящих. Например, в тексте одного из романов В.Аксенову необходимо назвать жителей придуманного им города, который он называет то «Гусятин», то «Гусь-Под-Зонтиком»: *Да кто ж его не знает, он же ж из нашенских, из Окоемовых! **Гусенеанец!*** (КС: 13). По данным словаря «Русских названий жителей», на Украине существует город Гусятин, жителей которого наши соотечественники называют *гусятинцами* (ед.ч. - *гусятинец*) [Русские 2003: 91], ср.: *Гусь-Хрустальный – гусевец, Сочи – сочинец, Казань – казанец*. Но в тексте романа

писателя фигурирует именно окказионализм *гусенеанец*. По аналогии с другими лексемами, созданными с помощью суффикса *-анец-* (например, *американец*, *венецианец*, *фиванец*), производное слово должно было бы выглядеть следующим образом: *гусятинанец*. В новообразовании *гусенеанец* отчетливо выделяется элемент *-ене-*. В этом случае мы имеем дело с «асемантической» морфемой, то есть с частью слова, лишенной семантики. По мнению А.Н.Тихонова, «асемантические» части слов объединяются общностью функции, выполняемой в структуре слова. Они оформляют основы слов при слово- и формообразовании, используются как прокладки между частями сложного слова, между производящей основой и словообразующими аффиксами, между формообразующей основой и окончаниями и т.д. в тех случаях, когда эти части слова по морфонологическим причинам не могут сочетаться» [Тихонов 1985: 47]. Наличие асемантического элемента в окказионализме обусловлено необходимостью придания слову благозвучности, необходимой для мелиоративной оценки персонажа.

Не менее распространенным в языке писателя является создание им окказионального синонима узуальной лексемы, называющей жителей того или иного поселения, например, города Спрингфилд: *Идемте, Гикки и бэби Кассандра, ... чтобы позвонить своим **спрингфилдианцам!*** (КС: 333). Окказионализм создан при помощи присоединения к основе *Спрингфилд* форманта *-ец-*. Это словообразовательное средство образует имена существительные со значением 'название жителя города', ср. с узуальным вариантом *спрингфилдец*. Как и в предыдущем контексте, мы имеем дело с «асемантической» морфемой *-иан-*, ср.: *Марс – марс-иан / ец* [Тихонов 2002: 132] наряду с узуальным *марсианин*.

В США существуют по меньшей мере четыре города Спрингфилд: административный центр штата Иллинойс, а также небольшие города в штатах Массачусетс, Миссури и Огайо [Большой 2000: 1139]. Скорее всего, новообразование, созданное автором, называет жителей столицы Иллинойса, так как этот город является самым крупным среди всех перечисленных, а использование

окказионального синонима позволяет писателю уточнить, что речь идет только о тех жителях Спрингфилда, которые являются родственниками Гикки.

Названия жителей того или иного города могут оформляться и в виде дефисного комплекса: *«Пан-Штеф-з-Варшавы»* (НСС: 298).

Вторую подгруппу среди наименований лиц по месту жительства составляют названия жителей более крупных географических объектов, например, несуществующих «Кукушкиных островов»: *...Бытует мнение, что жители архипелага только и мечтают о высокой йене ... , однако предложите эту альтернативу кукушанам – и увидите, что из этого получится* (КС: 213). Новообразование создано при помощи присоединения к основе *Кукушкины* (острова) суффикса *-анин-* с семантикой ‘житель или уроженец местности, названной мотивирующим словом’, ср.: *парижанин, россиянин, северянин*.

Окказиональные композиты создаются В.Аксеновым не только с целью указать на место жительства или рождения, но и обозначить его профессиональный статус. Такие лексические единицы преимущественно являются композитами: – *Кто бы вы ни были, сеньор, – ответил на таком же испанском крымчанин-портье, – вам все-таки следовало озаботиться своим устройством заранее* (КС: 284).

5) Наименования лиц по внешним признакам

Окказионализмы данной группы отличаются многообразием как с семантической, так и со структурной точки зрения. Кроме того, оценка, заключенная в них, варьируется от знака «плюс» до знака «минус». Так, часть новообразований, относящихся к данной тематической группе, содержит в своей семантике положительную коннотацию: *...Безукоризненный англо-дэнди Юз Калошин...* (МКК: 266). Модель: основа *английск(ий)*, которая усекается до *англо-* + *дэнди* (человек с изысканными манерами, одевающийся модно и со вкусом) → *англо-дэнди*, ср. с другим окказионализмом писателя: *свежачок-англичанин* (Ожог: 439).

Отметим, что производящая основа *английск(ий)* в словотворчестве писателя является продуктивной, ср.: *Нынче в Америке, конечно, больше нетипичных*

*толстух, чем типичных **англостройняшек** (НСС: 356). Модель: *английск(ая) + стройняшк(а) → англостройняшка.**

Ряд новообразований наделяется положительной оценкой благодаря включению в свой состав жаргонизма с соответствующей оценочной коннотацией: *Приехал первый секретарь, ... **мужик-мощага**...* (НСС: 446). Окказионализм создан при помощи чистого сложения по модели *мужик + мощаг(а)* (жаргонизм от слова *мощный* – молодчина, силач, молодец) → *мужик-мощага.*

Отдельные лексемы, входящие в данную группу, могут приобретать структурное сходство с фамилиями и характеризовать того или иного персонажа в соответствии с семантикой производящей основы. По форме такие лексемы могут напоминать антропоним: *Однажды в 5 «Б» появился ... **хмурневич** во флотском кительке* (Л-Л: 55). Особый интерес представляет модель образования окказионализма *хмурневич*: мы имеем дело с наложением основ *хмур(ый)* со значением ‘угрюмый, мрачный’ и *смурн(ой)* ‘такой же, как хмурый’ в сочетании с суффиксом *-евич-*, с помощью которого образуются фамилии, ср.: *Ходасевич, Еселевич* и др. Можно утверждать, что новообразование создано при совмещении (наложении) узуального (суффиксация) и окказионального (контаминация) способов словообразования.

Наименование по внешним признакам получает и определенная часть молодежи, ориентированная на соответствие западным идеалам: *Бедные ... **стиляги-узкобрючники**, как они старались походить на бродвейских парней* (О: 34).

6) Наименования лиц по поведению и чертам характера

Новообразования этой смысловой группы чаще всего содержат оценку со знаком «минус»: *...Даже самый маленький **модерняшка** ... в глубине-то души убежден, что главный мировой талант растет у нас* (О: 516). Модель: основа *модерн + -ашк-*, образующий имена существительные общего рода с уменьшительно-ласкательным значением → *модерняшка*, ср.: *дурашка.*

Многие из окказионализмов, относящихся к данной смысловой группе, являются билексемами с пейоративной коннотацией: *Все ясно, подумала Глика, ... сластолюбец-кадрильщик ...* (МКК: 369), ср. с другим окказионализмом писателя: *космополит-пьянчуга*. Часто в рамках одного контекста происходит нанизывание такого рода слов, что способствует усилению экспрессивно-выразительного потенциала текста: *Я узнаю эти кувшинные рыла ... поносников-выдвиженцев, захребетников-партийцев, начальничков-пенкоснимателей...* (НСС: 437).

Окказионализмы данной группы могут указывать на определенные черты личности: *В первой персоне ... с трудом определялся интеллигент-инвалид Лев Андреевич Одудовский...* (О: 484).

Новообразования этого блока зачастую служат средством создания языковой игры: *Тренера с собой не взяли, что, похоже, потрясло искушенного в этом бизнесе бульбоглотателя* (КС: 130). В представленном отрезке текста окказионализм образован при помощи заменительной деривации: *шпагоглотатель* → [*шпаго- / бульбо-*] → *бульбоглотатель* и служит для выражения ироничного отношения к персонажу, который вместо шпаги глотает картошку (*бульба* – по-белорусски картофель).

Таким образом, большинство авторских наименований лиц не столько номинирует, сколько конкретизирует, уточняет отношение В.Аксенова к персонажу, позволяет ему выразить ту или иную оценку, ярко проявляющуюся именно в окказиональном словотворчестве.

В рамках группы «Наименования лиц» мы сочли необходимым рассмотреть также несколько окказионализмов, называющих части тела человека. В текстах романов В.Аксенова они нередко получают индивидуально-авторские обозначения: *Акси-Вакси ... способен головенцией въехать в брюханц тому или иному хулигану, «косте-капитану»* (Л-Л: 29). Отметим, что создание окказионализма сопровождается сменой его родовой принадлежности, ср.: *брюхо* (ср.р.) – *брюханц* (м.р.).

Рассмотрим другой пример: *Да, забыл упомянуть великолепный **головениц** Вадима Мирославовича с его заметным носом* (РЗ: 220). Модель: основа *голов(а)* + суффикс *-ениц-*, с помощью которого создаются так называемые шутливые синонимы мотивирующих слов, → *головениц*. В представленном отрезке текста новообразование приобретает комический эффект. Окказиональность проявляется и в использовании формы мужского рода, ср. широко распространенные существительные женского рода: *книженция, старушенция* и др. «Чем меньше формальных и семантических нарушений правил языкового <...> словообразовательного стандарта совершается при образовании окказионального слова, тем меньше окказиональности (а вместе с нею – и экспрессивности) содержится в этом слове, и наоборот» [Хромова 2009: 197].

Зачастую окказионализмы, называющие те или иные части тела, являются композитами. В большинстве случаев они используются для описания внешности персонажа: *Видишь, это же твое лицо: ... рот до ушей, **глаза-смехачи*** (НСС: 10).

Окказиональные наименования частей тела могут включаться в рифмованный контекст: *С большим достоинством двигалась по набережной и девушка Наталья – осиная талья – ... и **ротик-плаксик** над платьем-макси* (О: 218).

Такие лексические единицы нередко указывают на исключительность, уникальность той или иной части тела персонажа: *Специалисты пишут работы о моей уникальной гортани, о мембране, связках и **язычке-глотис*** (КС: 338).

3.4 Наименования артефактов

Наименования артефактов составляют обширный пласт лексики русского языка. По мнению Н.Ю.Шведовой, «конкретные имена существительные <...> относятся к именованиям вещей и предметов, принадлежащих к материальному миру и воспринимаемых физически – наглядно или осязательно. Означаемое <...> здесь – предмет, доступный непосредственному восприятию. При осмыслении и толковании конкретного имени существительного <...> сознание любого носителя

языка обращается к реальному, физическому образу и находит его в мире физических вещей» [Русский 2000: XXVII]. Данная группа слов постоянно пополняется неологизмами, что объясняется экстралингвистическими факторами. Развитие технологий приводит к появлению все новых и новых предметов и, как следствие, новых названий, закрепляемых в языке или остающихся на его периферии. В этом случае реализуется номинативная функция языка, заключающаяся, по утверждению А.К.Киклевича, в передаче языковыми знаками информации о мире и охватывающая в том числе сферу физических объектов [Киклевич 2009: 6]. Окказиональные наименования артефактов создаются и писателями, но они служат иным целям. Р.Ю.Намитокова полагает, что их «появление обусловлено стремлением найти слово, наиболее полно выражающее сложный образ, возникающий в творчестве писателя» [Намитокова 1986: 62]. Кроме того, одной из причин является желание автора дать наименование вымышленному артефакту, что объясняется художественными задачами. В данном случае можно говорить о креативности языкового мышления, проявляющейся, по мнению Н.А.Купиной, при описании нового, т.е. в моменты эмоционального переживания открытия или новизны мысли [Купина 2013: 334]. Перейдем к анализу основных смысловых подгрупп наименований артефактов в произведениях В.Аксенова, а также определим причины и способы их создания.

1) Транспорт

Автор создает окказионализмы данной смысловой группы для того, чтобы присвоить наименование придуманному им виду воздушного транспорта: *Между тем на огромной высоте нарастали ... **твердопланы*** (Л-Л: 229), ср. с другим окказионализмом писателя: ***орбитоплан*** (КС: 506).

Рассмотрим следующий пример: *...Какая-то струя, негодяйка, хлестнула прямо в лоб нашему советскому **бычку-гидроплану**, укравшему легкомысленную девушку Европу* (МКК: 201). Автор использует композит для наименования особого вида воздушного транспорта – самолета-гидроплана. Кроме того, в данном контексте

мы имеем дело с прецедентностью, так как окказионализм отсылает нас к античному мифу, связанному с Европой – дочерью финикийского царя Агенора, похищенной Зевсом, обратившимся в быка [Большой 2000: 387].

Окказионализм может подчеркивать характерную особенность конкретного вида транспорта, например, скорого поезда: *Он ... летел на нас, на свалку «Сталинград», со скоростью свист-экспресса со скоростью свист-экспресса* (МКК: 433). Окказионализм создан при помощи сращения лексем *свист* и *экспресс*, ср.: *Восточный экспресс, аэроэкспресс*.

Зачастую писатель создает наименования легкового автомобильного транспорта: *Тащутся, шипя пневмосистемами, ... черные персоналки-оперативки, мотоциклы «Явы» и «Иж-планеты», свадебные «Чайки» и похоронные ГАЗы, разбитные настырные «Москвичи» и одиночки-дипломаты...* (О: 666).

Авторские неологизмы данной группы могут обозначать симбиоз транспортного средства и его водителя: *Хвастыщев увидел в ярком солнечном четырехугольнике своего верного мотокентавра, сержанта Ваню* (О: 326). Модель создания новообразования: *мотоцикл + кентавр* → *мотокентавр*.

В процессе анализа установлено, что многие из окказионализмов обладают ироничной эмоционально-экспрессивной окраской. Рассмотрим следующий контекст: *...По мелководьям отлива двигалась к нам какая-то внушительная мотораскоряка...* (РЗ: 45). В выделенном окказиональном композите вторая часть *раскоряка* с разговорно-просторечной окраской заключает в своем значении негативную оценку. *Мотораскоряка* в представленном контексте – это ‘автомобиль больших размеров, не соответствующий стандартному типу автомобилей, представляющий угрозу как для водителя, так и для пешеходов’; ср. другую подобную номинацию в этом же романе: *Надо немедленно пресечь жажду юнца оседлать его зловещего мотоосла!* (РЗ: 46). Окказионализм *мотоосел* образован по модели сложного слова, компоненты которого представляют собой разностилевые элементы.

К этой же группе примыкают и индивидуально-авторские атрибутивы, характеризующие транспортные средства: *Он не ошибся, ... приближалась черная дипломатическая **четырёхспальная-восьмицилиндровая** колымага...* (О: 63).

2) Одежда и сопутствующие ей предметы

В «Русском семантическом словаре» лексическое множество «Одежда» содержит описание таких лексических единиц, которые «называют предметы, носимые человеком, одевающие его тело, голову, конечности. В это множество включаются как его составная часть наименования сопутствующих одежде предметов, ее дополняющих или украшающих. Сюда входят названия предметов, выполняющих при оформлении любого вида одежды служебную функцию, названия предметов, служащих собственно дополнением или носимых в руках» [Русский 2000: 294].

Описывая тот или иной предмет одежды, писатель использует так называемые «шутливые синонимы» мотивирующих слов: *Среди довольно одутловатых и несколько аляповатых в своих высококачественных **костюменциях** <...> Ген, Ашка и Ясно выглядели как сущие денди XXI века* (РЗ: 159). Окказионализм создан путем присоединения к производящей основе суффикса *-енциј-*, ср.: *книженция, собаченция*.

Ряд новообразований приобретает разговорную окраску. Например, окказионализм, являющийся обозначением верхней одежды по материалу: *Однажды за ним из бара пошел молодой человек в широчайших штанах и узкой **джерсишке*** (НСС: 102). Новообразование создано при помощи суффиксации (основа *джерси* + суффикс *-ишк-* → *джерсишка*), ср.: *мыслишка, одеялишко, письмишко* и др.

Окказиональные имена существительные не всегда могут быть точно интерпретированы: *Брился, стригся в каком-нибудь барбер-шопе на главной улице, покупал себе **лепенец** в бутике «Труссарди»...* (РЗ: 428). Модель: возможно, *леп(ый)* – красивый (уст.) + *-енец-* → *лепенец* в значении ‘красивая обновка, вещь, одежда’ ср.: *первый – первенец, лед – леденец*.

Новообразования данной группы могут оформляться в виде композитов, заменяя собой полноценные синтаксические единицы и выполняя номинативную функцию: ...*Она влетает в драгоценные босоножки, в **жакеточку-шанель**...* (ТС 1: 232), ср.: *жакет в стиле шанель*.

Авторские новообразования могут обозначать и предметы, дополняющие одежду и сопутствующие ей, например, бижутерию: *Гляжу, ... а на часах на **брошюретах** – одна сплошная комбинация...* (Л-Л: 206). Индивидуально-авторское название артефакта создано путем контаминации лексем *брошь* и *браслет*.

От наименований предметов одежды могут быть образованы и индивидуально-авторские атрибутивы: *Возясь по этим **подтяжкинским** делам, он на минуту даже забыл о предмете своей романтической страсти* (МКК: 379). Модель: основа *подтяжк(и)* + суффикс *-инск-* со значением 'свойственность или принадлежность тому, что названо мотивирующим словом' → *подтяжковский*, ср.: *материнский, ольгинский* и др.

3) Предметы быта

В окказионализмах этой группы находит отражение обилие заимствованных слов, характерное для идиостиля Василия Аксенова. Так появляются окказиональные кальки с английского языка, обозначающие радио-, теле-, видео- и киноаппаратуру: *Установка всяких там аппаратов, гаджетс ... : **радио-хайфайки, игралки-музыкалки, тивиашки-висиарки*** (НСС: 257). Первая лексема образована по модели: *радио* + *хайфайк(а)* – от Hi-Fi (англ. High Fidelity — высокая точность, высокая верность) — термин, означающий, что воспроизводимый звук очень близок к оригиналу; вторая – по модели: *тивиашка* – от англ. TV (телевидение) + *висиарка* – от англ. VCR (Video Cassette Recording) — бытовой формат аналоговой видеозаписи, ср. разговорные *видак, видушка*.

Зачастую подобные новации являются основой для языковой игры: *Как всякая женщина, мечтаю о простом – ... починить телефизор или, как его там, **телевьюзор**...* (КС: 393). Окказионализм *телевьюзор* образован путем контаминации

лексемы *телевизор* и английского слова *view* и служит для характеристики персонажа, в сознании которого смешались две языковые системы: русская и английская. По утверждению С.В.Ильясовой, контаминации преимущественно выполняют характеризующе-оценочную функцию с преобладанием осуждающей, иронической и юмористической тональностей [Ильясова 2013: 188], что и представлено в данном отрезке текста, ср. с другими окказионализмами писателя: *письморубка* (НСС: 58), *иглохранительница* (Л-Л: 118).

К этой группе относятся и предметы оптики. Рассмотрим следующий пример: *Ну, и разумеется, уж если они увидят кого-нибудь в очках-лупоглазах, тут же вообразят каких-нибудь американцев в кокпите «летающей крепости» ...* (РЗ: 50-51). В данном случае автору было важно дать сложное наименование значимому для него предмету (очкам со стеклами большого диаметра), которое отсутствует в языке, ср. с другим окказионализмом автора (*дымчатые*) *очки-глаза* (О: 363).

Новообразования данной группы могут быть связаны с артефактами, неразрывно ассоциирующимися с той или иной исторической личностью: «*Артем*» с *поблескивающими* временным безумием *бериевскими пенсиятами* рассказывал, что ему удалось найти общий язык с контр-адмиралом Шмалевичем (КС: 352). Модель: основа *пенсне* + суффикс *-ат-*, образующий формы множественного числа существительных на *-онок-*, имеющих уменьшительно-ласкательное или только ласкательное значение → *пенсията*, ср.: *дошколята*, *пострелята* и др., ср. с аксеновским *Пантелята* (О: 559).

Среди окказиональных наименований предметов быта можно выделить и письменные принадлежности: *В глубине кадра виднелась также Анис с роскошными плечами, в лиловом платье, словно перевернутая чернилка-непроливайка* (НСС: 304), ср. узуальное *чернильница-непроливайка*.

4) Оружие и сопутствующие ему предметы

Новообразования данной тематической группы также нашли отражение в языковом творчестве писателя. Например, в тексте одного из романов В.Аксенова

можно встретить неузואальный композит, обозначающий разновидность артиллерийского орудия: *Ой-ей, ... нацеливалась мини-минометка* (Л-Л: 251). Модель: префиксоид *мини-* + *миномет* + суффикс *-к(а)* → *мини-минометка*, ср.: *мини-альбом, мини-футбол, мини-отель*.

Автор может номинировать неизвестный тип оружия, придуманный им самим в художественных целях. Обычно такой окказионализм оформляется в виде дефисного комплекса: *Он полез в глубокую боковину своих галифе и извлек оттуда ... неведомый ствол-с-прибором «Шкворенко-Плюс»* (РЗ: 254-255).

Окказиональные названия сопутствующих оружию предметов, а именно снарядов, боеприпасов, в одних случаях сопровождаются оттенком книжности и официальности: *Говорите все начистоту, ... иначе «Аврора Горелика» запустит свои «снавоны»!* (КС: 420). Модель: окказионализм создан путем креации, то есть образован без модели, с использованием произвольного языкового знака, хотя намек на мотивирующую основу есть: *снаряд(ы)* → *снавоны*. В других – характеризуются сниженным стилем: *Скажи, Саня, утешь меня, пушку хотя бы он не жалеет? ... Курву-ракету с боеголовкой?* (О: 607).

5) Продукты питания, блюда, напитки

В «Русском семантическом словаре» лексическое множество «Продукты питания и внутреннего потребления» естественно вычленяется из общего состава словозначений, входящих в раздел «Материальные (предметные, вещественные) продукты труда», так как имеет строго ограниченную сферу употребления. Это множество содержит описание таких лексических единиц, которые называют продукты питания, еду для человека и животного, а также продукты не для питания, а для внутреннего потребления – настои, настойки, продукты для курения, вдыхания, жевания [Русский 2000: 247].

Очень часто В.Аксенов создает названия блюд в экспрессивно-выразительных целях, а именно в целях языковой игры: *Гаркаша, витпуди, выжминт. Что ж, всё это очень аппетитно, а все-таки я ... приготовлю тебе яичницу* (КС: 589). Анализ

внутренней формы новообразований позволяет обнаружить непосредственную связь с узуальными словами со значением ‘блюда, приготовляемые из разных круп’: *каша*, *витаминный пудинг*; ‘приправы’: *выжатая мята*.

В текстах романов писателя можно встретить и названия напитков (в основном, алкогольных): *Опрокидывая двойные-на-камушках*, *Корбах продолжал* (НСС: 101). В этом случае речь идет о двойной порции алкоголя со льдом. Отметим, что многие окказиональные названия напитков являются стилистически окрашенными (со знаком минус): *Девчонки ... рыскали по старой имперской столице в поисках кайфа, будь это химпортвейн*, *кодеин ... , косячок анаши* (КС: 118). Модель: *хим(ический) + портвейн* → *химпортвейн*. Новообразование создано путем усечения первого слова в словосочетании, ср.: *химраствор*, *химпродукт*, *химпром* и др. Если создание слов *гаркаша*, *витпуди*, *выжминт* обусловлено необходимостью дать номинацию какому-либо блюду, то окказионализм *химпортвейн* является видовым понятием для некачественного алкоголя.

6) Здания и сооружения

В индивидуально-авторских наименованиях данной группы преследуются разные цели. Например, следующий окказионализм указывает на монументальность здания и на его огромные размеры: *Позволим себе все-таки несколько слов критики ... Глики Новотканной, проживающей со своими родителями в одной из самых просторных квартир этого здания-града* (МКК: 6).

Неолексемы, относящиеся к данной группе, могут создаваться автором для характеристики персонажей. Рассмотрим следующий пример: *Начала, как всегда, с подколок: ну что, дескать, в нем особенного, в этом небопоскрёбышеве?* (МКК: 470). Модель: *основа небоскрёб + по-...-ышев* → *небопоскрёбышев*. Далее в тексте романа В.Аксенов объясняет смысл языковой игры: *скрести / поскрести небо* → *небоскрёб / небопоскрёбышев*: *Португальский язык Бразилии фонетически очень близок к нашему исконному. Очевидно, из-за обоедного богатства шипящими и жужжащими согласными* (МКК: 470). Новообразование в тексте романа включено

в реплику бразильянки Эшперанши, когда та пытается развеселить главного героя Така Таковича Таковского.

Наконец, при характеристике зданий автором используются окказиональные прилагательные: *Верхние этажи **стальных-и-стеклянных** зданий...* (НСС: 84).

Таким образом, основными причинами индивидуально-авторского словотворчества или окказиональной интерпретации названий-артефактов является либо обозначение несуществующих предметов, либо попытка писателя дать собственную характеристику уже имеющейся реалии, что заставляет читателя взглянуть на нее по-новому. Использование как узуальных, так и окказиональных способов словообразования позволяет автору раскрыть свою позицию, выразить отношение к персонажам, так или иначе связанным с «вещным» миром.

3.5 Наименования отвлеченных понятий

Как известно, абстрактные имена существительные, в отличие от конкретных, включают в своих значениях прежде всего результат мыслительной деятельности, «направленной на обобщение явлений окружающего мира и человеческого духа – состояний, свойств, качеств, на постижение сущности бытия, осмысление его закономерностей, недоступных непосредственному восприятию. В семантике таких слов отражен ментальный мир человека, мир его мыслей и чувств, мир его представлений о состояниях самого себя, окружающей природы и общества, об этических и моральных канонах, о духовных ценностях, о вере, о том, что служит общению, хранению и обмену информацией (язык, речь)» [Русский 2003: XIX]. Рассмотрим смысловые группы окказиональных лексем В.Аксенова с отвлеченной семантикой.

1) Собственно отвлеченные понятия

Первую группу окказионализмов составляют собственно отвлеченные понятия. Они относятся к различным сферам жизни человека. Например, они могут называть отвлеченные понятия, связанные с приемом пищи: *Ну что вы так*

перепугались? Ведь это просто слуги ... из «Вирту Хай-класс Ужинство Сервис» (КС: 620). Модель: основа *ужин* + *-ств-(о)* со значением отвлеченности → *ужинство*, ср.: *барство, волишебство, главенство* и др.

Окказионализмы, создаваемые В.Аксеновым, могут совмещать в себе семантику нескольких отвлеченных понятий. Так, следующее новообразование создано путем контаминации лексем *секрет* и *ответственность* и включает в себя семантику обоих компонентов: *Это невозможно, лапуля, потому что полная секретственность, вы понимаешь?* (МКК: 298).

Аналогичная ситуация наблюдается и в следующем контексте: *Мы ... знавали причастие постоянного мелкотравчатого хлопоробства* (Л-Л: 250). С одной стороны, можно предположить, что окказионализм образован по аналогии со словообразовательной моделью узувальных лексем *хлеборобство* или *хлопкоробство*. С другой стороны, модель создания неолексемы можно интерпретировать следующим образом: *холопств(о) + рабств(о) → хлопоробств(о)*, на что указывает и определение *мелкотравчатый* в значении 'маленький, незначительный, неважный'.

Новообразования данной группы зачастую являются маркированными, например, благодаря неоднократному повтору производящей основы: *Проходил через всякие снегодержатели и ослепительной ослепительности ослепидарности* (Л-Л: 244). Модель: *ослепительн(ый) + дар → *ослепидарн(ый) + суффикс -ост- → ослепидарность*, ср.: *легендарность, благодарность, солидарность, лапидарность*. Окказионализм образован путем чересступенчатого словообразования, лежащего в основе языковой игры. Здесь также имеет место оценка, в данном случае мелиоративная, возникающая благодаря созвучию с узувальной лексемой.

Рассмотрим следующий пример: *При всей нахлебутности мы не понимали наших имен...* (Л-Л: 246). В данном случае о значении слова *нахлебутность* можно только догадываться. Судя по контексту, оно означает 'опытность, искушенность'. Однако представленный в словообразовательной структуре окказионализма суффикс *-ость-* явно свидетельствует о его отвлеченной семантике.

2) Обозначения внешнего облика человека

Распространенными в языке писателя являются абстрактные имена существительные, характеризующие внешний облик людей.

В одном случае окказионализм создается на базе качественного имени прилагательного: *Теперь ее тощий рюкзачок висел у нее на спине, придавая ее тоненькой фигурке дополнительную **прямоксть*** (РЗ: 272). Модель: *прям(ой)* + *-к-* → **прямок(ий)* + *-ост-* → *прямоксть*. Новообразование выступает синонимом к слову *стройность*, но преимущество, отдаваемое В.Аксеновым окказионализму, обусловлено высокой степенью его экспрессивности.

В другом – на базе относительного прилагательного: *Вадим Высоколобий, значит, ты знал о своей **бутылконосости**, значит, ты согласен?! (РЗ: 211)*. Модель образования окказионализма: основа *бутылконос(ый)* + суффикс *-ост-*, образующий имена существительные женского рода, которые обозначают предмет или явление, характеризующееся качеством, названным мотивирующим именем прилагательным → *бутылконосость*, ср.: *шарообразный* – *шарообразность*, *кривоносый* – *кривоносость* и др. Отметим, что имя прилагательное может быть изначально мотивированного вещественным существительным: *Галка демонстрирует отчетливую **пивноватость** лица* (КС: 55). Окказионализм создан при помощи суффиксации, сопряженной с чересступенчатым словообразованием: *пив(о)* + суффикс *-н-* → *пивн(ой)* + суффикс *-оват-* → **пивноват(ый)* + суффикс *-ост-* → *пивноватость*, он имеет семантику ‘одутловатость, желтый цвет’, ср. с узуальной лексемой *мешковатость*.

В некоторых случаях новообразования, создаваемые В.Аксеновым и относящиеся к данной смысловой группе, синонимов не имеют: *В них подчеркивались качества лиц высшего руководства страны: одутловатость премьер-министра Павлова, **хорькообразность** председателя госбезопасности Крючкова* (НСС: 409). Модель образования: *хорькообразн(ый)* + суффикс *-ост-* со значением отвлеченного признака → *хорькообразность*, ср.: *слонообразность* и др.

3) Наименования идеологических, литературных и искусствоведческих течений

Среди окказиональной лексики писателя с абстрактной семантикой особое место занимают наименования идеологических, литературных и искусствоведческих течений. Отметим, что новообразования, относящиеся к данной смысловой группе, отличаются структурно-семантическим разнообразием.

Первую подгруппу составляют наименования политических и идеологических течений. Для характеристики общественно-политической жизни страны писатель создает новообразование, называющее какое-либо идеологическое направление в сфере литературного творчества и обладающее иронической коннотацией: *Действительно, возле грота Нимф собрались три дуэлянта: ... барон Фамю, классик **цикреализма** Ильич Гватемала и ... Шумейкер* (КС: 341). Окказионализм создан при помощи усечения первого слова в словосочетании *циклопический реализм*, созданного по модели: *соц[иалистический] реализм* → *соцреализм*:

– *Вы что, не понимаете – перед вами Ильич Гватемала! Да-да, вот именно тот самый, чьи книги теперь читает весь мир!*

– ***Циклопический реализм?! –** ахнул начитанный портье* (КС: 284-285).

Интертекстуальность, представленная в данном отрезке текста (отсылка к древнегреческой мифологии – Циклопам и циклопическим, т.е. огромным, исполинским постройкам), совпадение имени персонажа с отчеством Ленина, а также фамилии с топонимом Гватемала (названием страны), долгое время находившейся под властью диктаторов, усиливают комический эффект.

Не менее значимым для писателя оказывается обращение к тем или иным литературным и искусствоведческим течениям, составляющим вторую подгруппу: *Цикл **постпостбайронизма** завершен!* (КС: 71). Как известно, Байрон создал тип рефлексирующего героя: разочарованный мятежный индивидуалист, одинокий, непонятый людьми страдалец, а его творчество породило явление байронизма (начало 19 века), в т.ч. «русского байронизма» [Большой 2000: 92]. Модель образования окказионализма: префикс *пост-* + *байронизм* → *постбайронизм* + префикс *пост-* →

постпостбайронизм. Специфика данного новообразования заключается в том, что редупликация префикса не только способствует усилению выразительного эффекта окказионализма, но и делает его средством выражения иронии, усиливающейся благодаря включению в контекст несобственно-прямой речи.

Для В.Аксенова характерно создание авторских названий тех или иных литературных направлений, например, постмодернизма: *Таков был конечный результат. Постмодернизм. Пост-всё* (НСС: 466), ср. также: *Я просто счастлив оттого, что весь этот постбайроновский, **постсартровский**, постбахтинский постмодернизм, включая, прости, и твои сочинения ... , - закончилось!* (КС: 74).

Для называния того или иного направления в искусстве и его последователей В.Аксенов зачастую использует имена собственные, например, фамилию художника И.К.Айвазовского: *В огромных обшарпанных ангарах ... торжествовало искусство: маслом и акрилом бесконечные вариации на сюжет Андромеды, а также просто скалы и просто волны, прочее айвазовскианство* (НСС: 522). Модель: основа *Айвазовск(ий)* + суффикс *-ианств-(о)* со значением 'приверженцы, сторонники учения того, кто назван мотивирующим словом' → *айвазовскианство*, ср.: *ницшеанство, фабианство, гумбольдтианство* и др. В приведенном примере окказионализм *айвазовскианство* означает 'создание картин на морскую тематику'; ср.: *«Смельчаковщина» с ее ... «неокиплингианством»...* (МКК: 14). Модель: основа *киплингианств(о)* + *нео-* → *неокиплингианство*, ср.: *неомальтузианство* и др.

Экспрессивность и смысловая нагрузка может усиливаться за счет лексического окружения: *Да что это я? Куда меня понесло от этого бюста? Попахивает похмельным зоценкоизмом, нет?* (ТС 1: 26). Модель образования: основа *Зоценко* + суффикс *-изм-*, образующий имена существительные мужского рода, которые представляют собой названия общественно-политических, научных или эстетических учений, направлений, систем, а также качеств, склонностей, действий или состояний, связанных с тем, что названо мотивирующим словом → *зоценкоизм*, ср.: *байронизм, гамлетизм, фрейдизм, буддизм, марксизм* и др.

Создание следующего новообразования может объясняться тем, что автору необходимо было назвать определенное явление, связанное с конкретным персонажем: *Глика вся напружинивается – вот-вот возникнет Моккинакки, – но, увы, ... моккинаккиевщина испаряется* (МКК: 297). Модель: основа *Моккинакки* (главный герой романа «Москва Ква-Ква») + суффикс *-щин-* со значением ‘бытовое или общественное явление, идейное или политическое течение’ → *моккинаккиевщина*, ср.: *аракчеевщина, поповщина, маниловщина, обломовщина* и др.

Наконец, наименования литературных течений могут оформляться в виде многосоставного композита: *Почему нет никакой реакции, никакого интереса к ... «досто-толсто-пушко-гогло-чеховиане»?* (НСС: 471). Модель: *Достоевск(ий) + Толст(ой) + Пушкин + Гоголь + Чехов + суффикс -иан(а) → досто-толсто-пушко-гогло-чеховиана*.

4) Наименования профессиональной деятельности

Следующую группу окказиональных абстрактных лексем составляют слова, обозначающие профессию или род деятельности. Такие лексемы образуются преимущественно от глагольных словосочетаний. Обратимся к примерам: *В эти свободные дни иногда ... подворачивалась недурная шабашка в основном по части руфинга, то есть крышепокрытия эмигрантских жилищ* (НСС: 93). Модель: *покры(ть) + крыш(у) + интерфикс -е- + суффикс -иј- → крышепокрытие*, ср.: *металлопокрытие*. В русском языке для обозначения данного действия используются словосочетания «крыть крышу», «менять крышу». Перед нами – буквальный перевод иноязычного слова (в английском языке *roofing* от *roof* – ‘крыша’). Однако следует отметить, что заимствованное слово *руфинг* имеет в русском языке другое значение – ‘лазанье по крышам’.

Рассмотрим другой контекст: *Теперь несколько слов о самой трибуне. Это был шедевр трибуностроительства. ... Скажем еще несколько слов о еще одном преимуществе этой трибуны. Оратор не видит ни одной персоны из президиума* (ТС 1: 95). Окказионализм образован по модели *трибун(а) + интерфикс -о- +*

строительств(о) + суффикс -ств-(о) → трибуностроительство при помощи сложения с интерфиксацией, ср.: *домостроительство, судостроительство, автостроительство* и др. Новообразование содержит общественно-политическую коннотацию и позволяет выразить ироничное отношение к размерам и монументальности трибуны, находящейся в Свердловском зале Кремля.

Данная словообразовательная модель используется и при создании и другого окказионализма: *В романостроительстве предварительно заготовленные чертежи нередко полностью опровергаются* (НСС: 333).

5) Наименования черт характера и поведения человека

Среди окказиональных абстрактных лексем, создаваемых автором, большую часть составляют слова, характеризующие человека как существа социального, вступающего в разные типы взаимоотношений с другими людьми. Производящей основой для таких новообразований может служить имя собственное: *Решимость была вознаграждена: в глубине водянистых проявилась некоторая дзержизновизна* (ТС 2: 80). Модель создания окказионализма: основа *Дзержинск(ий)* + *-овизн-* со значением отвлеченного признака → *дзержизновизна*, ср.: *левизна, крутизна, прямизна*. Феликс Эдмундович Дзержинский (политический деятель, председатель ВЧК, ГПУ, нарком путей сообщения [Большой 2000: 353]) имел, как известно, прозвище Железный Феликс. В данном контексте речь идет о таких качествах этой личности, как строгость, суровость, железная воля, жестокость и т.д.

Окказиональные лексемы, называющие ту или иную черту характера, могут иметь узуальные синонимы: *Вот что мне всегда в ней нравится – эти вспышки хохота с бабской лукавизной...* (РЗ: 30). В данном случае мы имеем дело с синонимичными суффиксами: основа *лукав(ый)* + суффиксы *-изн-* / *-ств-* / *-ост-* со значением отвлеченного признака, который назван мотивирующим именем прилагательным → *лукавизна / лукавство / лукавость*, ср.: *лукавинка*.

Созвучие со стилистически сниженным, просторечным словом можно увидеть в следующем контексте: *Однако и он не мог себе тогда представить, что*

произойдет с этим отелом в новые времена, среди разрухи социализма, ... среди воровства и *хуразитства* (КС: 247-248). Модель: *паразит* / **хуразит* + суффикс -ств-(о) со значением 'свойство или занятие лица, названного мотивирующим именем существительным' → *хуразитство*, ср.: *лихоимство*, *хулиганство* и др. Окказионализм образован от лексической единицы, имеющей внешнее сходство со словом *паразит*, а именно с его разговорным аналогом. Новообразование *хуразитство* выступает в качестве средства стилизации разговорной речи.

Окказионализмы данной группы могут быть композитами. Такие лексемы, в частности, создаются автором для того, чтобы показать критический, переломный момент в жизни определенного персонажа: *Александру Яковлевичу не дано было узнать ... этот момент сжатия-разрыва...* (НСС: 11).

Наконец, использование окказиональных композитов позволяет автору добиться максимальной выразительности: *Грязнуха-ревность, подпрыгивая с утра до ночи, как жаба, превращала его в безумца* (ТС 2: 87).

Таким образом, наиболее распространенными среди данного класса слов являются окказионализмы с собственно отвлеченной семантикой, обозначения внешнего облика человека, наименования различных течений, профессиональной деятельности, а также наименования черт характера, поведения человека и взаимоотношений между людьми. Практически все новообразования так или иначе связаны с миром людей, с их отношениями, поступками и состояниями. Многие окказионализмы с абстрактной семантикой, создаваемые В.Аксеновым, как и окказионализмы других смысловых групп, относятся к общественно-политической сфере и характеризуют не только людей, но и различные социальные группы, страны, эпохи.

3.6 Наименования действий и процессов

По мнению лингвистов, глагол является самой сложной и в то же время центральной единицей лексической системы русского языка. Он обладает мощным

словообразовательным потенциалом: посредством самого слова и его корневой морфемы глагол связан словопроизводственными отношениями с именем существительным, с именем прилагательным, с наречием, с разветвленным арсеналом служебных и модальных слов. Учеными отмечается продуктивность этих процессов: глагол в обозримые периоды развития языка постоянно реализует свой центробежный и центростремительный потенциал [Русский 2007: XXI].

Лексическая семантика глаголов, – утверждает Л.Г.Бабенко, – иерархически структурирована: суперклассификаторы уточняются категориально-лексическими семами, которые, в свою очередь, конкретизируются дифференциальными семами. Иерархичность системной организации глаголов, вершину которой занимают семантические поля, позволяет выделить семантические классы, группы и подгруппы [Словарь-тезаурус 2014: 21].

Перейдем к анализу окказиональных наименований действий в текстах романов В.Аксенова.

1) Глаголы движения

Для создания окказионализмов с семантикой перемещения в пространстве автор использует разные способы. Например, он фонетически трансформирует узуальную лексему, что сопровождается изменением ее значения: *Зеки в одиночку и цепочками трусили из дверей тюрьмы, а некоторые **выщелушивались** из лазов подземного карцера* (РЗ: 241). Новообразование создано путем контаминации лексем *вышелушиваться* (выпадать из шелухи, скорлупы, твердого покрова) и *щель*. Интересно, что в отличие от узуальной лексики *вышелушиваться*, употребляющейся по отношению к растениям и животным, новация используется автором по отношению к людям, ср. с устойчивым оборотом «лезть изо всех щелей».

Окказиональный предикат движения может быть создан В.Аксеновым при помощи префиксации: *Ночь. Спокойствие. ... Медлительно **проколобасили** через сцену Петух и Попугай* (КС: 633). Модель: окказиональная основа **колобасить* + префикс *про-* со значением ‘преодолеть какое-то расстояние, продвинуться вперед’

→ *проколобасить*, ср.: *пробежать, проползти, проскакать*. Окказионализм имеет семантику ‘передвижение особым образом’, ср.: *катиться как колобок*.

Рассмотрим следующие примеры: *Эх ма, сейчас нажраться бы пива с маком и заракетиться в отключке к нереальностям неопределенным!* (РЗ: 247), ср.: *Увы, девушка черт знает куда затартарарыкалась...* (ТС 1: 319). Модель: основа ракет(а) / тартарары + -и-(ть) / -а-(ть) → *ракет(и) / *тартарарыка(ть) + префикс за- → *заракет(и) / *затартарарыка(ть) + постфикс -ся → *заракетиться / затартарарыкаться*. В первом случае глагол имеет значение ‘погрузиться в определенное наркотическое состояние’, во втором – ‘находиться очень далеко, практически исчезнуть’, ср.: *тартарары* – ‘подземное царство мертвых’. По нашим наблюдениям, данная словообразовательная модель является продуктивной в словотворчестве автора. По мнению А.Я.Алексеева, для словообразования существенным фактором становится экспрессивная коннотация, а не эмоциональная. Известной долей экспрессивности здесь могут уже характеризоваться не только мотивирующее и мотивированное, но и словообразовательный формант, и словообразовательная модель [Алексеев 1977: 47]. На наш взгляд, это утверждение в полной мере применимо к окказиональным глаголам В.Аксенова.

2) Глаголы речи

Как отмечает Р.Ю.Намитокова, продуктивным способом образования авторских неологизмов-глаголов является суффиксация. Это, видимо, можно объяснить тем, что поэты смело «оглаголивают» слова-корни для передачи динамики мысли и действия, для создания новых емких образований, передающих процессуальность [Намитокова 1986: 101].

В качестве производящей базы окказионализма может использоваться глагол. Такие новообразования указывают на те или иные дополнительные характеристики речевого поведения человека: *Что-то я сегодня слишком разынтеллектуальничался спозаранку...* (НСС: 82). Модель: основа

интеллектуальнича(ть) + конфикс *раз-...-ся* со значением ‘достигнуть наибольшей интенсивности в совершении действия, которое названо мотивирующим глаголом’ → *разынтеллектуальничаться*, ср.: *разговориться*, *раскричаться* и др.

Новообразование может быть создано на основе имени собственного: – *Здесь ее выдавали замуж – да? ... продолжал чичеронствовать Буттофава* (НСС: 23). Модель: основа *Цицерон* → *чичероне* (итал. проводник, дающий пояснения туристам при осмотре достопримечательностей) + суффикс *-ств-(о)* → **чичеронств(о)* + суффикс *-ова-(ть)* со значением ‘действия, которое имеет отношение к тому, что названо мотивирующим словом’ → *чичеронствовать*, ср.: *витийствовать*, *разглагольствовать*, *умствовать*, *мудрствовать* и др. *Чичеронствовать* в данном контексте – это умение красиво говорить, так как в основе глагола лежит прецедентное имя римского политического деятеля, оратора и писателя, прославившегося своими речами.

В рамках рассматриваемого типа следует обратить внимание на окказионализм, в основе которого лежит название марки коньяка: *Лицевратов кивнул, достал из письменного стола бутылку коллекционного «Еревана», они выпили и стали обсуждать проблему заядлого «плевела». ... Развеселившись, друзья еще минут десять поереванились, вспоминая прошлое* (МКК: 391). Модель: основа «Ереван» + суффикс *-и-* → **еревани(ть)* + *-ся* → **еревани(ть)ся* + префикс *по-* → *поереваниться*, ср. с простор. *потрепаться*. Окказионализм номинирует целую прототипическую ситуацию – пить коньяк и беседовать в течение определенного времени.

Зачастую глаголы данной смысловой группы носят подражательно-игровой характер: *Телескопов мое фамилие, – нгкмдкнул охламон* (КС: 12). Модель: основа – окказиональное междометие *нгкмдк* + суффикс *-ну-(ть)* со значением ‘моментальности’ → *нгкмдкнуть*. Узуальное междометие *гм*, послужившее смысловой основой для аксеновского «нгкмдк», в словаре помечается как разговорное и имеет два случая употребления: для выражения сомнения, недоверия,

иронии и для выражения нерешительности, нежелания произнести что-либо. От этой лексемы образуется два производных глагола: *гмыкать* – ‘произносить «гм», выражая сомнение, недоверие, иронию’ [Ефремова 2009: 317] и *гумкать* – ‘то же, что *гмыкать*’ [Ефремова 2009: 349]. Окказионализм *нгкмдкнуть* имеет значение ‘быстро и нечетко сказать что-либо’ (ср. *проямлить*), а благодаря сходству с разговорным глаголом *гмыкнуть* новообразование приобретает стилистическую маркированность.

Отыменные глаголы могут называть какие-либо звуки, соответствующие определенному музыкальному направлению, например, хип-хопу: *Стас такой, по фамилии то ли Русский, то ли Прусский, то хипхопает, то мымыкает...* (РЗ: 387). Окказионализм образован по модели: основа *хип-хоп* + суффикс *-а-(ть)* со значением ‘произносить или воспроизводить то, что названо мотивирующим словом’ → *хипхопать*, ср.: *охать, бацать*.

Наконец, предикаты речи могут создаваться на основе звукоподражания: *Партголова из-под мощных надбровных дуг нехорошо смотрел на разгулявшегося контр-адмирала. Вот такие индюки и загоголивают всю нашу идею!* (КС: 267). Модель: основа *гого* (звукоподражание – имитация звуков, издаваемых индюком) + конфикс *за-...-и-(ть)* со нетипичным значением ‘заболтать проблему, вообще потерять смысл’ → *загоголить*, ср.: *заболтать, заиграть*.

Производящая основа другого глагола речи указывает на низкий тембра голоса: *Взяв себя в руки, он перепрыгнул через хвост «Смирения», подтянул джинсы и солидно прокарабасил* (О: 342). Модель: основа *карабас-барабас* + суффикс *-и-(ть)* → **карабаси(ть)* + префикс *про-* со значением ‘довести до результативного завершения действие, названное мотивирующим словом’ → *прокарабасить*, ср.: *пробасить*, ср.: ‘говорить как *Карабас-Барабас*’.

Необходимо отметить, что в некоторых случаях идентификация семантики производящей основы глагола вызывает некоторые трудности. Обратимся к следующему примеру: *Морячина взял у командира мегафон и гулко отбалямбасил*

последнее приветствие (Л-Л: 156). Из контекста не совсем понятно, что означает слово *балямбас*; ср.: *баламбас* (*балабас*) – общее наименование еды у солдат, в том числе и у моряков. В.Аксенов обыгрывает особенности речи персонажа, а именно его командный тон. Что же касается окказионализма, то он создан при помощи префиксации, сопровождающейся чересступенчатым словообразованием: (**балямбас*) + суффикс *-и-(ть)* → **балямбаси(ть)* + префикс *от-* → *отбалямбасить*, ср.: *отчеканить* и др.

3) Глаголы поведения

Окказиональные глаголы поведения, называя действия человека, содержат в себе оценочную коннотацию. К таким лексическим единицам можно отнести следующий окказионализм: *Все бы шло хорошо, если бы Кларетта однажды ночью не заведьмовала и не вылетела в окно* (НСС: 85). Модель: основа *ведьмова(ть)* + префикс *за-* со значением ‘начать действие’ → *заведьмовать*, ср.: *заиграть*, *запеть* и др. Новообразования автора могут именовать скромное поведение: *Она по-детски залукавилась* (МКК: 51). Модель: основа *лукави(ть)* + конфикс *за-...-ся* → *залукавиться*, ср.: *засмущаться*. Или антиобщественное: *Так что, чуваки, прошу всех быть в форме, не **риголеттить** и не сурлять* (МКК: 128). Модель: основа *Риголетто* (имя шута из одноименной оперы Дж.Верди) + суффикс *-и-(ть)* со значением ‘совершать действие, свойственное тому, что названо мотивирующим именем существительным’ → *риголеттить*, ср.: *хулиганить*. Л.В.Рацибурская, анализируя подобные лексемы, отмечает экспрессивный характер продуктивной в разговорной речи модели глаголов с суффиксом *-и-(ть)* от именных производящих основ [Рацибурская 2010: 297].

Таким образом, окказиональные глаголы, создаваемые писателем, в основном являются предикатами движения, речи и поведения. Активное обращение автора к отыменному глагольному словообразованию, а также предпочтение, отдаваемое им определенным словообразовательным средствам и моделям, определяют специфику его окказионального словотворчества.

3.7 Наименования признаков

Последнюю смысловую группу окказионализмов В.Аксенова составляют наименования признаков. На специфику распределения окказиональных имен прилагательных В.Аксенова по типам следует обращать особое внимание, так как, по мнению ученых, данная часть речи в семантическом аспекте имеет сходство как с глаголами, так и с существительными. В частности, Л.Г.Бабенко говорит о том, что сходство с глаголами обнаруживается в иерархичности семной структуры прилагательных, вершину иерархии которых также занимают семантические суперклассификаторы, отображающие основные суперкатегории: бытийность, отношение, проявление, воздействие и пр. Сходство с именами существительными, по мнению ученого, обнаруживается в референтной соотнесенности и дискурсивной обусловленности семантики прилагательных [Словарь-тезаурус 2014: 21-22]. По мнению Р.Ю. Намитоковой, авторские неологизмы-прилагательные несут на себе наибольший заряд экспрессивности в художественном тексте, передавая самые разнообразные оттенки признаков, явлений, процессов [Намитокова 1986: 99].

1) Прилагательные, характеризующие внешний облик человека

Наиболее часто окказиональные прилагательные, создаваемые В.Аксеновым, характеризуют и оценивают внешний облик человека. В производных лексемах такого типа зачастую содержится пейоративная коннотация: *Таков был их принц – чуть-чуть **непрямоногий**, слегка с откляченным задком...* (КС: 252). Модель: основа *прямоног(ий)* + префикс *не-* → *непрямоногий*.

Среди лексических единиц данной группы большую часть составляют окказионализмы, мотивированные названиями тех или иных животных: *Сладкозвучная ... Кассандра со своей **альбатросовидной** мамочкой* (РЗ: 244). Окказионализм создан при помощи присоединения суффиксоида *-видн-* к основе *альбатрос* → *альбатросовидный*, ср.: *слоновидный*, *китовидный* и др.

Следует отметить, что данная словообразовательная модель достаточно частотна в языке В.Аксенова, ср. с окказиональными именами прилагательными,

описывающими животных: *На это окно часто садилась чайка с доминовидным хвостом* (НСС: 203); ср.: *Ехидиновидная лиса, или, вернее, лисоподобная ехидина* (ТС 1: 349). Модель: основа *ехидин(а)* / *домино* + *-видн-* → *доминовидный* / *ехидиновидная*.

В большинстве случаев подобные окказионализмы имеют добавочное значение 'неполнота признака': *На посиделках тот ... выделялся своей уже закирпиченной по цвету и лошадиноватой по удлинённости физиономией* (ТС 1: 315). Модель: основа *лошадин(ый)* + *-оват-*, образующий имена прилагательные со значением наличия качества в слабой степени, имеющий некоторые свойства того, что обозначается мотивирующим словом → *лошадиноватый*, ср.: *вороватый*, *крючковатый*, ср. с другим прилагательным В.Аксенова *лошаададный* (Л-Л: 241).

Рассмотрим другой пример: «*Хау ю дуинг?*» – *спросил Касторциус, высовывая из мотка тканей птицеватый немецкий нос* (НСС: 81). Модель: основа *птиц(а)* + суффикс *-еват-* (*-оват-*), образующий имена прилагательные со значением наличия качества в слабой степени, имеющий некоторые свойства того, что обозначается мотивирующим словом → *птицеватый*, ср.: *быковатый*, *козловатый* и др.

Многие из окказиональных прилагательных, называющих лиц по внешнему признаку, имеют узуальные синонимы: *В самом деле, мне как растущему стебельку Новотканых не хватало ... медведоватого папочки...* (МКК: 230). Модель: основа *медведь* + суффикс *-оват-*, образующий имена прилагательные со значением наличия качества в слабой степени, имеющий некоторые свойства того, что обозначается мотивирующим словом → *медведоватый*, ср. зафиксированные в узуальном употреблении *медвежковатый*, *медвежьеватый* и др. От прилагательного *медведоватый* образовано и существительное с отвлечённым значением: *Маршал с его медведоватостью* напоминал прямого выходца из советской эпохи (РЗ: 160).

Окказионализмы, создаваемые В.Аксеновым, могут образовывать синонимические ряды: *Увальноватый Роба уверенно выигрывал у сетки и посылал сильные драйвы к дальней линии* (ТС 2: 82). Модель: *увальень* + суффикс *-оват-* →

*увальноватый, ср. с *медведоватый, толстоватый, грузноватый.*

Что касается окказиональных композитов, то для них характерно игровое начало: *С гладко зачесанными за уши черными волосами и с бесстрастным или, может быть, застойно-страстным лицом* (РЗ: 243). В данном контексте отчетливо прослеживается отрицательное отношение автора к данному персонажу.

В романах писателя встречаются и индивидуально-авторские композиты, эмоционально-экспрессивная окраска которых обусловлена лексическим значением и прецедентностью каждого из компонентов, т.е. выражена эксплицитно: *...Катя просто умирала, трепетала своей млечно-румяной красой* (РЗ: 86). Прилагательные *млечный* и *румяный* обладают явной положительной оценкой, которая усиливается при их объединении в сложное слово, ср. с фразеологизмом *кровь с молоком*.

Имена прилагательные данной группы во многих случаях обладают разговорной окраской, что позволяет автору дать более яркую и эмоциональную характеристику какому-либо персонажу: *Она шла чуть впереди Хозяйки, то и дело поворачивая к ней восхищенно-вылупленные глазенки* (РЗ: 237); ср.: *Я дверь толкнул, и тут уж предо мною особа выросла, глазасто-огневая...* (О: 125).

2) Прилагательные со значением посессивности

Создавая окказионализмы с семантикой относительной принадлежности, В.Аксенов наделяет их дополнительными оттенками значения: *Все девушки, обнявшись кружком, затягивают вечнопахмутское «Надежда, мой компас земной!»* (КС: 310). Модель: *вечн(ое) + пахмут[ов]ск(ое) → вечнопахмутское*. В новообразовании отсутствует часть основы *-ов-*, а само оно используется автором в целях компрессии.

В некоторых случаях окказиональное прилагательное обозначает качество, свойственное целому поколению: *Боюсь, приятель, это у тебя папино халигалийское воображение разгулялось* (КС: 298). Модель: *основа хали-гали* (название танца типа твист, шейк) + суффикс *-ск-* со значением 'признак,

характеризующийся свойственностью или принадлежностью тому, что названо мотивирующим словом' → *халигалийский*, ср.: *замбийский*, *кастийский*.

Интересно обращение В.Аксенова к собственно притяжательным прилагательным. Если в узусе данный разряд атрибутивов оказывается малопродуктивным, в словотворчестве писателя, напротив, наблюдается активное создание подобных новаций: *Черепяхи ползут По яичкам гагарьиным, По следам ягуарьиным* (КС: 596). Модель: основа *гагар(а)* / *ягуар* + суффикс *-ин-*, производящий имена прилагательные со значением принадлежности животному, названному мотивирующим словом → *гагарьин* / *ягуарьин*, ср.: *кошкин*, *мышкин*.

3) Прилагательные, описывающие внутренний мир человека

Как и наименования лиц, окказиональные прилагательные могут характеризовать морально-этические качества людей: *Эта самопожертвенческая мысль ... бесконечно смущала его* (РЗ: 142). Модель: основа *самопожертвованиј(е)* + асемантический элемент *-ен-* + суффикс *-ческ-* (*-ск-*) → *самопожертвенческий*, ср.: *страдалец* – *страдальческий*, *купец* – *купеческий*. Словообразовательный анализ позволяет нам установить асемантический элемент, используемый автором в целях благозвучия, ср.: *языковед* – *языковед-ческ-ий*, *краевед* – *краевед-ческ-ий*.

Семантический компонент 'неполнота признака' может включаться в значение новообразования при помощи не характерных для узуса словообразовательных средств: *Первой прошла на территорию Хозяйка Стратова, после чего четверо бывших мрачневецких тюремщиков ... вышли на волю...* (РЗ: 237). Модель: основа *мрачн(ый)* + суффикс *-ецк-* → *мрачневецкий* со значением 'мрачноватый'. При создании окказионализма используется асемантический элемент *-ев-*, ср.: *важный* – разг. *важнецкий*, *простой* – разг. *простецкий* и др.

Неолексемы данной смысловой группы обладают ярко выраженной экспрессивностью. Например, она достигается за счет контекстуальной антонимии и многократного повтора лексем: *Спокойствие поношенного опрятного костюма, ... взгляда, провожающего спины суетливо-неузнающих друзей* (О: 419).

Новообразования, описывающие черты характера и поведение человека, могут оформляться в виде дефисных комплексов, представляющих собой описательную замену узуальной лексемы: *Я знаю, что ты не был там в аппарате самым «чего-изволите» товарищем, ты знал себе цену* (КС: 62), ср. с узуальными лексемами *услужливый, приспособленческий* и др.

Окказиональные имена прилагательные, относящиеся к данной группе, зачастую являются композитами. Некоторые из них созданы автором для того, чтобы номинировать близкие, товарищеские или фамильярные отношения между персонажами: *В своей ... добродушно-наплевательской манере босс спросил: «А почему бы вам не заехать, Арт?»* (НСС: 58); ср.: *Не видя исхода дурацко-дружбанскому спору, Кирилл произнес: «Жаждешь ответа? Изволь...»* (МКК: 352).

В состав окказионального композита могут входить компоненты, являющиеся контекстуальными антонимами или синонимами, что усиливает их выразительный потенциал: *Хриплым, ... страшиноватенько-развеселым голосом Александр теперь вопил* (НСС: 158); ср.: *Что побудило Пантелея схватить ... неприятного приятеля – звериный инстинкт или благородно-таинственный гнев?* (О: 407).

Наконец, имена прилагательные данной смысловой группы могут быть так или иначе связаны с миром литературы: *А Шурка Шурьев ... немедленно откликнулся на событие поэтоненавистнической статьей* (ТС 1: 224). Модель: *поэт* + *-о-* + *ненавистническ(ий)* → *поэтоненавистнический*. Интерфиксация, ср.: *человеконенавистнический* и др.

4) Прилагательные с количественно-временной семантикой

Отдельную группу окказионализмов составляют прилагательные, создаваемые автором в целях количественно-временной характеристики объекта. В одном случае речь идет о больших временных отрезках: *...В силу нашей летоисчисленческой запутанности мы давно уже перешагнули эту дату* (РЗ: 422). Модель: *летоисчислениj(e)* + суффикс *-ческ-* → *летоисчисленческий*, ср. *приспособленческий*.

В другом случае – о малых: *...Еще в самом начале спазматической внесекундной радости уже возникала тоска перед разлукой...* (О: 540). Модель: основа *секундн(ый)* + префикс *вне-* со значением ‘нахождение или происхождение за пределами того, что названо мотивирующим словом’ → *внесекундный*, ср.: *внеконтинентальный, внесудебный, внеевропейский* и др.

В третьем – об особом, «размерном» восприятии времени тем или иным персонажем: *В этой обстановке трудно было вообразить безупречную деву Гликерию, да ее там и не было, ни разу не промелькнула, разве только разве только в его, то есть в моем половинно-четвертичном бреду* (МКК: 133).

5) Прилагательные-цветообозначения

Отдельную смысловую группу составляют атрибутивы с семантикой цвета. Такие лексемы являются в основном многокомпонентными и используются автором для того, чтобы дать характеристику персонажам: *«На сессии ожидаются очень значительные фигуры», – прокрипел древесноликий Поликарпов* (МКК: 98). Модель: *древесн(ый)* + интерфикс *-о-* + *лик* → *древесноликий*, ср.: *светлоликий, черноликий, бледноликий* и др., ср.: *Эти залысины у него на смуглоореховой голове ничего ему не убавляют...* (МКК: 72-73). Модель: *смугл(ый)* + интерфикс *-о-* + *орехов(ый)* → *смуглоореховый*. Способ образования – сложение с интерфиксацией.

Семантика цвета может быть выражена опосредованно, косвенно, например, путем перехода относительно-притяжательных прилагательных в качественные: *Славка в своих шутовских петушино-попугайских штанах молча стоял у стены* (КС: 519). Окказионализм *петушино-попугайские* имеет значение ‘яркие, пестрые, с преобладанием красного, желтого, зеленого цветов’.

Авторские атрибутивы-цветообозначения могут создаваться автором и для того, чтобы показать негативное отношение персонажа к тому или иному цвету: *Никогда не видел прежде ... портрета в слизисто-болотных тонах* (РЗ: 21).

6) Прилагательные, характеризующие природный мир

Новообразования данной смысловой группы могут создаваться писателем для

того, чтобы дать экспрессивно-образную характеристику явлениям природы: *Молодые люди уже не разговаривали друг с другом, уже не делились впечатлениями, уже не обращали внимания на **равнодушно-прекрасно-зловещую** природу* (Л-Л: 178).

Проанализируем следующий контекст: *Сначала они шли по удобоваримым тропам и пересекали **кристально-бурливые** реки по висячим мостикам* (РЗ: 98). Новообразование *кристально-бурливые* используется для описания реки с очень чистой водой и сильным течением. Композит в данном случае способствует усилению смысловой плотности текста, а компрессия осуществляется за счет сокращения количества лексем.

Композит представлен и в другом примере: *Я находил в нем (в саду) все новые и новые цветочные пятнышки — беленькие, желтенькие, розовенькие, **кумачово-тюльпанные*** (РЗ: 114). Новообразование включается автором в текст для более яркой и выразительной характеристики окружающего мира.

Наконец, новообразования данной смысловой группы могут оформляться в виде дефисных комплексов и служить для более детального уточнения имеющегося определения: *Пахло настоящим **дубовым-с-вязами** осенним воздухом* (НСС: 73).

7) Параметрические прилагательные

Лексемы данной смысловой группы могут обозначать одновременно большой вес и материал, из которого изготовлен предмет: *...Отъехала **многопудоводубовая** дверь...* (МКК: 114). Модель: *многопудов(ый) + дубов(ый) → многопудоводубовый*.

Что касается новообразований, называющих размер предмета, то они создаются автором для того, чтобы акцентировать внимание читателя и на других его признаках, делающих окказионализм более выразительным: *Висели у меня **длиннопушечные** напелки-колбассоу* (Л-Л: 243). Модель: *длинн(ый) + пушк(а) + интерфикс -о- + пушечн(ый) → длиннопущечный*, ср.: *длинноствольное ружье*.

Отдельные прилагательные не входят ни в одну из перечисленных групп. Они могут обозначать социально обусловленные взаимоотношения людей (например,

секретность): *«Ну хорошо, задавай теперь свои **актуально-конфиденциальные** вопросы», — пригласил он* (РЗ: 199).

Рассмотрим другой пример: *Тут его осенило: майор-то, по всей очевидности, как раз и принадлежит к «**сверхподкожному**» подразделению смельчаковцев...* (МКК: 240). Модель: основа *подкожн(ый)* + *сверх-* со значением 'высшей степени проявления того, что названо мотивирующим словом' → *сверхподкожный* в значении 'сверхсекретный, спрятанный глубоко под кожей', ср.: *сверхмощный, сверхдальний*.

В текстах романов В.Аксенова встречаются и окказиональные прилагательные инвективного характера. Они дают автору возможность выразить резко негативное отношение к тем или иным людям, например, агентам секретных служб, занимающимся прослушиванием разговоров: *Похоже было на то, что съемка все-таки шла, должно быть, на какую-нибудь **лядскую** сверхчувствительную нитку какой-нибудь **инфражерной** аппаратурой* (РЗ: 80).

Наконец, имена прилагательные, создаваемые В.Аксеновым, могут обозначать разного рода качественно-характеризующие (метафорические) признаки: *Таким образом, ровно через сутки после приезда нашего героя, как раз в то время, когда он с Бутлеровым собирался на еще одну **селедочно-баклажанную** вечеринку* (НСС: 38).

Выводы по III главе

Окказиональная лексика В.Аксенова отличается семантическим разнообразием. Распределение новообразований по тем или иным смысловым группам, осуществленное нами в соответствии с их частеречной принадлежностью и лексико-грамматическим разрядом, позволило составить классификацию неолексем писателя. В художественных текстах автора представлены индивидуально-авторские имена собственные, наименования лиц, артефактов, отвлеченных понятий, действий и процессов, а также признаков.

Среди окказиональных имен собственных выделяются антропонимы и топонимы. Первые могут представлять собой обозначения людей по внешнему признаку, трансформированные прецедентные феномены, рифмованные отзвучия и антропонимические дефисные комплексы. Особое место среди них занимают прецедентные имена, так или иначе связанные с культовыми личностями советского государства. Вторые подразделяются на названия стран, областей, штатов, городов, сельских поселений и внутригородских объектов.

Наиболее часто автор создает окказиональные наименования лиц (женского пола, по профессии, национальности, месту жительства, внешним признакам, поведению и чертам характера). Распространенность подобных лексических единиц объясняется особым вниманием В.Аксенова к миру людей и антропоцентризмом его творчества.

Авторские названия артефактов являются обозначениями транспортных средств, зданий и сооружений, предметов быта, оружия, одежды и продуктов питания.

Наименования отвлеченных понятий включают в себя окказионализмы с собственно абстрактным значением; слова, характеризующие внешний облик людей; именующие идеологические, литературные и искусствоведческие течения; называющие виды профессиональной деятельности; описывающие поведение и черты характера человека.

Среди неuzuальных предикатов выделяются глаголы движения, речи и поведения. Индивидуально-авторские имена прилагательные указывают на внешний облик и внутренние качества человека, к неолексемам данной части речи относятся новообразования со значением посессивности, количественно-временной, цветовой, параметрической семантикой, а также лексические единицы, характеризующие мир природы.

Глава IV. Функциональные особенности окказионализмов В.Аксенова

4.1 Функции языка и лексических единиц

В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» [1990] представлены два определения понятия функции: «1) роль (употребление, назначение) *языка* в человеческом обществе; 2) детерминированное соответствие (зависимость) единиц одного множества единицам другого множества; второе значение чаще применяется к *единицам языка* (например, соотношение аффиксов и корней слов)» [Лингвистический 1990: 564].

Интерес к функциям языка возник в лингвистике в первой половине XX века. Само понятие «функция» использовалось в языкознании и раньше, тем не менее четкого, однозначного его понимания не было. Так, А.А.Потебня данным термином обозначал роли единиц в синтаксисе (функция подлежащего, функция сказуемого, функция дополнения) и в морфологии (функция формы, функция флексии) [Потебня 1874: 93-99]. О.Есперсен говорил о функциях конкретных форм различных частей речи (например, родительный падеж, множественное число у существительного и т.д.). По его мнению, форма и функция в жизни языка неотделимы [Есперсен 1958: 29].

Л.Блумфилд, рассматривая функцию как значение формы, выделял функции фонем, синтаксические функции, грамматические функции, функции лексических форм [Блумфилд 1968: 133, 242, 291]. Все это обусловило толкование функции как грамматического значения, роли употребления языковых единиц [Теньер 1988: 50].

В современной лингвистике данное направление получило название «функциональная грамматика». Она представляет собой «разновидность грамматики, имеющей объектом изучения функции единиц строя языка и закономерности их функционирования; грамматика данного типа рассматривает в единой системе средства, относящиеся к разным языковым уровням, но объединенные на основе общности их семантических функций; при описании

языкового материала используется направление от функций к средствам как основное, определяющее построение грамматики, в сочетании с направлением от средств к функциям» [Лингвистический 1990: 565]. Основные принципы функциональной грамматики изложены в работах А.В.Бондарко и коллективных монографиях возглавляемой им группы исследователей [Бондарко 1971], [Бондарко 1984]. Функциональный аспект изучения синтаксических единиц получил развитие в «Коммуникативной грамматике русского языка» Г.А.Золотовой [1998].

Вопрос о количестве языковых функций, их природе и особенностях не раз становился предметом обсуждения в лингвистике, в результате чего были четко разграничены функции языка и функции единиц языка. Остановимся более подробно на истории описания языковых функций.

Определение языка как функциональной системы впервые было закреплено в «Тезисах Пражского лингвистического кружка». Тогда же были обоснованы и описаны две функции *речевой деятельности*: общения и поэтическая. Немецкий психолог К.Бюлер, один из основателей и идейных лидеров Пражского лингвистического кружка, выделил три функции языка, проявляющиеся в любом акте речи: экспрессивную (изъявление, выражение), аппеллятивную (побуждение) и репрезентативную (представление) [Бюлер 1993: 37].

Р.О.Якобсон, развивая идеи К.Бюлера, прибегает к модели речевой коммуникации, состоящей из шести компонентов: адресанта (говорящего, т.е. отправителя информации), адресата (слушающего, т.е. получателя информации), контекста (референта, т.е. предмета речи), контакта (канал связи), кода и сообщения. В соответствии с данной моделью исследователь выделяет шесть функций языка: эмотивную (установка на отправителя, передача его эмоций), конативную (установка на адресата, воздействие), фатическую (установка на контакт), метаязыковую (установка на систему языка, пояснение, уточнение, толкование слов и выражений) и эстетическую (поэтическую) – установка на форму сообщения; специфическая организация текстов, воздействие формой [Якобсон 1975: 198]. Функции в

понимании Р.О.Якобсона представляют собой строгую, упорядоченную систему: «Различия между сообщениями заключаются не в монопольном проявлении какой-либо одной функции, а в их различной иерархии. Словесная структура сообщения зависит прежде всего от преобладающей функции. Тем не менее <...> лингвист-исследователь должен учитывать и побочные проявления прочих функций» [Якобсон 1975: 198]. По мнению ученого, список функций является открытым: появление специфических реализаций языка в силу, например, вариативности элементов ситуации, дает возможность продолжить перечисление функций, но только добавочных, выводимых из основной триады. Несмотря на наличие достоинств, учение Р.О.Якобсона о функциях не было лишено недостатков. Так, критики этой теории справедливо отмечают, что все функции по существу являются разновидностями коммуникативной и выступают как однопорядковые.

Значительный вклад в изучение функций языка внесли отечественные лингвисты А.А.Леонтьев и В.А.Аврорин. Рассматривая речевую деятельность как единство общения и обобщения, А.А.Леонтьев в рамках своей концепции полифункциональных моделей впервые дал четкое разграничение функциям языка и функциям речи. Функции языка понимаются исследователем как «функциональные характеристики речевой деятельности, которые проявляются в речевой ситуации <...> не имеют соответствующих в языке закрепленных за ними элементов» [Леонтьев 1969: 32]. Функции речи же являются факультативными, необязательными, возникают в особых ситуациях. В сфере общения к функциям языка отнесена коммуникативная, а в сфере обобщения — функция орудия мышления, функция существования общественно-исторического опыта и национально-культурная функция; все они могут дублироваться неязыковыми средствами (мнемонические средства, орудия счета, планы, карты, схемы и т. п.). К функциям речи отнесены: магическая (табу, эвфемизмы), диакритическая (компрессия речи, например в телеграммах), экспрессивная (выражение эмоций),

эстетическая (поэтическая) и некоторые другие. Особенностью данной теории является наличие возможности плавного перехода из одной функции в другую.

В.А.Аврорин, развивая концепцию А.А.Леонтьева, выделяет четыре функции языка: коммуникативную, экспрессивную (выражения мысли), конструктивную (формирования мысли) и аккумулятивную (накопления общественного опыта и знаний), а в числе функций речи — шесть: номинативную, эмотивно-волеутативную, сигнальную, поэтическую, магическую и этническую [Аврорин 1975: 36, 44].

Ю.С.Степанов в рамках теории о семиотической структуре языка расширяет понимание традиционных для лингвистической науки функций: номинативной, предикативной и перформативной. Исследователь считает, что они соотносятся с тремя аспектами общей семиотики: «Номинация» как отношение языкового знака к объекту соответствует «семантике»; «предикация» как отношение знака к знаку <...> соответствует «синтактике»; «перформация» как непосредственное самовыражение говорящего в используемых им языковых знаках соответствует «прагматике» [Степанов 1973: 341]. Соответственно ученый выделяет следующие языковые функции: номинативную, синтаксическую и прагматическую. Первичным аппаратом номинации выступают характеризующие знаки (именные и глагольные классы слов), предикации — элементарные синтаксические контактные словосочетания, локации — дейксис ситуации общения («я-здесь-сейчас»), а вторичный аппарат образуется на основе *транспозиции* знаков. Эти функции языка, согласно данной теории, лежат в основе всех возможностей использования языка как средства общения, познания и воздействия.

В современном языкознании сохраняется разделение на два основных направления в трактовке «функции»: узкое — функция понимается как роль отдельных языковых единиц для выполнения своего предназначения в высказывании — и широкое, где функция трактуется как способность самого высказывания обеспечивать акт коммуникации. Ко второму направлению относится одна из

наиболее интересных теорий функционирования языка, а именно экспликативно-процедурная модель функций языка, разрабатываемая, в частности, А.К.Киклевичем [2009].

В соответствии с данной моделью функция в языке является реляционной категорией, а определить ее значит установить множество регулярных соотношений языка к элементам среды: миру как материальной (физической), социальной, психической действительности; человеку как языковому субъекту, индивидуальному или групповому носителю языка; интеракции, т.е. взаимодействию субъектов с помощью речевых сообщений; дискурсу, т.е. коммуникативной ситуации и ее параметрам; конвенции, т.е. общей для речевых партнеров когнитивной базе; языковой ситуации, т.е. группе языков и социальных вариантов языка, культивируемых в границах определенного административно-территориального сообщества.

Функциональная релевантность языка, по мнению А.К.Киклевича, реализуется в двух аспектах: экспликативном (отражение в языковых знаках и формах речевой деятельности элементов внешнего мира, психической и социальной жизни людей) и процедурном (инструментальный аспект функционирования языка как средства реализации действий, организации человеческой деятельности) [Киклевич 2009: 5-6].

Представленные модели и теории функций языковой деятельности имели целью не установление исчерпывающего перечня данных теорий, но уточнение наиболее важных моментов в структуре языковой деятельности для последующего составления максимально полного перечня функций языка.

Перейдем к более детальному рассмотрению основных языковых функций.

Как известно, функции языка обладают разной степенью значимости. Одни из них признаются фундаментальными, базовыми, другие носят вторичный характер. **Коммуникативная функция**, или функция общения, безусловно, относится к основным языковым функциям. В качестве базовой она выделяется большинством лингвистов [Общее языкознание 1970], [Богушевич 1985], [Лингвистический 1990].

В частности, Б.А.Серебренников, анализируя различия между языком и речью, приходит к следующему выводу: «Можно признать, что основной функцией речи является коммуникативная, а основной функцией языка познавательная» [Общее языкознание 1970: 384]. Как отмечает В.И.Заика, коммуникативная реализация языка – основная и первичная, все некоммуникативные реализации языка – вторичны [Заика 2000: 92].

Действительно, язык необходим в первую очередь для осуществления общения между людьми. Именно благодаря ему поддерживается существование и обеспечивается развитие нашего общества в целом.

Наряду с коммуникативной функцией, **номинативная** является неотъемлемой составляющей языка и заключается в обозначении языковой единицей объекта или явления окружающего мира. С помощью языковых знаков фиксируется и передается информация о мире.

По мнению А.К. Киклевича, номинативная функция охватывает разные аспекты действительности: 1) физические состояния: *На улице метель*; 2) физиологические состояния: *Маше холодно*; 3) ментальные состояния: *Иван о чем-то задумался*; 4) эмоциональные состояния: *Маша радуется*; 5) языковые состояния: *Гласные звуки бывают долгие и краткие* и др. Ученый отмечает, что номинация охватывает не только сферу физических объектов и положений дел, но также сферу психических состояний [Киклевич 2009: 6].

Номинативная функция языка связана с другими. Наиболее тесная связь наблюдается между познанием и номинацией, т.е. данная языковая функция детерминирована когнитивной. Как отмечает А.А.Уфимцева, «в отличие от номинации, при которой имя механически прикрепляется к обозначаемому, поименованному предмету в виде этикетки или вывески, именование в языке всегда содержательно, оно опосредовано мышлением» [Языковая 1977б: 7]. Механизм познания предполагает закрепление предмета, понятия или явления в языке.

Присваивая наименование кому- или чему-либо, мы создаем картину мира, тем самым упорядочивая его.

Анализируя номинативный аспект языка, ученые указывают на двойственный характер плана его выражения: «Знаки естественного языка, в отличие от всех прочих, имеют двукратную соотнесенность (референцию) с предметным рядом: 1) в качестве номинативных знаков – слов и словосочетаний – в системе номинаций в парадигматике; 2) в качестве или в составе предикативных знаков – фраз, высказываний – в актуальной речи, в синтагматике» [Языковая 1977б: 8]. Ряд лингвистов, например, Е.С.Кубрякова, выделяет производное слово в качестве третьей, промежуточной единицы: «Хотя, подобно слову, она относится к отдельному элементу человеческого опыта, эта единица, подобно предложению, обладает свойством расчлененного представления того, что именуется. В производном слове, благодаря этому свойству, есть, как и в предложении, своя «тема» и своя «рема», свой «внутренний синтаксис» [Языковая 1977а: 227]. По мнению ученого, «ономасиологические структуры производных существенно различаются по степени эксплицитности выражения того или иного содержания: они представляют собой смысловые структуры с разной степенью выводимости и мотивированности» [Языковая 1977а: 301-302].

Когнитивная функция языка, именуемая также аккумулятивной, познавательной, гносеологической, мыслительной, тесно связана с номинативной. Познание окружающего мира, сохранение, накопление и передача информации о нем составляют основу данной языковой функции.

А.Б. Михалев, изучая когнитивную, или гносеологическую функцию, определяет ее как орудие мышления, познания [Михалев 2005: 66]; ср. с точкой зрения З.Д. Поповой о неотъемлемой составляющей языка как средства познания действительности [Попова 1987: 32].

На значимость данной языковой функции указывает и И.М.Троянова: «В свете <...> понимания языка особое значение приобретает его когнитивная функция,

которая заключается в том, что он является одним из средств познания, приобретения знаний, а также инструментом для организации, переработки, хранения, передачи, а в какой-то степени и порождения информации» [Троянова 2008: 57].

М.Н.Рассоха, анализируя связь между общением и познанием, отмечает, что «в целом общение людей в языковом коллективе тесно связано с познавательной активностью, через общение также аккумулируется опыт общественной и личной практики» [Рассоха 2012: 40].

Необходимо отметить, что когнитивная функция языка непосредственным образом соотносится с сознанием человека. Познанию предшествует мыслительная деятельность. Поэтому некоторые ученые считают мыслительную функцию разновидностью когнитивной. Например, З.Д.Попова, называя данную функцию конструктивной, говорит об использовании языка для формирования мысли [Попова 1987: 32].

Перейдем к рассмотрению **эмотивно-экспрессивной функции**. Эмотивность и экспрессивность рассматриваются нами как категории, находящиеся в отношениях «частное – общее». Эмотивность, наряду с оценочностью и выразительностью, входят в понятие экспрессивности. Эмотивная функция языка, будучи частной, заключается в передаче эмоционального состояния адресанта, его чувств, мыслей и переживаний. Иначе говоря, знаки, звуки языка часто служат людям для передачи эмоций, чувств, состояний. «Важное место среди функций языка в разговорной речи занимает его эмотивная (эмоциональная) функция, которая представляет собой совокупность языковых средств, передающих эмоциональное и оценочное отношение говорящего к высказыванию» [Несмачнова 2013: 190-191].

Разные языковые единицы могут обладать той или иной степенью эмоциональной оценки. Например, Е.В.Несмачнова, рассматривая грамматический уровень языка, приходит к выводу, что «чаще других функцию эмоциональной

оценки выполняют два класса слов – прилагательные и существительные, реже – наречия и причастия» [Несмачнова 2013: 192].

Что касается экспрессивной функции языка, то она была впервые была выделена еще К.Бюлером, говорившем об экспрессивности как изъятии, выражении человеком своих переживаний и чувств [Бюлер 1993].

Развивая идеи К.Бюлера, А.К.Киклевич указывает на то, что «экспрессивная функция позволяет говорящему «выразить себя», т.е. свои эмоции, суждения, мысли. <...> Обычно экспрессивная функция реализуется посредством категории модальности» [Киклевич 2009: 8].

По мнению Н.А.Купиной, «эмоциональное и, шире, экспрессивное содержание речи непосредственно обеспечивает эффект выразительности, усиленного речевого воздействия. <...> экспрессивности речь непосредственно связана с целями воздействия и взаимодействия <...> и отражает субъективную позицию коммуниканта [Купина 2013: 12].

Ученые отмечают связь данной функции с другими, в первую очередь с прагматической: «У эмотивов имеется и функция воздействия, она пресуппонируется их эмотивным значением и реализуется, когда при выражении эмоций присутствует ее цель» [Несмачнова 2013: 193].

Эмотивно-экспрессивная функция является одним из способов реализации более объемлющей коммуникативной функции языка.

Прагматическая функция, также называемая импрессивной, аппелятивной, перформативной, иллокутивной, медиальной, проявляется в «стремлении речевого субъекта влиять на социальные отношения, в частности, на поведение коммуникативных партнеров с помощью речевых сообщений. Это воздействие касается как физических, так и психических, а также речевых действий и состояний адресатов» [Киклевич 2009: 9].

Данная языковая функция может служить нескольким целям. Так, с ее помощью коммуникант может организовывать поведение собеседника, не только

убеждая его в целесообразности какого-либо поступка, но и предостерегая от необдуманных действий. Посредством прагматики может регулироваться поведение самого человека. Наконец, данная языковая функция позволяет координировать совместные действия участников общения для достижения общей цели, которую они ставят перед собой.

Эстетическая функция языка, называемая также поэтической, заключается в культивировании в слове чувства прекрасного, в создании красивой речи. Здесь важна «установка на форму сообщения; специфическая организация текстов, воздействие формой» [Михалев 2005: 67].

Анализируя специфику поэтизации, В.И.Заика отмечает, что «эстетическая реализация языка при воплощении художественной модели не предполагает координации. Порождаемый текст имеет установку не на адекватность понимания, а на переживание» [Заика 2000: 92].

В поэтической функции языка некоторыми учеными выделяются подфункции, например, «организующая (ритм, рифма) и творческая, моделирующая (создание новых средств)» [Попова 1987: 34]. Целью второй подфункции является деавтоматизация восприятия, заключающаяся в намеренном отступлении от языкового стандарта.

Эстетизация языковых средств предполагает намеренное отступление от стандарта. Деавтоматизация является одной из основных причин обращения писателей к поэтическим ресурсам языка. Однако степень ее проявления может быть различной. Наиболее распространены трансформации на лексическом и фонетическом уровнях, в то время как морфологический уровень подвержен минимальным изменениям. Данный факт обусловлен самой природой языковых знаков.

Фатическая функция, или контактоустанавливающая, необходима для того, чтобы наладить контакт, установить знакомство или продолжить его. «Контактоустанавливающая функция представляет собой одну из сторон речевого

воздействия, ту, которая связана с организацией коммуникативной связи между общающимися» [Нистратова 2001: 68].

А.Б.Михалев, рассматривая фатическую функцию, говорит о необходимости установки на систему языка; на пояснение, уточнение, толкование слов и выражений) [Михалев 2005: 67].

Некоторые ученые разграничивают фатическую и контактоустанавливающую функции. Так, С.Л.Нистратова замечает, что «контактоустанавливающая функция направлена на установление речевого контакта между отправителем и получателем сообщения, но не ради самого контакта (как фатическая функция), а для оказания определенного воздействия (в соответствии с конкретными задачами данного вида коммуникации) на адресата речи с целью достижения максимального эффекта общения» [Нистратова 2001: 68].

На наш взгляд, обе функции являются идентичными. В основном, они реализуется в формулах вежливости, поздравлениях, приветствиях и служат не только для поддержания отношений между участниками общения, но и для определения «своих» и «чужих» в коммуникативном пространстве.

Магическая функция основывается на том, что, изменяя слово, автор пытается трансформировать реалию, им обозначаемую. Магическая функция не является для языка базовой. «Приспособление языка к применению в различных некоммуникативных или несобственно-коммуникативных ситуациях порождает различные вторичные функции, например, магическую» [Заика 2000: 92].

А.А.Потебня писал, что в наивном, мифологическом («простонародном») сознании «между родным словом и мыслью о предмете <...> такая тесная связь, что <...> изменение слова казалось непременно изменением предмета» [Потебня 1976: 173]. Е.Г.Брунова указывает, что «язык выступает как самая долговечная оболочка архаичного мифопоэтического мировосприятия» [Брунова 2013: 21].

Магическая функция языка характеризуется специфическими чертами. На одну из них указывает Д.Г.Богушевич: она «зачастую выполняется на языке, неизвестном тем, кто к нему прибегает» [Богушевич 1985: 31].

Многообразие ситуаций, в которых используется данная языковая функция, свидетельствует о ее значимости в языке.

Индексальная (социативная) функция представляет собой самоидентификацию отправителя сообщения или его принадлежность к определенной социальной группе. Р.Т.Белл пишет, что индексальная информация «сообщает о <...> социальном статусе говорящего <...> и помогает обрисовать его отношение к себе и к другим и определить роль, которую он сам отводит себе как участник интеракции» [Белл 1980: 102].

Некоторые ученые называют данную функцию по-другому: «Поскольку в зависимости от пользователей каждый живой этнический язык делится на социальные варианты – социолекты, то эту функцию языка можно также назвать социолектной [Киклевич 2009: 7].

Метаязыковая (металингвистическая) функция в языкознании имеет несколько значений: 1) Разъяснения средствами языка самого языка (например, в лингвистических исследованиях). «Функция языка – быть средством исследования и описания языка в терминах самого языка» [Лингвистический 1990: 564]. В одном случае это может быть язык, на котором описывается некоторый другой язык, называемый предметным языком или языком-объектом. Например, если грамматика английского языка написана по-русски, то языком-объектом в таком описании будет английский, а метаязыком – русский. В другом случае язык-объект и метаязык могут совпадать (например, русская грамматика на русском языке).

2) «Комментирование использования языка в речевой деятельности» [Мечковская 2000: 20]. Речевой комментарий обычно бывает вызван какими-либо трудностями в общении (например, в процессе освоения ребенком родного языка или при обучении иностранным языкам).

3) Рефлексия над языком его носителей является значимой семантической универсалией. Без размышления над устройством языка не появились бы «Грамматика» М.Смотрицкого 1721 г., «Российская грамматика» М.В.Ломоносова 1755 г. и другие труды, послужившие основой для современной лингвистической науки.

Перформативная функция языка заключается в создании высказываний, эквивалентных действию, поступку. « <...> Перформатив входит в контекст жизненных событий, создавая социальную, коммуникативную или межличностную ситуацию, влекущую за собой определенные последствия <...>. Соответствующее перформативу действие осуществляется самим речевым актом» [Лингвистический 1990: 372].

Для перформатива свойственно несколько особенностей: глаголы, используемые в этой функции, чаще всего имеют форму первого лица единственного числа; произношение перформатива и совершение действия являются тождественными понятиями; успешность лексем, выполняющих данную функцию, зависит от экстралингвистических факторов; перформатив детерминируется социальным строем общества.

Креативная функция соотносится со стилистической. По мнению лингвистов, язык рассматривается креативной стилистикой как система возможностей. Говорящий, с одной стороны, выполняет коммуникативные обязанности, используя средства общего языка и нормативные комбинации этих средств (в противном случае его ждет коммуникативная неудача); с другой – он может использовать коммуникативное право на языковое творчество. Отмеченные печатью индивидуальности, креатемы «могут быть осознаны, поняты адресатом в том случае, если они отражают системно-структурные связи языковых единиц» [Купина 2013: 315].

Анализируя данную языковую функцию, В.И.Шаховский говорит о том, что «мышление и креативная функция языка <...> мгновенно подключаются к

постоянно меняющимся и нарождающимся все новым и новым коммуникативным ситуациям» [Шаховский 2013: 181].

Рассматривая частные проявления креации, А.К.Киклевич обращает внимание на то, что она проявляется в «лексикализации грамматических значений, например, в явлении персонификации значений грамматической категории рода» [Киклевич 2009: 11]. В целом можно говорить о важной роли креативности для функционирования языковой системы.

В современной лингвистике учеными выделяется также ряд частных языковых функций. К ним относятся:

- 1) конативная – установка на адресата, воздействие [Михалев 2005: 67];
- 2) талейрановская – умение скрывать за словами свои мысли [Попова 1987: 32-33];
- 3) идеологическая функция — использование того или иного языка или типа письменности для выражения идеологических предпочтений, например, «разведение советских реалий и реалий западного общества» [Кислицина 2011: 26].
- 4) языковая функция метки, представляющая собой «слова и словосочетания, которые, в отличие от подавляющего большинства обозначений, называют не класс предметов, а лишь один, единичный предмет или множество (серию) одинаковых предметов [Казачевская 2011: 60];
- 5) языковая функция идентификации, когда «язык наиболее ярко маркирует групповую солидарность, сообщает о лингвокультурных отличиях своего сообщества от чужого» [Рассоха 2012: 45];
- 6) этологическая (эвристическая) функция, сущность которой состоит в том, что «благодаря речевой деятельности говорящий организует дискурс, оптимизирует собственное поведение» [Киклевич 2009: 10];
- 7) корреляционная функция, представляющая собой, по определению Б.Тошовича, целенаправленное отношение между лингвой (язык, речь) и лингвемами (фонемами, морфемами, морфолексемами, лексемами, синтаксемами и

текстемами) и состоящая из пара-, экстра-, интер- и интракорреляционной подфункций [Тошович 2000: 15].

Наконец, в лингвистике выделяются инструментальная, референционная, дейктическая, омадательная, интегрирующая, дифференцирующая, конститутивная, интерлингвистическая и другие функции.

В целом следует отметить, что любой язык характеризуется полифункциональностью. Однако, как отмечает И.М.Троянова, «язык, хотя и является системой полифункциональной, остается единым по своей природе. Все его функции взаимосвязаны между собой» [Троянова 2008: 58]; ср.: «полифункционализм <..> расщепляет то, что на самом деле едино, – систему языка» [Богушевич 1985: 38].

Базовыми языковыми функциями большинством лингвистов признаются коммуникативная, номинативная, когнитивная и эмотивно-экспрессивная, так как они охватывают основные аспекты языковой деятельности: общение, называние, познание и выражение эмоций. Данные функции, по утверждению Д.Г.Богушевича, необходимы для организации деятельности языкового коллектива, они определяют его в различных областях его применения. Так, коммуникативная – в области intersubjectной социальной и предметной деятельности, когнитивная – организации познавательной деятельности, номинативная – таксономической системы языка и т.д. [Богушевич 1985: 39]. Прочие языковые функции являются частными и проявляют себя исключительно в конкретных речевых ситуациях.

Для единиц языка – и прежде всего слова – характерны следующие функции:

1) коммуникативная – слово служит средством общения и сообщения; 2) номинативная – слово служит наименованием предмета; 3) эстетическая – слово служит средством художественной выразительности [Словарь 1976: 428].

Наряду с *номинативной функцией*, благодаря которой слово называет и различает к.-л. явление реального или ирреального мира, оно [слово] обладает: *обобщающей (семиотической) функцией*, определяющей его способность

объединять все однотипные явления в один класс и называть его; а также *строительной функцией*, в силу которой слова являются единицами, из которых строятся предложения [Словарь 2010: 372].

С точки зрения теории номинации «в слове <...> различают функции: номинативную (называния или наименования), сигнификативную (обобщения), коммуникативную (общения), прагматическую – в том числе и стилистическую (экспрессивного выражения и эмоционального воздействия)» [Языковая 1977а: 86]. Сюда можно добавить еще одну функцию – «стилистическую (создание семантических вариантов слов, слов экспрессивных, стилистически окрашенных, ориентированных на определенную социальную среду)» [Языковая 1977б: 5].

Безусловно, функции лексических единиц являются неравнозначными. Главной, базовой среди них является номинативная функция, так как большинство слов в языке создается для присвоения наименований предметам или явлениям действительности.

4.2 Основные функции окказиональной лексики писателя

4.2.1 Номинативная функция

Как известно, окказионализмы выполняют в текстах прежде всего стилистическую функцию, объединяющую в себе эмоционально-экспрессивную, игровую, компрессивную, интерлингвистическую и номинативную. Если выделение первых пяти функций у большинства ученых не вызывает сомнений, то наличие номинативной функции в окказиональных словах, несмотря на ее базовый характер, часто отрицается. Данной точки зрения придерживаются, например, С.В.Ильсова, Р.Ю.Намитокова, А.Г.Лыков. Так, А.Г.Лыков говорит о номинативной факультативности (необязательности) как признаке, указывающем на характер номинации окказионального слова в отличие от номинации канонического слова, так

как за таким словом в языковой классификации неязыкового мира действительности с обязательностью не закреплён ни один из её «кусочков» [Лыков 1976: 25].

Другие исследователи – Н.А.Николина, И.С.Улуханов – полагают, что окказионализмы в полной мере способны выполнять номинативную функцию. Отсутствие однословного обозначения какого-либо явления И.С.Улуханов предлагает рассматривать как лакуну при наличии коммуникативной необходимости в таком обозначении [Улуханов 1996: 16]. В частности, анализируя словообразовательную лакунарность, он полагает, что отсутствующие производные слова в русском языке – своего рода «пустые клетки» – могут быть заполнены новыми лексическими единицами, образованными по узуальным или окказиональным словообразовательным моделям [Улуханов 1996: 203-204]. Н.А.Николина, говоря о такой разновидности окказионализмов, как дефисные комплексы, отмечает, что подобные конструкции «выступают в собственно номинативной функции. Они служат терминологическим обозначением жанров, новых явлений в искусстве, художественных приемов, выделяемых понятий и т.п.» [Николина 2011: 468].

Какие же виды номинаций представлены в окказиональной лексике В.Аксенова? В первую очередь, это авторские наименования лиц. Так, в романе «Новый сладостный стиль» у писателя возникает необходимость назвать критиков своего творчества: *Ну вот, скажут из вашего числа **антиаксёновисты**, еще одна красивая баба!* (НСС: 301). *Антиаксёновисты* в данном контексте – это люди, дающие отрицательную оценку произведениям В.Аксенова. Как известно, при помощи суффикса *-ист-* от имен собственных образуются существительные со значением ‘лицо по объекту изучения’ (*пушкинист, иранист, болгарист*) или ‘лицо по отношению к общественно-политическому, научному или религиозному течению’ (*дарвинист, марксист*). Морфема *анти-* в составе конфикса «*анти-...-ист*» вносит в словообразовательную структуру окказионализма значение отрицания, в нашем случае – ‘критика, неприятие творчества В.Аксенова’.

Рассмотрим следующий пример: *Устраиваясь и поглядывая на **сополётников**, он узнавал примелькавшиеся телевизионные образы преда Шкандыбы, головы Жиганькова, воителя Калоша, ваятеля Саблезуба* (КС: 236). Модель: основа *полёт* + конфикс *со-...-ник*, образующий имена существительные со значением лица мужского пола, которое характеризуется взаимной связью с другим лицом (лицами), основанной на одинаковом отношении к тому, что названо мотивирующим именем существительным → *сополётник*, ср.: *собеседник, соклассник, сокурсник*. Новообразование заполняет языковую лакуну, так как называет ‘людей, которые летят в одном самолете’, ср. узуально-разговорную лексику *сопостельница*: *Проходя через комнату, посмотрел на голую спину вчерашней **сопостельницы*** (НСС: 80).

Писатель регулярно создает наименования лиц по профессии или организации. Обратимся к следующему контексту: *По ним только шузня с разговорами шлепает, банановидные варенки там мелькают да синие пиджаки с коваными пуговицами – униформа коопщиков, эспешников и **ооопщиков*** (РЗ: 67). *Ооопщики* в данном случае – это ‘учредители (сотрудники) общества с ограниченной ответственностью; ср.: *коопщик* (разг.) – ‘владелец кооператива’; *эспешник* (разг.) ‘учредитель совместного предприятия; *чэпэшник* (разг.) – ‘частный предприниматель’.

В романе «Редкие земли» часто встречается окказионализм, служащий обозначением людей, которые добывают редкоземельные металлы: *Тут все повернулись к трибуне, на которой маялся предыдущий оратор, слегка быковатый дядька, о котором аудитория едва ли не забыла в связи с приходом **редкоземельцев*** (РЗ: 161). Для создания этой лексики писатель использует продуктивный и частотный в его словотворчестве суффикс *-ец-*, ср. с окказионализмом В.Аксенова *виадукец* (НСС: 452).

Обратимся к другому примеру, в котором новообразование создано путем присоединения префиксоида *теле-* к основе слова *соглядатай*. Оно называет лицо, которое занимается тайным наблюдением за кем- или чем-нибудь и имеет в словарях помету ‘книжное, устаревшее’: *Порядок в суперсамсонах такой. Вы входите.*

Желательно сразу произвести приятное впечатление на телесоглядаемая (О: 587). Благодаря окказионализму писатель получает возможность более точно охарактеризовать профессию персонажа: речь идет об охраннике, следящем за происходящим в торговом зале по монитору. Сочетание разностилевых элементов позволяет автору показать ироничное отношение к этому герою.

Автор создает и наименования лиц женского пола: *Продавищицы ... дрожали, как помпеяночки, под обвалами скороходовской затоваренной продукции* (О: 216). Модель: *помпеянка* – ‘жительница города Помпеи’ + суффикс *-очк-* с субъективно-оценочным (ласкательным) значением → *помпеяночка*, ср.: *казаночка, киевляночка и др.* Называя продавцов магазина *помпеяночками*, писатель указывает на определенные особенности их поведения, а именно на страх оказаться под завалами товаров. Новообразование отсылает нас к древности, а именно к трагическим событиям, связанным с гибелью города Помпеи и большинства его жителей из-за извержения вулкана Везувий.

Другую группу окказиональных наименований, выполняющих номинативную функцию, составляют названия конкретных предметов. Такие слова обычно называют денотаты, не имеющие в русском языке собственного обозначения: *...Гады сразу бросают все письма в какую-нибудь письморубку высокой технологии* (НСС: 58). Модель: *письм(о)* + интерфикс *-о-* + *руби(ть)* + суффикс *-к-* со значением ‘предмет, предназначенный для осуществления действия’ → *письморубка*, ср.: *мясорубка*. Способ образования – сложение с суффиксацией. *Письморубка* в тексте Аксенова – это аналог английского слова *шредер* – ‘прибор для измельчения бумаг’.

Окказиональными могут быть названия отдельных частей бытовой техники: *Я выдвинул боковую треугольную иглохранильницу патефона* (Л-Л: 118). Модель: *игл(а)* + интерфикс *-о-* + *хранильниц(а)* → *иглохранильница*, ср.: *дарохранильница* и др. Новообразование создано по конкретному образцу, позволяющего писателю заполнить языковую лакуну. Перед нами индивидуально-

авторский неологизм, используемый для восполнения отсутствующей в русском языке номинативной единицы.

Проанализируем другой контекст: *Он посылал нам интернет-депешки из устья Амазонки...* (РЗ: 411). *Интернет-депешей* автор называет письмо, отправленное по электронной почте. В данном речевом отрезке мы наблюдаем слияние слов, порождающее новый языковой знак.

Потребность в номинации удовлетворяется писателем и с помощью обозначения не существующих в реальности типов воздушного транспорта: *Если мы преодолеем стагнацию рынка, вокруг Земли начнут летать орбитопланы* (КС: 506). Окказионализм образован путем заменительной деривации, ср.: *дельтаплан*, *параплан* и др.

В отличие от имен существительных, прилагательные, выполняющие номинативную функцию, создаются В.Аксеновым намного реже. Обратимся к следующему контексту: *Помнишь, ... она отвесила порядочного леца ветерану Вохры во время антишортовской кампании* (ТС 1: 258). Окказионализм создан по модели *шорт(ы)* + суффикс *-овск(ий)* → **шортовск(ий)* + префикс *анти-* → *антишортовский*, ср.: *банк* – *банковский* – *антибанковский*. Новообразование использует в своей речи один из персонажей романа «Таинственная страсть» Роберт Эр, когда иронически описывает кампанию, развернутую в Крыму солдатами внутренних войск с целью запретить ношение шортов на пляже.

В некоторых случаях окказионализмы, создаваемые В.Аксеновым, входят в состав словообразовательной парадигмы и называют разные классы понятий: *Перед смельчаковским культом ... бледнели трафареты Главполитупра. Именно из этого почтенного управления поползли шепотки о том, что «смельчаковищина» ... противоречит самому духу основной доктрины патриотизма* (МКК: 14); *Глика ... увидела там зачарованные лица смельчаковок* (МКК: 85). Производящей основой для всех перечисленных новообразований послужила фамилия главного героя романа «Москва Ква-Ква» – поэта-фронтовика *Смельчакова*. Неолексема

смельчаковский имеет семантику ‘принадлежности тому, кто назван мотивирующим словом, ср.: *челюскинский*, *чкаловский* и др. Окказионализм *смельчаковицина* обозначает ‘бытовое или общественное явление, идейное или политическое течение’, ср.: *аракчеевицина*, *маниловицина*, *достоевицина* и др. Наконец, новообразование *смельчаковки* называет девушек, которым нравится творчество *Смельчакова*, а именно его стихотворения, ср.: *толстовец* – **толстовка*.

Таким образом, окказионализмы в художественных текстах Василия Аксенова могут служить средством номинации. Данная функция авторских новообразований в полной мере соотносится с постоянными языковыми поисками и внутрисловными преобразованиями, характерными для идиостиля В. Аксенова.

4.2.2 Эмоционально-экспрессивная функция

Эмоциональность, экспрессивность и оценочность как категории семантики и прагматики в современной лингвистике рассматриваются в самых разных аспектах [Телия 1997], [Вольф 2002], [Лукьянова 1991], [Матвеева 1986] и др. Однако незыблемым остается факт, что эмоционально-экспрессивная окраска слова по отношению к его понятийно-предметному содержанию представляет собой явление другого порядка. Общая сущность категории экспрессивности заключается в реализации установки на контрастность, необычность, нестандартность экспрессивного слова [Зайнульдинов 2009: 30]. Несмотря на многочисленность работ по данной тематике, в настоящий момент не существует общепринятого толкования таких понятий, как эмоциональность, экспрессивность, оценочность и образность. Так, в «Словаре лингвистических терминов» О.С.Ахмановой «эмоциональный – это относящийся к выражению чувств, настроений, субъективного отношения», а «экспрессия – это выразительно-изобразительные качества речи, отличающие ее от обычной (или стилистически нейтральной) и придающие ей образность и эстетическую значимость» [Ахманова 2004: 523-525].

А.П.Сковородников определяет экспрессивность как совокупность признаков языковой / речевой единицы, а также целого текста или его фрагмента, благодаря которым говорящий (пишущий) выражает свое субъективное отношение к содержанию или адресату речи. По его мнению, составляющими категории экспрессивности речи являются эмоциональность, оценочность, интенсивность, образность, которые представлены по-разному (количественно и качественно) в разных стилевых, жанровых и индивидуально-авторских контекстах [Культура 2003: 765].

И.Б.Голуб говорит о том, что понятия эмоциональность и оценочность не тождественны, хотя и тесно связаны. Экспрессивная окраска в слове наслаивается на его эмоционально-оценочное значение, причем у одних слов преобладает экспрессия, у других – эмоциональная окраска. Поэтому разграничить эмоциональную и экспрессивную окраску, – считает лингвист, – не представляется возможным [Голуб 2010: 59-60].

Наиболее оптимальной, на наш взгляд, является точка зрения, представленная в «Стилистическом энциклопедическом словаре русского языка» под ред. М.Н.Кожинной, в соответствии с которой эмоциональность, оценочность, интенсивность и образность входят в понятие экспрессивности, которая, в свою очередь, наряду с точностью, логичностью и ясностью относится к выразительным средствам языка, обеспечивающим полноценное восприятие речи адресатом [Кожина 2006: 38]. Следует отметить, что коннотативный характер эмоциональной оценки позволяет признать ее «компонентом значения экспрессивной лексической единицы» [Лукьянова 1991: 12].

Экспрессивная лексика тесным образом связана с индивидуальными характеристиками речи, так как она позволяет автору выразить свое отношение к предмету или явлению. В текстах художественной литературы наиболее экспрессивными являются индивидуально-авторские новообразования. Установка на креативность, характеризующая словотворчество, делает их еще более

выразительными. Практически вся окказиональная лексика по своей природе обладает эмоционально-экспрессивной окраской, следовательно, она напрямую соотносится с эмотивной функцией языка, проявляющейся в выражении чувств и эмоций говорящего [Ахманова 2004: 507]. А.Г.Лыков отмечает, что обязательная экспрессивность – характернейшая черта окказиональных слов. «Это их сквозной признак, в отличие от слов канонических, большей части которых экспрессивность не свойственна» [Лыков 1976: 23]. Н.Г.Бабенко одной из причин создания окказионализмов называет «потребность подчеркнуть свое отношение к предмету речи, дать ему свою характеристику, оценку» [Бабенко 1997: 5].

Каким же образом в новообразованиях В.Аксенова возникает та или иная эмоционально-экспрессивная окраска?

Одним из способов создания эмоционально-экспрессивной коннотации окказионализмов в текстах романов писателя является использование стилистически маркированных словообразовательных средств, в основном аффиксальных. Например, в семантике суффикса, с помощью которого образован окказионализм, может быть уже заложен прагматический компонент. Отметим, что новообразования с экспрессивно маркированными аффиксами в основном обладают отрицательной коннотацией. Подобные языковые единицы зачастую служат средством выражения иронии: *По палубе ... прогуливался контрик-адмиралчик Степаша Мироша...* (Л-Л: 64). Окказионализм создан в результате одновременного присоединения уменьшительно-ласкательных суффиксов к двум основам слова *контр-адмирал*: *контр* + *-ик-* + *адмирал* + *-чик-* → *контрик-адмиралчик*.

Среди окказионализмов, созданных писателем, встречаются новообразования со значением признака, который назван мотивирующим словом и проявляется в слабой степени: *Когда уселись и поехали, он, ... опять же не без одессятинки, спросил: «Так это и есть ваша новая муза, так прикажете понимать?!»* (ТС 1: 205). Модель: *Одесс(а)* + суффикс *-ит-* → *одессит* + суффикс *-инк-* → *одессятинка* (чередование *и/я*). Или: *одесск(ий)* + суффикс *-инк-* → *одессятинка* с

асемантическим элементом *-ат-*, ср.: *грубоватый – грубоватинка, фальшивый – фальшивинка*. По мнению Р.Ю.Намитоковой, такие лексемы указывают на своеобразность, исключительность того или иного признака [Намитокова 1986: 68].

Проанализируем другой подобный пример: *Стас не откажет, ... ведь он здесь истосковался без московского духа – ну без этой нашей **своеобычинки*** (КС: 39). Модель: *своеобычн(ый) + суффикс -инк(а) → своеобычинка*. Окказионализм *своеобычинка* обладает экспрессией ласкательности, вполне уместной в общем контексте описания ностальгических чувств одного из персонажей.

Другим способом создания эмоционально-экспрессивной окраски является маркированность самой производящей основы. Ряд лексем приобретает эмоционально-экспрессивную окраску из-за включения в их состав стилистически сниженного, инвективного компонента: *Нет, Машка не шпionка, она только лишь слепое орудие в хитроумной, рассчитанной на долгие годы игре сил мирового **имперосиомаомудизма*** (О: 23). Модель: *империализм + сионизм + маоизм + мудизм → имперосиомаомудизм*. Способ образования – сложение с аббревиацией.

Большинство новообразований, относящихся к данной группе, является композитами: *...Нежнейшие огурчики, как **зародыши-крокодилы**, окружали горку полтавской колбасы* (О: 167). В данном случае сложное слово, входящее в состав сравнительного оборота, служит ярким образно-метафорическим средством.

Проанализируем следующий пример: *«**Глазищи-сволочи** сияют как!» – стали орать поэты* (ТС 2: 57). В состав композита входит компонент *сволочь*, который в силу своей семантики уже несет эмоционально-экспрессивный заряд, так как используется в стилистически сниженной и разговорно-фамильярной речи. Негативную коннотацию окказионализма усиливает его первый компонент – *глазищи*, образованный при помощи размерно-оценочного суффикса с аугментативным значением. Последний, по мнению И.Б.Голуб, очень часто включает и оттенок негативной оценки [Голуб 2010: 194].

Рассмотрим другой контекст: *Неслись они знаменьями дурными // Над нашим войском. Бандой живоглотов // Казались мы себе. Но юность-ярость // Змеилась в наших змеях и руках!* (О: 519). Экспрессия новообразования обусловлена не только включением в его состав эмоционально-окрашенной лексемы *ярость*, но и рифмованным сложением (ср.: *жадина-говядина, девочка-дюймовочка*), а также ритмической организацией текстового целого.

Экспрессивный характер могут иметь слова, выражающие крайнюю степень эмоциональности. Для обозначения лексем с высокой степенью интенсивности проявления эмоций Е.М. Вольф вводит категорию аффективности [Вольф 2002: 43]. Обратимся к следующему примеру: *И все эти бомбы, взрываемые в глубинах свистопляса, с разной мощностью, ... – всё это было оффериорно!* (Л-Л: 230). Данная лексема образована по аналогии со словом *феерично* от английского слова *to offer* (выражать) и используется автором для выражения чувства восхищения, ср.: *великолепн(ый) → великолепно*.

Как и авторские композиты, окказиональные дефисные комплексы могут включать в свой состав лексемы, наделенные оценочной коннотацией: *...Он наследует какой-то навозный-с-химикалиями бизнес в Лорэйне* (РЗ: 9). Налицо эксплицитная отрицательная оценка новообразования, обусловленная исходной маркированностью входящих в его состав лексем.

Экспрессивность может достигаться за счет трансформации морфемной структуры лексической единицы: *Теперь меня лишат всех полномочий. Ну и черт с ними, с полными мочиями* (ТС 2: 86). Модель образования: *полномочия → полные мочия*. Окказионализм создан путем неморфемного усечения.

В ряде случаев новообразования автора могут являться кодериатами, что усиливает их экспрессивность. Например, для следующих окказионализмов производящей основой послужила фамилия испанского художника Пабло Пикассо: *Отчего мне все-таки хочется ... прочувствовать всю эту пикассонию – всеми десятью пальцами по всем пикассам? ... Быть может, и век-то начался ... , когда в*

*Малаге созрел и явился в мир кислорода увесистый плод **пикассийского** древа* (КС: 486), ср.: *пикассония – симфония, пикассы – клавиши* и т.д.

Наконец, оценка, заложенная в некоторых окказионализмах, становится понятной только из контекста. Данное утверждение относится в первую очередь к окказиональным прилагательным. В основном они являются композитами: *«Благодарю вас, месье», – выбираясь из душных **одеколонно-коньячных** объятий, проговорил он* (О: 325). Модель: *одеколонн(ый) + коньячн(ый) → одеколонно-коньячный*. Атрибутив образован на базе сочинительного словосочетания, в нем заключена оценка со знаком минус, выявляемая исключительно в тексте. При помощи окказионализма В.Аксенов характеризует одного из персонажей романа «Ожог», указывая на его пристрастие к алкоголю.

Рассмотрим другой пример: *Корбах приник к окну. Этот-то вот массив, сплошная высотная застройка, скопление кухонь, мусоропроводов, ... всякие там учебники Тарасевича с **чернильно-борщевыми** пятнами ... Жилмассив, качнувшись, ушел под крыло, и Саша Корбах чуть не разрыдался* (НСС: 384). Модель: *чернильн(ый) + борщев(ый) → чернильно-борщевый*. Новообразование используется при описании чувств главного героя романа «Новый сладостный стиль» Алекса Корбаха, когда тот возвращается на родину после семи с половиной лет эмиграции. На первый взгляд, окказиональное прилагательное обладает пейоративной окраской, так как указывает на плохое состояние учебников, по которым десятилетиями учились в СССР. Однако в контексте ностальгических чувств, переживаемых героем, индивидуально-авторский атрибут приобретает мелиоративную окраску.

Экспрессия неолексемы может усиливаться благодаря определенному лексическому окружению: *...Крюшкин метался под ампирным потолком, словно всамделишный гадкий демон из **кальсонно-бязевого** царства* (О: 41). Использование эмоционально окрашенного словосочетания *гадкий демон*, а также сочетание разностилевых элементов (*кальсоны, бязь и царство*) усиливает выразительный потенциал всего текста.

Наконец, в отдельных случаях окказионализм приобретает определенную экспрессивную коннотацию благодаря противопоставлению разных явлений: *Такой вот очаг жира существует посреди салатно-фруктово-клетчаточной Америки...* (НСС: 331). Модель: салатн(ый) + фруктов(ый) + клетчаточн(ый) → салатно-фруктово-клетчаточный. Как следует из контекста, новообразование содержит в себе оценку со знаком плюс, строящуюся на контрасте со словосочетанием *очаг жира* с ярко выраженной отрицательной оценкой.

Таким образом, окказионализмы В.Аксенова представляют собой особый тип изобразительно-выразительных средств, эмоционально-экспрессивная окраска которых, как правило, сопровождается оценочностью и образностью.

4.2.3 Игровая функция

С эмотивной функцией тесно связана игровая, или людическая, заключающаяся, по мнению В.Г.Гака, в «игре ради самой игры, ради шутки, доставляемого себе и другим удовольствия» и выражающаяся в «варьировании слов, их форм и значений» [Гак 1998: 371]. Однако, как отмечает Т.Д.Брайнина, языковая игра «представляется также средством создания новых смыслов, новых ассоциативных связей между смыслами слов и новых образов» [Брайнина 1996: 276].

Языковая игра, по мнению О.В.Залесовой, наиболее ярко проявляется на словообразовательном уровне языка, «поскольку морфемная структура слова позволяет увидеть словообразовательные средства, при помощи которых создана единица, проследить схему построения слова, выявить производящую основу, сопоставить словообразовательное значение формантов и лексическое значение слова вообще» [Залесова 2002: 54].

Очень часто в языковой игре используются имена собственные. «С помощью языковой игры на основе имен собственных реализуются авторские установки, делающие современный сатирический текст прагматически интенсивным» [Володько 2013: 62].

Проанализируем контекст, где представлен момент эмоционального переживания одного из героев романа, сопровождающийся самоиронией: *За мгновение до броска внезапное страннейшее чувство пронизывает его: о нет, я, кажется, Дездемона, это так же верно, как то, что я Отелло, я Дездемелло...* (КС: 133). Модель: *Дездемон(а) + Отелло → Дездемелло*. Окказионализм создан путем контаминации. Отметим, что обе лексемы, послужившие основой для новообразования, представлены в одном отрезке текста. По мнению С.В.Ильясовой, «наибольшего эффекта контаминация как прием словообразовательной игры достигает в тех случаях, когда непосредственно в тексте представлен механизм ее создания» [Ильясова 2013: 192].

В целях создания иронического эффекта писатель прибегает к дезонимизации, т.е. превращает имя собственное в нарицательное: *Все серебрилось под Луной; ну, в общем, описывать всего этого **куинджи** нет ни малейшей охоты...* (ТС 2: 62).

Имена собственные в текстах романов писателя в результате языковой игры зачастую приобретают оттенок уничижительности: *Ну какого черта вы произносите ... имена всех этих **тельманов, ульбрихтов, тышей, пиков**...* (ТС 2: 100). Этот эффект возникает благодаря последовательной контекстуальной дезонимизации (*тельманы* от Эрнст Тельман, *ульбрихты* от Вальтер Ульбрихт, *пики* от Вильгельм Пик) и усечению (*тыши* от фамилии Тышлер).

Антропонимы могут использоваться для создания шутки, иронии в тех случаях, когда создаются при помощи онимизации, представляющей собой, по определению С.В.Ильясовой, «двойное наименование по типичной для русской речевой культуры модели (имя + отчество)» [Ильясова 2011: 220]. В одном случае перед нами человек: *Перед камерой этот обожравшийся миллионными гонорарами **Актёр Актёрыч** иногда вдруг по какому-то наитию находит единственно нужный тон* (НСС: 436). Отметим, что окказионализмы, называющие людей, могут создаваться и по схожей модели «фамилия + имя + отчество»: *Так... так... **Так Такович Таковский**, вспомнилось вдруг Глике* (МКК: 167). В другом случае при помощи онимизации

создается название предмета (шоколада): *А вот вам и Шоколад Шоколадович, этот с орехами, «Фантазия», что ли, ну, с балериной* (НСС: 384).

Имена собственные могут оформляться в виде рифмованных дефисных комплексов, что указывает на их игровой характер: *Сомневаюсь, что прототипы литературных героев романа когда-либо собирались ... под эгидой некоего всемирного духа, называющего себя Пролетающим-Мгновенно-Тающим* (ТС 1: 5).

Зачастую игровую функцию в текстах романов В.Аксенова выполняют ойконимы. Например, ряд окказионализмов писателя обозначает реально существующий город – Лос-Анджелес: *Она хохотнула: «Лос Арчанжелес!»* (НСС: 173); *В тот же вечер он улетел ... в Лос-Архангельск ...* (НСС: 397). Оба новообразования созданы путем контаминации названий городов Лос-Анджелес и Архангельск. Название этого города может оформляться и в виде дефисного комплекса: *В другом конце великого Архангельска-на-Пасифике наш основной герой брел, как обычно, вдоль океана* (НСС: 132). С.В.Ильясова, анализируя язык СМИ, отмечает, что одним из новых механизмов выражения экспрессии является «русификация иноязычного имени собственного путем игровой адаптации» [Ильясова 2011: 220], что находит отражение и в словотворчестве В.Аксенова.

Особый интерес представляют прилагательные, образованные на базе антропонимов: *«Вы достойны своего титула «Женищина Двух Столетий», – гудит дартаньячный, огюстообразный дипломированный голос* (КС: 540). Модель: *Д'артаньян* + суффикс *-н-* со значением признака, относящегося к тому, что названо мотивирующим словом → *дартаньячный*. Здесь представлено целенаправленное морфонологическое преобразование основы по типу: *коньяк* – *коньячный*, *арманьяк* – *арманьячный* и др. Второй окказионализм образован по следующей модели *Огюст* + интерфикс *-о-* + *образн(ый)* со значением 'похожий на то или того, кто назван мотивирующим словом' → *огюстообразный*, ср.: *научнообразный*, *серпообразный*, *чашеобразный* и др. В первом случае в основу легло названия элитного вина «Барон д'Артаньяк де Л'Эро», кроме того, здесь представлена языковая игра, основанная на

созвучии лексем *Д'артаньян* и *арманьяк*. Во втором, возможно, производитель вина – Огюст Нюрдан. Есть здесь и намек на имя живописца Пьера Огюста Ренуара.

Языковая игра может быть реализована на базе имен нарицательных: *Родители Стратовы, оказывается, принадлежали к привилегированной страте ... , именовавшейся нумонкультурой* (РЗ: 194). Как отмечает Т.Д.Брайнина, игра с языком в новой альтернативистской литературе, прежде всего, обусловлена «необходимостью избавления от языковых штампов, оставшихся в наследие от тоталитарной системы, обновления языка, его освобождения» [Брайнина 1996: 276]. Называя советскую номенклатуру *нумонкультурой*, В.Аксенов выражает к ней ироничное отношение. Однако подобное явление характерно и для лексем, называющих реалии российской эпохи: *Понимаю, что многих надо устранить из предательской группировки, или как ее там, корпрустации, что ли* (РЗ: 349). Модель: *корпорация* → *корпрустация*. В этом окказионализме, созданном путем чередования фонем и слогов, угадываются лексемы, расширяющие семантический объем новообразования: *корпорация, корпус, хруст, прострация* и др.

К одному из способов создания игрового эффекта относится гомеология, представляющая собой, по определению Н.А.Володько, стилистический прием, заключающийся в повторении однотипных морфем [Володько 2013: 62]: *Выходя из весомых невесин, выходили из невинных гадов, и кружили к неуксеху и к жажде успеха* (Л-Л: 242). Модель: основа *невесом(ый)* + суффикс *-ин-(а)* со значением ‘предмет, вещество, материал, пространство, которые характеризуются отношением к тому, что названо мотивирующим именем прилагательным’ → *невесина*, ср.: *боковина, мешанина, равнина, солонина* и др.

Рассмотрим другой пример: *На первом месте финдельплюшки. Попахивает формалином, то есть в смысле формализма* (ТС 1: 130). Модель: *финтифлюшк(а) + плюшк(а)* → *финдельплюшка*. Окказионализм создан путем контаминации. Для усиления игрового эффекта В.Аксенов включает в контекст семантически разнородные, но структурно схожие лексемы *формалин* и *формализм*.

Языковая игра может реализовываться при помощи окказиональных композитов. В таких единицах нередко наблюдается усиление интенсивности признака: *Бискайское небо к этому моменту уже достаточно-порядочно распогодилось* (РЗ: 36). Объединение двух синонимичных наречий в одно целое способствует созданию более яркого образа.

Авторские композиты, выполняющие игровую функцию, могут использоваться для создания метафорического образа (свернутого сравнения): *Подыгрывай страстям // рядись в личину ... горе-газировки...* (О: 194).

Функцию языковой игры в текстах романов В.Аксенова выполняют и окказиональные дефисные комплексы. Например, игровым характером обладают следующие новообразования: *Последним ничего не оставалось, как только погрузить тело Пришельца на носилки и поднять его в машину верти-и-летай, вис-и-свисти, реви-и-глуши* неслышные рыдания оставшихся (РЗ: 398). Перед нами ряд форм в повелительном наклонении, попарно соединенных союзом *и*. Языковая игра в этом контексте позволяет автору создать описательную замену лексеме «вертолет», наглядно показав его перемещение в воздухе.

Рассмотрим следующий пример: *Вот клево, думаю я: жасмин-жисмолость-жаворонок-жирондель – какое нежное жжение!* (РЗ: 25-26). В этом отрезке текста окказионализм приобретает визуальную, звуковую и ритмико-семантическую форму с целью достижения смысловой многомерности. Внимание концентрируется на звуковой стороне окказионализма. В угоду языковой игре В.Аксенов преднамеренно допускает ошибку, называя ирондель (ласточку) жиронделью, но сразу же ее исправляет: *Всё это всасывается в роман, но тут же следует разочарование: никаких жиронделей в природе нет, а есть ирондель, ласточка* (РЗ: 26).

Языковая игра в сфере окказиональных дефисных комплексов, как и в области других лексических единиц, может строиться на основе гомеологии: *Персонажи, персонажи, ... сбежали из заплесневелых углов и подняли против вас восстание в дальних провинциях, чтобы ... настаивать на отречении автора и установлении*

какой-то своей *хиппи-яппи-пеппер-панпит-дан-пертутто* республики (НСС: 245). В новообразовании угадываются английские слова *хиппи* – ‘представители субкультуры, возникшей в 60-х гг. в США’, *яппи* – ‘состоятельный молодой человек, занимающийся профессиональной карьерой’, *пеппер* – ‘перец’, *панпит* – ‘марионетка, кукла’ и *Арт Данпертат* – один из персонажей романа «Новый сладостный стиль». Окказионализм используется автором для того, чтобы показать сложность профессии писателя, которому необходимо в своих руках держать все нити повествования.

В отдельных случаях дефисные комплексы, создаваемые В.Аксеновым, являются индикаторами включения в текст иноязычных фраз, что также свидетельствует об игровом характере подобного рода новообразований: *Она такая, ниссам-ханум-баязы, тащила своего любовника за воротник рубашенции...* (Л-Л: 251), ср.: *Ниссам* – женское имя, *ханум* – госпожа или дама, *Баяз* – мужское имя. Окказиональный дефисный комплекс можно интерпретировать как «*Ниссам – женщина Баяза*».

Игровой характер дефисных комплексов в ряде случаев обусловлен и их ритмической организацией: *Вот и все вы такие бабы-бабы-двери-хлоп-бабы-прыгают-в-сугроб!* (ТС 2: 167); ср.: *...Долетали даже отдельные слова, типа Белка Польшман-воображала-за-дежурной-побежала!* (Л-Л: 146).

Следующий способ реализации игровой функции – трансформация писателем морфемного состава лексемы. Например, ей может подвергаться название торговой марки: *Гостья ... в облаке духов «Одержимость» имени Келвина, что ли, Клайна...* (НСС: 302), ср.: *Calvin Klein*.

Для В.Аксенова характерно обыгрывание морфемной структуры ряда лексических единиц: *...Товарищи в Политбюро сочли ваше предложение ... не-це-ле-соо-браз-ным. То есть небезарбузным, нецельнокрамбабасным, несоораспрекрустным* (ТС 2: 166). В окказионализмах угадываются морфемы, относящиеся к лексеме «нецелесообразный»: *[не]безарбуз[ный]*,

[нецель]нокрамбабас[ный], [несоо]распрекруст[ный], кроме того, возникают определенные аналогии, основанные на созвучии разных лексем.

Автор практикует и такой способ создания игрового эффекта, как попарный обмен суффиксами: «Ах, старый Джеффри Чосер ...» – ликуя, спела вся набережная: ... **фарцонники и дружинники, циркошники и киночи, бюроканы и наркомраты, аптеканты и спекуляры**» (О: 235), ср.: *фарцовщики и дружинники, циркачи и киношники, бюрократы и наркоманы, аптекари и спекулянты*.

Другой способ языковой игры В.Аксенова – это редупликация созвучных морфем, корней и основ: **расхитительно-восхитительное (никуда), хамди-гарди, помси-драки, хакси-вахси, лирро-бутылло, «волки-толки»** и др.

В рамках языковой игры целесообразно говорить о конструктивно-моделирующей подфункции, которую выполняют окказионализмы писателя. Е.А.Земская, рассматривая конструктивное словообразование, отмечает, что «производное создается в целях изменения структуры речи: происходит свертка пропозиции, упрощается синтаксическое построение речи». По мнению ученого, в результате происходит «номинализация пропозиции» [Земская 2009: 9-10].

Анализируя неузואльные слова, ученый отмечает, что они «нередко создаются с помощью высокопродуктивных аффиксов, но с нарушением законов действия словообразовательного типа» [Земская 2009: 187]. Рассмотрим окказионализмы В.Аксенова, созданные при помощи аффикса с несвойственным для него словообразовательным (деривационным) значением: *Какая вокабулярная экспрессиона...* (КС: 150). Окказионализм образован по модели *экспрессия(а)* + суффикс *-он-(а)* → *экспрессиона* в значении ‘экспрессия’. Отметим, что в узואльном словообразовании при помощи данного форманта образуются наименования лиц общего рода: *сласти – сластена, гулять – гулена, тихий – тихоня*.

Проанализируем другой пример: *Те, кто помнит благоушанец, будут хороши* (Л-Л: 246). Модель: основа *благоуха(ть)*, в которой наблюдается чередование *х/ш*, + суффикс *-анец-* → *благоушанец* в значении ‘благоухание’. Как и в предыдущем

контексте, мы имеем дело с использованием аффикса в несвойственном ему предметном значении, ср. со значением узуальных лексем с данным аффиксом: ‘лица по их происхождению из какой-либо страны, по их отношению к общественному направлению или течению, названному мотивирующим именем существительным’: *американец, республиканец, венецианец*; ср. с другими окказионализмами писателя с суффиксом *-нец-* со значением ‘лицо, которое характеризуется действием, названным мотивирующим глаголом’: *приседанцы* и *возниканцы* (Л-Л: 246).

Проанализируем следующий контекст: *Ни о каком Власе Ваксакове они ... не слышали, а вот ваксиновские романешти явно читали* (КС: 239). Модель: основа *роман* + *-ешти-* → *романешти*. Называя свои произведения «*романешти*», автор играет с читателем, сознательно принижая их значимость и, возможно, проводя аналогии с алкогольным напитком (ср. с маркой вина «Романешты»).

Обратимся к следующему примеру: *Оказывается, при дворе Верховного Колдуна существовал какой-то пыхтутель, с помощью которого ВК смотрел древние чудеса-видухи* (КС: 363). В окказионализме *пыхтутель* словообразовательная модель представлена в чистом виде: понятна производящая основа (*пыхтеть*), словообразовательное средство (суффикс *-тель-*), но непонятно, что означает сам окказионализм, ср.: *сеять* – *сеятель*, *читать* – *читатель* и др.

В ряде случаев, наоборот, достаточно продуктивный в русском языке суффикс присоединяется к семантически неоднозначной, а в некоторых случаях и к окказиональной основе. По мнению Е.А.Земской, окказионализмы, созданные при помощи присоединения обычных аффиксов к вымышленным корням, бывают двух типов: глагольные и именные. Первые выполняют роли «слов-пустышек, слов-заменителей, способных обозначать почти любое действие». Вторые создаются как «слова – шуточные номинации, оценки, характеристики» [Земская 2009: 195]: *А кто это был на родной фелюке, кто исчезал и воспарял до очередной дрехлятины...* (Л-Л: 242). Налицо прозрачная словообразовательная модель: основа **дрехлый* +

суффикс *-атин-* со значением собирательности, однако семантика окказионализма является затуманенной, ср.: *кислый* – *кислятина*, *сырой* – *сырятина* и др.

Таким образом, большинство новообразований В.Аксенова выполняет функцию языковой игры. Многообразие способов реализации данной функции в окказиональном словотворчестве писателя свидетельствует о креативности его языковой личности и идиостиля.

4.2.4 Интертекстуальная функция

Особый тип экспрессии в текстах романов В. Аксенова создают окказионализмы, выполняющие интертекстуальную функцию, представляющую собой, по определению С.В.Ильясовой, «связь между текстами, принадлежащими разным авторам и относящимися обычно к разным эпохам» [Ильясова 2013: 224]. Рассмотрим следующий контекст: *Усмирение Кукушкиных островов дает нам живейший пример ... политики «раздуляй и влавствуй»* (КС: 214). В основе окказионализма лежит прецедентный текст «Разделяй и властвуй», традиционно считающийся максимой римского сената, но иногда относимый к авторству Людовика XI, Екатерины Медичи или Макиавелли. Аналогии с разговорной лексемой «разгуляй» и эпентеза, характерная для просторечных слов («ндравиться», «радиво»), придают данному выражению разговорный характер.

Прецедентность имеет место и в следующем контексте: *Ребенок, благодаря гуманизму российских властей, унаследованному ими от великого-могучего СССР, жил с мамой в тюрьме и сейчас шел с ней рядом* (РЗ: 245). Здесь представлена цитата из стихотворения в прозе И.С. Тургенева «Русский язык» («о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык»), ср. с другими окказионализмами писателя: *великий-могучий-правдивый-свободный* (КС: 350), *вэмпнээс* (КС: 186). Кроме того, *великий-могучий* можно рассматривать как трансформированную цитату строчки из гимна СССР («единый, могучий Советский Союз»).

Интертекстуальную функцию могут выполнять и имена собственные: *Вот*

тут-то меня ждало то, что впоследствии наш казначей Юрка Эссесер назвал «в чужом Перу похмелье» (КС: 227). Фамилия одного из персонажей романа «Кесарево свечение» Юрки Эссесера образована от аббревиатуры СССР (Союз Советских Социалистических Республик). Очевидно, что использование псевдонима позволяет герою скрыть свое происхождение.

Интертекстуальную функцию могут выполнять и индивидуально-авторские прилагательные: *Она была восхищена, как он запросто употребил ее уменьшительное. Как будто бы сразу причислился к **физиолирической** шарашке* (ТС 1: 161). В окказионализме угадывается фразеологизм «физики и лирики» – выражение, противопоставляющее значение физиков – ученых, работающих в области точных наук, значению поэтов [Русская фразеология 2005: 721-722].

Выполнять данную функцию могут и окказиональные дефисные комплексы, в качестве которых «выступают точные и преобразованные цитаты из фольклорных и литературных произведений, песен фильмов» [Николина 2009: 128]. Например, в следующем отрывке: *Ты дал и ей как бы возможность пожертвовать как бы своей **гордыней-горыничной**...* (РЗ: 255). В данном отрезке текста гордость как черта характера персонажа соотносится со сказочным образом Змея Горыныча.

Рассмотрим другой пример: *Чего стоит одна только Галкина шляпа. Уж не из реквизита ли **Театра-на-Помойке** она добыта?* (КС: 55). Окказионализм представляет собой трансформированное название «Театра на Таганке» (официальное название – «Московский театр драмы и комедии») и ироничное описание внешнего вида одного из персонажей.

Проанализируем следующий контекст: *В другой раз ... он показался ... **детенышем-Гаргантюа*** (МКК: 153). Отсылка к сатирическому роману Ф.Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль», в котором повествуется о двух великанах-обжорах, позволяет В.Аксенову указать на противоречие во внешности одного из персонажей романа «Москва Ква-Ква» – поэта-фронтовика Смельчакова: с одной стороны, он выглядит очень молодо, с другой – обладает богатырским телосложением.

Дефисные комплексы, выполняющие интертекстуальную функцию, зачастую служат средством описательной замены, что способствует их сближению с разговорной речью: *Ну, стоит на центральной площади могутный **Вова-с-кепкой** – богатеите, богатеите, товарищи!* (РЗ: 433). Очевидно, что новообразование *Вова-с-кепкой* понадобилось автору для обозначения памятника В.И. Ленину, а именно его традиционного образа в пальто и кепке. Использование дефисного комплекса вместо обычной номинативной единицы объясняется желанием автора достичь определенного экспрессивно-выразительного эффекта.

С интертекстуальной тесно связана и другая функция окказиональных дефисных комплексов – **сигнализирующая**. По мнению Н.А.Николиной, дефисные комплексы могут служить «знаком-сигналом устойчивости сочетаний, получивших распространение в речи и интерпретируемых говорящим (автором) как воспроизводимые обороты, стереотипы, формулы общения» [Николина 2011: 467].

Стереотипы, клише и цитаты обнаруживают тенденцию у Аксенова к слиянию и образованию комплексов-сращений. Например, такой тип новообразований представлен в следующем контексте: *Этим юношам было строжайшим образом запрещено украшать свои ягодицы ... татуировкой за исключением паучка, похожего на **серп-и-молот*** (РЗ: 416). В этом контексте окказиональный дефисный комплекс *серп-и-молот*, будучи стереотипным оборотом, символизирующим рабоче-крестьянскую власть, выступает в качестве прецедентного феномена, но воспроизводится в другой коммуникативной ситуации.

Так или иначе, перечисленные индивидуально-авторские образования свидетельствуют в первую очередь о способах номинации реалий советской эпохи и о негативном отношении к ним со стороны писателя.

4.2.5 Компрессивная функция

Окказионализмы писателя могут выполнять компрессивную функцию, выступая в качестве новообразований-аббревиатур. Как отмечают Т.В.Попова и

Л.В.Рацибурская, аббревиация в языке всегда выполняла компрессивную функцию, т.е. служила для создания более кратких, чем мотивирующее словосочетание, односложных номинаций. <...> Помимо этого, они широко используются с конца XX в. как средство экспрессивизации речи [Попова 2005: 80].

В одном случае способ образования – непосредственное создание индивидуально-авторской аббревиатуры. Такие окказионализмы зачастую являются эмоционально-экспрессивно окрашенными. Например, они могут обладать пейоративной коннотацией: *В системе зеркал номера «люкс» ... плясал **СПЧ**, то есть советский партийный черт* (ТС 1: 213). Или мелиоративной: *Он был какой-то особенный. ... Большой Богатый Богатырь, **БББ*** (НСС: 493). Говоря об окказиональных аббревиатурах, необходимо указать на выполнении ими номинативной функции, так как, по мнению Н.А.Беловой, «создание компрессивного новообразования зачастую призвано не только сократить часто употребляемые словосочетания, но вначале вычленить определенный фрагмент мира, затем дать ему авторское неоднословное именование» [Белова 2012].

В другом случае способ образования – усечение первого слова в словосочетании: *Оказывается, в памяти нынешних **политвитязей** так и остался автором четырех опусов о почвах...* (КС: 238). Модель: *политическ(ий) + витязь* → *политвитязь*, ср.: *политзаключенный* и др. Окказионализмы данного типа являются наиболее распространенными в словотворчестве автора. Например, они служат для его самоидентификации, самоназывания. С их помощью В.Аксенов иронизирует над собой и над своим творчеством: *Надеюсь, даже твой **литпапаша** Стас Ваксина нас сейчас не смониторил...* (КС: 299). Модель: *литературн(ый) + папаш(а)* → *литпапаша*. Такие лексемы обычно создаются при помощи усечения первого слова, а благодаря включению в свой состав разговорных элементов (в частности, *папаша*) также наделяется соответствующей окраской, ср. с другим окказионализмом писателя: *литродитель* (КС: 354).

Рассмотрим другой пример: *Я ... из затравленного **соцшакала** превратился в сомнительного любимца буржуазии* (НСС: 395). Модель: *социалистическ(ий) шакал* → *соцшакал*. Новообразование в своей речи использует главный герой романа «Новый сладостный стиль» Алекс Корбах: в контексте размышлений о своей судьбе и участии русских эмигрантов, проживающих в США, оно приобретает особый смысл, ср.: *соцреализм, соцлагерь*.

Новообразования-усечения зачастую включаются в стихотворный контекст, позволяя В.Аксенову дать оценку другим писателям и поэтам: *Цилиндры все сданы на балаган, // В котором футурист рифмует **агитвраки*** (КС: 478). Модель образования неолексемы: *агитационн(ые) врак(и)* → *агитвраки*. Окказионализм создан при помощи усечения первого слова в словосочетании, ср.: *агитбригада, агитпоезд* и др. Лексема *враки* обладает отрицательной эмоционально-экспрессивной и одновременно сниженной (просторечной) функционально-стилевой окраской, что находит отражение в производном слове.

В третьем случае новообразования автора, выполняющие компрессивную функцию, являются композитами. Как известно, одной из распространенных причин создания окказионализмов является стремление к краткости выражения мысли. Индивидуально-авторские лексемы, заменяя собой словосочетания или даже предложения, служат экономии речи, способствуют ее смысловой емкости и экспрессивной насыщенности.

Компрессивная функция окказионализмов ярко проявляется в наименованиях лиц: *По дороге из прокуратуры Ген попросил **секретаря-оруженосца** Глазенапова соединить их с Ясно* (РЗ: 184). *Секретарь-оруженосец* – это человек, выполняющий одновременно работу секретаря и телохранителя.

Приведем другой пример: *Со словами «Сихина, свободна» он отпустил **деву-сержанта**...* (РЗ: 216). *Дева-сержант* – сотрудница милиции в звании сержанта.

Окказионализмы, выполняющие компрессивную функцию, используются автором не только для того, чтобы добиться краткости и семантической емкости, а

также для того, чтобы при помощи ярких и необычных образов охарактеризовать тех или иных персонажей, дать им соответствующую оценку.

4.2.6 Идеологическая функция

Яркую эмоционально-экспрессивную окраску в произведениях автора приобретают новообразования, входящие в тематическую группу слов «политика», то есть выполняющие (условно и буквально) идеологическую функцию. По мнению М.А.Литовченко, она представляет собой функцию «сознательного внедрения той или иной идеологии». Предпосылкой идеологизации, по мнению ученого, является «популяризация политической терминологии, центральных политических понятий» [Литовченко 2012: 15]. Н.Н.Целищев, рассматривая специфику функционирования общественно-политической лексики в современном русском языке, говорит о том, что «идеологическая функция языка – это одновременно функция воспитания, сплочения масс для решения главных задач развития Российского государства» [Целищев 2013: 43].

Анализируя степень влияния общественного сознания на язык, Р.И.Зекрист отмечает, что «наиболее частое использование языка идеологией проявляется на его лексико-семантическом уровне» и выражается в том числе в «интенсивности появления новых лексико-семантических единиц» [Зекрист 2012: 69]. Регулярно используя в текстах произведений окказионализмы с общественно-политической коннотацией, В.Аксенов выражает свое отношение прежде всего к реалиям советской эпохи. Новообразования такого типа в соответствии со взглядами писателя – шестидесятника обладают в основном пейоративной оценкой: *Дорогие товарищи дорогой **кукита кусеевич** ... справедливая критика народа заставляет думать об ответственности перед народом перед вами* (О: 148). Называя Никиту Сергеевича Хрущева *кукитой кусеевичем*, В.Аксенов создает новый образ политического деятеля, выразительность которого усиливается за счет сближения имени собственного с грубо-просторечной лексикой. Кроме того, отсутствие знаков

препинания в тексте в полной мере соотносится с утверждением Н.А.Николиной о том, что «беспунктуационные» фрагменты текста часто выполняют целый комплекс характерологических функций [Николина 2009: 288].

Зачастую в рамках небольшого отрезка текста для называния одного и того же персонажа используются разные варианты окказионального композита. В таких случаях отмечается высокая степень интенсивности пейоративной оценки: *Вниманием ее завладел очередной ... **международник-гэбэшник** Скосив глаза, я увидел, что **гэбэшник-международник** поглаживает Алису. ... **Эстрадник-гэбэшник-международник** чуть-чуть оскалился* (О: 178-179), ср. с другим окказионализмом писателя ***цекисты-международники*** (НСС: 18).

Общественно-политической коннотацией в некоторых случаях наделяются окказионализмы, называющие коллег В.Аксенова по перу: ***Витийствует парижский писака-большевик...*** (НСС: 437). Новообразование обладает оценкой со знаком минус, так как включает в свой состав стилистически сниженный компонент *писака*.

В.Аксенов негативно относится не только к реалиям советской эпохи, но и ко многим атрибутам нового времени и его представителям: ***Бабы-ельцинистки ... разгуливали с портретами Бориса Николаевича на ватных грудях*** (НСС: 396). Отрицательная оценка усиливается за счет соответствующего лексического окружения и контекста в целом; ср. также: *Он был уверен, что **олухи-комитетчики** даже и понятия не имеют, где отсиживаются дерзновенные беглецы* (РЗ: 88).

Необходимо отметить, что большинство новообразований, создаваемых автором, связаны с историческими личностями, сыгравшими ключевую роль в судьбе советской страны:

– *Но Ленин-то ведь – это **анти-Сталин**; не так?*

– *Чепуха. Сталин – это **ультра-Ленин**; вот и всё* (ТС 2: 140).

В диалог между поэтом Робертом Эром (Робертом Рождественским) и писателем Ваксоном (Василием Аксеновым) автор включает окказионализмы, нестандартность и экспрессивность которых обусловлена присоединением

иноязычных префиксов к знаковым именам истории нашего государства. Использование подобных новообразований в речи дает автору возможность показать принадлежность обоих героев к представителям творческой, демократической интеллигенции, отстаивающей идеалы свободы и открыто дискутирующей на табуированные темы.

Обратимся к другому примеру: *Я не хочу ... никаких России с их андронами и андропоидами...* (НСС: 141). Модель образования: основа *Андропов* + суффиксоид *-оид-* → *андропоид*. Как отмечает Е.И.Коряковцева, в текстах российских и польских СМИ с помощью формантов *-оид*, *-oid* <...> довольно часто образуются пейоративные названия сторонников государственных и политических деятелей [Коряковцева 2013: 20].

Нередко новообразования с отвлеченным значением создаются на базе аббревиатур, наделяясь при этом оценкой со знаком минус: *Он оживал после вчерашнего гнусного пип-шоу ... , приправленного казбятиной* (НСС: 307). Модель: основа *КГБ* + *-ятин-* (*-атин-*) со значением 'собирающего понятия с оттенком неодобрения' → *казбятина*, ср.: *дохлятина*, *кислятина* и др.

В некоторых случаях В.Аксенов создает прилагательные, семантика которых соотносится с идеологической функцией языка: *Оратор ... спустился к своей делегации, в которой светились ... орлино-двуглавые пуговицы и бляхи* (КС: 267). В данном случае атрибутив *орлино-двуглавые* служит обозначением российской символики, выразительность которого усиливается на фоне широко известного словоупотребления «серпасто-молоткастый».

Экспрессивность отдельных новообразований достигается за счет употребления в рамках одного контекста однокоренных слов: *ВСЮ НОЧЬ ШЕПТАЛИСЬ СТУКАЧИ И СТУКОТУ ПИСАЛИ* (О: 213). Модель образования окказионализма: основа *стуча(ть)* + суффикс *-от-(а)* с несвойственным ему предметно-собирательным значением → *стукота*, ср.: *беднота*, *мелкота*, разг. *скукота*, *срамота*; *К восторгу всех всевозможных цэдээловских стукачишек*,

*стукачей и **стукочищ** все говорили громко...* (ТС 1: 142). Модель: основа *стукач* + суффикс *-ищ-(е)* с аугментативным значением → *стукочище*, ср.: *волчище*, *хвостиче* и др. Как отмечает В.В.Химик, аугментативы довольно часто «последовательно развивают или усиливают отрицательную оценочность» [Химик 2010: 382], о чем и свидетельствует новообразование *стукочище*.

Наконец, отдельные лексемы номинируют переходные политические явления, находящиеся на стыке советской и российской эпох: *Увы, далеко не сразу я понял, что к нам проникает анонимная ... структура **скрытно-большевизма** ...* (РЗ: 302).

Таким образом, многие новообразования, создаваемые автором, так или иначе связаны с общественно-политической сферой и характеризуют не только людей, но и целые народы, страны, эпохи.

4.2.7 Интерлингвистическая функция

Интерлингвистическая функция представляет собой воздействие одной языковой системы на другую и выражается в тех или иных заимствованиях. По мнению А.К.Киклевича, «результатом языковых контактов <...> обычно является интерференция языковых систем – проникновение элементов одного языка в систему другого, и наоборот» [Киклевич 2009: 12]. О.В.Демидов сужает значение данного понятия, понимая под интерференцией «явление влияния английских слов на русские, которое отражается в языке графически и фонетически и широко используется в различных сферах массового сознания» [Демидов 2005: 78]. Отметим, что для идиостиля В.Аксенова характерно регулярное создание авторских неологизмов на основе английских слов и выражений. Рассмотрим их основные типы.

Первый тип новообразований писателя составляют иноязычные лексемы в кириллической транслитерации. Как отмечает И.Онхайхер, для многих прямых заимствований характерна заметная словообразовательная активность, свидетельствующая об адаптивной и интегративной функциях словообразования

[Ohnheiser 2013: 78], что имеет место и в словотворчестве В.Аксенова: *Правильно, Сашок ... , станем трудящимися, блукалор-уоркерами* (НСС: 42). В английском языке словосочетание *blue collar worker* (букв. синие воротнички) служит обозначением принадлежности человека к рабочему классу, представители которого, как правило, заняты физическим трудом с почасовой оплатой, ср. белые воротнички (англ. *white collar*) – офисные работники, чиновники. Интересно, что персонаж романа «Новый сладостный стиль» Стас Бутлеров, используя в своей речи окказионализм, трансформирует английскую лексему *collar* (воротник) на *color* (цвет), что указывает на плохое знание английского, так как он недавно переехал из России в США и еще не освоил этот язык.

Рассмотрим другой пример: *Терпеть не могу тот кусок дороги, который называется **Вашингтон-Балтимор-Паркуэй**...* (КС: 450). В основе окказионального имени собственного лежит название высокоскоростной дороги в штате Мэриленд (США): *The Baltimore–Washington Parkway*. Автор прибегает к транслитерации для того, чтобы адаптировать название этой магистрали, соединяющей два больших города, к русской речи.

Второй тип новообразований представляют собой полукальки. Рассмотрим следующий пример: *Он глянул в **пип-дырку** и увидел на своем крыльце дюжего мужчину в униформе* (НСС: 258). В.Аксенов наполовину калькирует английское сложное слово *peephole* (от *peer* – *заглядывать* и *hole* – *дырка*), называющее дверной глазок, в результате чего и возникает окказионализм *пип-дырка*.

Подобную трансформацию претерпевают и другие лексические единицы: *...Парикмахер пырнул ножом **бой-друга** своей сестры* (НСС: 83). Модель: англ. *boyfriend* → *бой-друг*, ср. с узуально-разговорной калькой с английского *бой-фрэнд*.

Неолексемы данного типа создаются писателем и для того, чтобы выразить ироничное отношение к западным реалиям, на что указывают в контексте и их определения: *Агасф ... осознал, что его новое занятие в этом **глупом, суетливом** и*

увлекательном муви-бизнесе может помочь ему скоротать надвигающиеся столетия (НСС: 327), ср.: *кинобизнес*.

Третий тип окказионализмов составляют лексемы, созданные путем добавления к заимствованным основам русских аффиксов.

Рассмотрим следующий пример: ...*Он напомнил близким душам, что вечером после ужина состоится геттугезина у него на террасе* (ТС 1: 266-267). Модель: *get together* (англ.) – собрание + суффикс *-ин-* → *геттугезина*, ср. с существительными *pluralia tantum* *смотрины*, *крестины*, *именины*. По мнению Ю.А.Кислициной, с помощью иноязычных вкраплений в текстах романов писателя создается атмосфера жизни и общества Запада [Кислицина 2011: 26].

В некоторых случаях от одной иноязычной основы образуется несколько новообразований: *Это jetlag, джетлеготина* паршивая совсем нас, девушек, *обджетлежила*, ноги не держат (КС: 56). Модель создания первого окказионализма: *джетлаг* (синдром смены часового пояса) + асемантический элемент *-от-* + суффикс *-ин(а)* → *джетлеготина*. Суффикс выступает в нетипичном значении, так как в узуальном словообразовании не образует синонимов мотивирующего слова, ср.: *глубокий* – *глубина*, *толстый* – *толщина*, *широкий* – *ширина*. Второе новообразование создано по модели: *джетлаг* + конфикс *об-...-и-* (*ть*), который образует переходные глаголы совершенного вида со значением ‘наделить чем-либо или каким-либо признаком, названным мотивирующим именем существительным’ → *обджетлежить* со значением ‘лишить сил’, ср.: *обезобразить*, *обессилеть* и др. Новообразования обладают более яркой, по сравнению с узуальными лексемами, экспрессивной коннотацией и позволяют автору максимально наглядно и образно описать состояние персонажей.

Выводы по IV главе

Функции окказиональных слов В.Аксенова соотносятся с функциями узуальных лексических единиц и языка в целом. В лингвистике выделяются

следующие языковые функции: базовые (коммуникативная, номинативная, когнитивная, эмотивно-экспрессивная) и частные (прагматическая, эстетическая, фатическая, магическая, индексальная, метаязыковая, перформативная, конативная, талейрановская, идеологическая, языковая функция метки, идентификации, этологическая, корреляционная, инструментальная, референционная, дейктическая, омадативная, интегрирующая, дифференцирующая, конститутивная, интерлингвистическая и другие). Новообразования в текстах романов писателя способны выполнять номинативную, эмотивную, игровую, интертекстуальную, компрессивную, «идеологическую» и интерлингвистическую функции. Многим окказионализмам В.Аксенова свойственна полифункциональность.

Способность индивидуально-авторских новообразований выполнять номинативную функцию в современной лингвистике интерпретируется неоднозначно. Однако в работе доказано, что неолексемы в художественных текстах Василия Аксенова способны использоваться для восполнения отсутствующих в русском языке номинативных единиц.

Большинство новообразований писателя выполняет эмоционально-экспрессивную функцию. Неузусные лексические единицы наделяются соответствующей коннотацией благодаря использованию стилистически маркированных словообразовательных средств и производящих основ; трансформации морфемной структуры лексической единицы; наличию определенного лексического окружения; противопоставлению разных явлений. В авторских неологизмах может быть представлена вся палитра оценок, но наиболее часто встречается пейоративная, что объясняется общественно-политической направленностью его романов.

В рамках одного контекста окказионализмы писателя могут входить в состав словообразовательных парадигм, называя разные классы понятий. Отношения кодеривации, возникающие между новообразованиями, усиливают их экспрессивные свойства.

Для окказионализмов В.Аксенова характерно наличие игровой функции. Высокая степень экспрессивности возникает в результате онимизации и последовательной контекстуальной дезонимизации лексем, чередования фонем и слогов, гомеологии, трансформации морфемного состава лексемы, обыгрывания морфемной структуры ряда лексических единиц, попарного обмена суффиксами и редупликации созвучных морфем, корней и основ. Одной из разновидностей ludic функции является конструктивно-моделирующая. Авторские окказионализмы могут приобретать визуальную, звуковую и ритмико-семантическую форму с целью достижения смысловой многомерности и экспрессивности. Многообразие способов реализации игры в окказиональном словотворчестве писателя свидетельствует о креативности его языковой личности и идиостиля.

Особый тип экспрессии в текстах романов В.Аксенова создают окказионализмы, выполняющие интертекстуальную и сигнализирующую функции. Последняя реализуется в окказиональных дефисных комплексах, представляющих собой прецедентные феномены и воспроизводимые обороты речи.

Новообразования писателя могут выполнять компрессивную функцию. Индивидуально-авторские лексемы, заменяя собой словосочетания или даже предложения, служат экономии речи и одновременно усиливают ее выразительность.

Яркую эмоционально-экспрессивную окраску в произведениях автора приобретают новообразования, входящие в тематическую группу слов «политика», то есть выполняющие (условно и буквально) «идеологическую» функцию.

Окказионализмы писателя способны выполнять интерлингвистическую функцию, представляющую собой воздействие одной языковой системы на другую, что находит отражение в заимствованиях.

Заключение

1. Окказиональное словообразование, будучи одной из актуальных проблем современной лингвистической науки, является объектом пристального внимания ученых-дериватологов. Открытым остается вопрос о разграничении неологизмов, окказионализмов и потенциальных лексических единиц, об определении сущностных и структурных признаков индивидуально-авторских новообразований. Сложность и синкретизм окказиональной лексики обуславливают полиаспектный характер ее рассмотрения.

2. В словотворчестве В.Аксенова представлены как узуальные (префиксация, суффиксация, конфиксация, сложение, аббревиация), так и окказиональные (гендиадис, контаминация, неморфемное усечение, графические способы, заменительная деривация, креация, диереза, эпентеза) способы создания неолексем.

3. В области узуального словообразования для автора характерно обращение прежде всего к именной префиксации. При помощи приставок создаются имена существительные и прилагательные преимущественно с модификационным типом словообразовательного значения. Среди суффиксальных окказионализмов писателя встречаются имена существительные, прилагательные, глаголы и наречия. Путем конфиксации образованы окказиональные наречия, глаголы и отдельные глагольные формы. Последние в результате чересступенчатого словообразования могут мотивироваться именами существительными, относящимися к различным лексико-грамматическим разрядам.

4. Наиболее частотны в текстах романов В.Аксенова окказионализмы, являющиеся результатом сложения нескольких основ или слов. Данный способ характерен для индивидуально-авторских имен существительных.

В словотворчестве писателя достаточно регулярно встречаются неузуальные аббревиатуры. Они представляют собой традиционные сокращения инициального типа, сочетания начальной части одного слова с другим, аббревиатуры слогового типа и усечения.

5. Специфическими для языка писателя являются неолексемы-рифмованные сложения, созданные при помощи гендиадиса. Они обладают разговорной стилистической окраской и характеризуются трансформациями производящих основ.

В сфере неузуальных способов словообразования следует выделить контаминацию и ее разновидности. Она способствует возникновению семантической многомерности окказионализма и усилению его экспрессивности, что помогает достичь комического эффекта.

Обращаясь к графическим способам, В.Аксенов использует интеграцию, виртуальную деривацию и окказиональные дефисные комплексы. Последние, будучи синкретичными конструкциями, совмещают в себе признаки единиц различных языковых уровней – композитов, словосочетаний и предложений. Наличие образований подобной структуры свидетельствует о креативности его языкового мышления.

6. Для автора характерно создание новообразований путем неморфемного усечения, заменительной деривации и креации. Отступление от языкового канона, наблюдаемое в таких окказионализмах, отражает экспериментальный характер его словотворчества.

В.Аксенов использует редкие в окказиональном словообразовании способы: диерезу, метатезу с диерезой, эпентезу и метатезу в сочетании с эпентезой. В неолексемах, образованных с их помощью, отмечается наивысшая степень нестандартности.

7. Разнообразие словообразовательных моделей, по которым строится большинство окказиональных слов писателя, предпочтение, отдаваемое определенным словообразовательным формантам и чересступенчатому словообразованию, а также тот факт, что его новообразования зачастую выступают в качестве производящей основы для других слов, свидетельствуют о системном и последовательном характере его речетворческой деятельности.

8. Новообразования писателя характеризуются смысловым многообразием. Автор создает окказиональные имена собственные (антропонимы и топонимы), наименования лиц, частей тела, артефактов, отвлеченных понятий, процессов и признаков.

Среди антропонимов в соответствии с их семантикой и внутренней формой выделяются обозначения людей по внешнему признаку, трансформированные прецедентные феномены, рифмованные отзвучия и антропонимические дефисные комплексы. В группу топонимов входят названия стран, областей, штатов, а также ойконимы, комонимы и урбонимы.

Самую большую смысловую группу составляют окказиональные наименования лиц (женского пола, по профессии, национальности, месту жительства, внешним признакам, поведению и чертам характера). Новообразования, именующие людей, в основном обладают пейоративной окраской, что связано с их общественно-политической коннотацией.

9. Неузуальные наименования конкретных предметов могут использоваться для называния транспортных средств, зданий и сооружений, предметов быта, оружия, одежды и продуктов питания. Большинство новообразований данной группы обладают выраженной экспрессивной окраской и зачастую соотносятся с заимствованными основами.

Среди окказионализмов с отвлеченной семантикой выделяются собственно отвлеченные понятия, обозначения внешнего облика человека, наименования идеологических, литературных и искусствоведческих течений, а также профессиональной деятельности, черт характера и поведения человека. Лексические единицы данной смысловой группы отличаются структурно-семантическим разнообразием. Их характеризуют экспрессивный характер и повышенная смысловая нагрузка, усиливающиеся за счет соответствующего лексического окружения.

10. В наименованиях действий и процессов важное место занимают глаголы движения, речи и поведения. Окказиональные предикаты нередко содержат в себе

оценочную коннотацию, позволяя автору выразить отношение к определенным персонажам.

К наименованиям признаков относятся прилагательные, описывающие внешний облик и внутренний мир человека, различные явления природы, окказионализмы со значением посессивности, с количественно-временной, цветовой и параметрической семантикой.

11. Смысловое многообразие окказиональной лексики писателя объясняется тем, что с ее помощью он отражает собственное, «аксеновское» мировидение: ироничное, игровое, в меру гротескное и циничное. В семантической структуре его новообразований всегда возникают дополнительные оттенки значения, что обусловлено стремлением автора к достижению максимальной емкости, образности и выразительности.

12. Функции окказиональных слов В.Аксенова соотносятся с функциями узуальных лексических единиц и языка в целом. Многим новообразованиям писателя свойственна полифункциональность.

В работе установлено, что окказионализмы писателя, называя различные классы понятий, могут выполнять номинативную функцию и заполнять лексико-словообразовательные лакуны.

13. Окказионализмы В.Аксенова представляют собой особый тип изобразительно-выразительных средств, эмоционально-экспрессивная окраска которых, как правило, сопровождается ярко выраженной оценочностью и образностью. Экспрессивность создается за счет стилистически маркированных словообразовательных средств и производящих основ, трансформации морфемной структуры лексической единицы, функционирования в рамках одного контекста окказиональных кодериватов, наличия определенного лексического окружения и противопоставления разных явлений. В авторских неологизмах может быть заключена оценка как со знаком плюс, так и минус. Окказионализмы с мелиоративной коннотацией используются писателем нечасто. Распространенность

лексических единиц с пейоративной окраской обусловлена его негативным отношением к эпохе тоталитаризма.

14. Для писателя характерно активное обращение к языковой игре, реализующейся в таких явлениях, как онимизация, последовательная контекстуальная дезонимизация, чередование фонем и слогов, гомеология и трансформации морфемного состава незуальных лексических единиц. Языковая игра писателя основана на интеграции и наложении разных словообразовательных типов и моделей. Одной из разновидностей данной функции является конструктивно-моделирующая. Она выражается в создании новообразований при помощи аффиксов с несвойственным им деривационным значением, присоединении зуальных аффиксов к незуальным корням, а также в образовании окказионализмов по словообразовательным моделям, представленным в чистом виде. Игровая функция окказионализмов в полной мере соотносится с постоянными языковыми поисками и внутрисловными преобразованиями, характерными для идиостиля автора.

15. Особый тип экспрессии в текстах романов В.Аксенова создают новообразования, выполняющие интертекстуальную функцию. Данный факт объясняется стремлением автора расширить социокультурный контекст своих произведений за счет прецедентных феноменов.

Окказионализмы писателя могут выполнять компрессивную функцию. Они способствуют усилению смысловой емкости и плотности текста, а также увеличению его экспрессивной насыщенности.

Яркую эмоционально-экспрессивную окраску в произведениях автора приобретают новообразования, выполняющие «идеологическую» функцию. Регулярно используя в текстах произведений окказионализмы с общественно-политической коннотацией, В.Аксенов выражает свое отношение к реалиям советской эпохи, ко многим атрибутам нового времени и его представителям, а

также к переходным политическим явлениям, находящимся на стыке советской и российской эпох.

Неолексемы писателя способны выполнять интерлингвистическую функцию. Для идиостиля автора характерно регулярное создание новообразований на основе английских слов и выражений. Они представляют собой иноязычные лексемы в кириллической транслитерации, полукальки, а также лексические единицы, созданные путем присоединения к заимствованным основам русских аффиксов.

16. Перспектива диссертационного исследования предполагает увеличение исследовательской базы, во-первых, благодаря включению в ее состав окказионализмов, извлеченных из произведений раннего периода творчества писателя, а во-вторых, за счет сопоставления новообразований В.Аксенова с окказионализмами других авторов этой эпохи.

Список источников

1. *Аксенов В.П.* Кесарево свечение. – М.: Изографус, Эксмо, 2002. – 640 с. (КС)
2. *Аксенов В.П.* Ленд-лизские. Lend-leasing. – М.: Эксмо, 2010. – 256 с. (Л-Л)
3. *Аксенов В.П.* Москва Ква-Ква. – М.: Эксмо, 2011. – 480 с. (МКК)
4. *Аксенов В.П.* Новый сладостный стиль. – М.: Изограф, 1997. – 560 с. (НСС)
5. *Аксенов В.П.* Ожог. – М.: Эксмо, 2011. – 672 с. (О)
6. *Аксенов В.П.* Редкие земли. – М.: Эксмо, 2007. – 448 с. (РЗ)
7. *Аксенов В.П.* Таинственная страсть (роман о шестидесятниках). Авторская версия. В 2х томах. Том 1. – М.: Семь дней, 2011. – 440 с. (ТС 1)
8. *Аксенов В.П.* Таинственная страсть (роман о шестидесятниках). Авторская версия. В 2х томах. Том 2. – М.: Семь дней, 2011. – 240 с. (ТС 2)

Список использованной литературы

1. *Аврорин В.А.* Проблемы изучения функциональной стороны языка / В.А.Аврорин. – Л.: Наука, 1975. – 276 с.
2. *Агапова Е.С.* Языковая репрезентация темпоральности в «моложенной прозе» В.Аксенова (на материале повестей «Коллеги», «Звездный билет», «Апельсины из Марокко», «Пора, мой друг, пора»): автореф. дис. ... канд. филол. Наук / Е.С.Агапова. – Казань, 2013. – 24 с.
3. *Алексеев А.Я.* Эмоциональность, экспрессивность и словообразование / А.Я.Алексеев // Словообразование и его место в курсе обучения иностранному языку. Ежегодный межвузовский тематический научный сборник. Вып. 4. – 1977. – Владивосток: Изд-во ДВГУ. – С. 43-48.
4. *Алешина Л.В.* Ономастологические классы имен существительных (на материале индивидуально-авторских образований Н.С. Лескова): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л.В.Алешина. – Орел, 1990. – 20 с.
5. *Амири Л.П.* Особенности словообразовательной игры в современной рекламе (На материале новообразований-существительных) / Л.П.Амири // Развитие

словообразовательной и лексической системы русского языка: Материалы III Республиканского научного семинара (18-21 ноября, г. Саратов). – Саратов: Наука, 2009. – С. 12-20.

6. *Араева Л.А.* Словообразовательный тип / Л.А.Араева. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 272 с.

7. *Астафьев А.Ю.* Художественные функции окказионализмов (на материале поэм В.В. Маяковского): автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.Ю.Астафьев. – М., 2007. – 16 с.

8. *Ахмадулина Б.А.* Веселье дружбы / Б.А.Ахмадулина // Октябрь. №7. – 2007. – С. 222-225.

9. *Бабенко Н.Г.* Окказиональное в художественном тексте. Структурно-семантический анализ: Учебное пособие / Н.Г.Бабенко. – Калининград: Изд-во Калининград. ун-та, 1997. – 87 с.

10. *Бакина М.А.* Словотворчество / М.А.Бакина // Языковые процессы современной русской художественной литературы. Поэзия. – М., 1977. – С. 78-128.

11. *Балалыкина Э.А.* Русское словообразование: учеб. пособие / Э.А.Балалыкина, Г.А.Николаев. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1985. – 184 с.

12. *Баталов О.Г.* Когнитивно-функциональный аспект окказионального словообразования в художественном тексте: дис. ... канд. филол. наук / О.Г.Баталов. – Н.Новгород, 2004. – 242 с.

13. *Белл Р.Т.* Социолингвистика. Цели, методы, проблемы / Р.Т.Белл. – М.: Международные отношения, 1980. – 320 с.

14. *Белова Н.А.* О когнитивно-дискурсивном подходе к изучению функций неузальных дериватов / Н.А.Белова // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2012» / Отв. ред. А.И. Андреев, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, К.К. Андреев, М.В. Чистякова. – М.: МАКС Пресс, 2012. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM).

15. *Белоусова Е.А.* Окказиональное слово в произведениях современной научной фантастики: автореф. дис. ... канд. филол. Наук / Е.А.Белоусова. – Майкоп, 2002. – 20 с.
16. *Беляева Л.В.* Окказионализмы Ф.М. Достоевского: автореф. дис. ... канд. филол. наук /Л.В.Беляева. – Л., 1990. – 16 с.
17. *Блинова Е.В.* Окказиональное отфразеологическое слово- и словотворчество в художественном тексте (на материале художественной литературы XX века): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.В.Блинова. – Иваново, 2006. – 22 с.
18. *Блумфилд Л.* Язык / Л.Блумфилд. – М.: Прогресс, 1968. – 608 с.
19. *Богушевич Д.Г.* Единица, функция уровень: К проблеме классификации единиц языка / Д.Г.Богушевич. – Минск: Вышэйшая школа, 1985. – 116 с.
20. *Большакова Т.И.* Иноязычные вкрапления в художественных произведениях В.П.Аксенова: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т.И.Большакова. – Воронеж, 2008. – 25 с.
21. *Бондарко А.В.* Грамматическая категория и контекст / А.В.Бондарко. – Л.: Наука, 1971. – 115 с.
22. *Бондарко А.В.* Функциональная грамматика / А.В.Бондарко. – Л.: Наука, 1984. – 134 с.
23. *Брайнина Т.Д.* Языковая игра в произведениях Саши Соколова / Т.Д.Брайнина. – Язык как творчество. Сборник статей к 70-летию В.П. Григорьева. – М.: «ИРЯ РАН», 1996 – С. 276-283.
24. *Брунова Е.Г.* Слово как магический инструмент / Е.Г.Брунова // Журнал «Language & Science». №2. – 2013. – С. 17-23.
25. *Бышук О.П.* Типы и функции новообразований в творчестве С. Кржижановского: автореф. дис. ... канд. филол. наук / О.П.Бышук. – Ярославль, 2008. – 23 с.

26. *Бюлер К.* Теория языка. Репрезентативная функция языка / К.Бюлер. – М.: Прогресс, 1993. – 501 с.
27. *Виноградова В.Н.* Словотворчество В.Набокова / В.Н.Виноградова, И.С.Улукханов. – Язык как творчество. Сборник статей к 70-летию В.П. Григорьева. – М.: «ИРЯ РАН», 1996. – С. 267-276.
28. *Винокур Г.О.* Маяковский – новатор языка / Г.О.Винокур. – М: Советский писатель, 1943. – 136 с.
29. *Володько Н.А.* Языковая игра на основе имен собственных в прозе современных писателей-сатириков / Н.А.Володько // Мир русского слова. №2. – 2013. – М.: РОПРЯЛ. – С. 59-62.
30. *Вольф Е.М.* Функциональная семантика оценки / Е.М.Вольф. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 280 с.
31. *Гаджимурадова Б.Н.* Индивидуально-авторские неологизмы в современной поэзии (словообразовательная и семантико-стилистическая характеристика): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Б.Н.Гаджимурадова. – Махачкала, 2003. – 26 с.
32. *Гак В.Г.* О современной французской неологии / В.Г.Гак // Новые слова и словари новых слов. – Л.: Наука, 1978. – С. 37-52.
33. *Гак В.Г.* Языковые преобразования / В.Г.Гак. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 768 с.
34. *Геуркова Н.А.* Индивидуально-авторские новообразования в поэзии А. Вознесенского и Р.Рождественского 60-70 годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.А.Геуркова. – М., 1986. – 17 с.
35. *Голобородько К.Ю.* Окказионализмы в поэзии С. Кирсанова: автореф. дис. ... канд. филол. наук / К.Ю.Голобородько. – Харьков, 1993. – 17 с.
36. *Головачева О.А.* Окказионализмы в идиолекте Н.С.Лескова: модели и способы создания, функции слов признаковой лексики: автореф. дис. ... канд. филол. наук / О.А.Головачева. – Москва, 2001. – 16 с.

37. *Голуб И.Б.* Стилистика русского языка / И.Б.Голуб. – М.: Изд-во «Рольф», 2010. – 448 с.
38. *Горовая И.Г.* Авторские окказионализмы в романе А.И. Солженицына «Красное колесо» / «Август четырнадцатого» (на материале сложных прилагательных): автореф. дис. ... канд. филол. наук / И.Г.Горовая.–СПб,2009. – 24 с.
39. *Григорьев В.П.* Словотворчество и смежные проблемы языка поэта / В.П.Григорьев. – М.: Наука, 1986. – 256 с.
40. *Гугунава Д.В.* Функционирование иноязычных элементов в современной литературной критике. / Д.В.Гугунава. URL: http://www.gramota.ru/biblio/magazines/mrs/28_500.
41. *Гугунава Д.В.* Особенности словотворчества в современной литературной критике. / Д.В.Гугунава. URL: <http://www.rl-critic.ru/new/occas.pdf>.
42. *Гурцкая Г.Б.* Авторские новообразования Ф. Искандера: функционально-прагматический и структурно-семантический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г.Б.Гурцкая. – Майкоп, 2011. – 24 с.
43. *Демидов О.В.* Интерференция как тенденция современного русского языка / О.В.Демидов // Вестник Челябинского государственного университета. Журналистика. Серия 11. №1(2). – 2005. – С. 78-80.
44. Динамика семантико-словообразовательных подсистем русского языка: Коллективная монография / Под ред. проф. О.И. Дмитриевой. – Саратов: Научная книга, 2010. – 370 с.
45. *Ежкова О.А.* Субстантивные новообразования в поэтическом языке М.И. Цветаевой: автореф. дис. ... канд. филол. наук / О.А.Ежкова. – Магадан, 2000. – 240 с.
46. *Есперсен О.* Философия грамматики / О.Есперсен. – М: Издательство иностранной литературы, 1958. – 400 с.
47. *Зуева Н.Ю.* Окказиональная лексическая сочетаемость в ее отношении к языку и речи (на материале произведений Л. Леонова): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.Ю.Зуева. – Алма-ата, 1990. – 24 с.

48. *Жабаева Ю.И.* Структурно-семантические и функциональные особенности окказионализмов В. Высоцкого: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю.И.Жабаева. – М., 2010. – 22 с.
49. *Жданова Е.А.* Префиксальные неологизмы-существительные в русском языке конца XX века / Е.А.Жданова // Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка: Материалы III Республиканского научного семинара (18-21 ноября, г. Саратов). – Саратов: Наука, 2009. – С. 64-71.
50. *Завадская А.В.* «Эпатажная лексика» в поэзии русских футуристов: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.В.Завадская. – Самара, 2008. – 19 с.
51. *Заика В.И.* Об эстетической реализации языка / В.И.Заика // Вестник Новгородского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». №15. – 2000. – Новгород: Изд-во Новгород. ун-та. – С. 91-96.
52. *Залесова О.В.* Языковая игра в творчестве В. Аксенова: автореф. дис. ... канд. филол. наук / О.В.Залесова. – Ростов н/Д, 2002. – 196 с.
53. *Зайнульдинов А.А.* К вопросу о соотношении семантических категорий: [экспрессивность[эмоциональность[эмоциональная оценочность]]] / А.А.Зайнульдинов // Мир русского слова. № 2. – 2009. – СПб: МИРС. – С. 28-34.
54. *Захидова Л.С.* Специфика идиостиля Ю. Полякова (лексико-семантический аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л.С.Захидова. – Абакан, 2009. – 18 с.
55. *Зекрист Р.И.* Идеологически нагруженный язык как орудие власти / Р.И.Зекрист // Вестник Челябинского государственного университета. Философия. Социология. Культурология. Вып. 28. №35(289). – 2012. – С. 66-72.
56. *Земская Е.А.* Функциональный подход к изучению деривационных морфем / Е.А.Земская // Морфемика. Принципы и методы системного описания. Межвузовский сборник. – Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1987. – С. 65-73.
57. *Земская Е.А.* Словообразование как деятельность / Е.А.Земская. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 224 с.

58. *Золотова Г.А.* Коммуникативная грамматика русского языка / Г.А.Золотова, Н.К.Онипенко, М.Ю.Сидорова. – М: ИПО «Лев Толстой», 1998. – 528 с.
59. *Ильясова С.В.* Олигарх Олигархович, или Словотворчество в языке современных СМИ (на материале наименований лиц) / С.В.Ильясова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. №6 (2). – 2011. – Н.Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та. – С. 217-221.
60. *Ильясова С.В.* Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы / С.В.Ильясова, Л.П.Амири. – М.: ФЛИНТА, 2013. – 296 с.
61. *Кабаков А.А.* Аксенов=Аксенов=Аксенов / А.А.Кабаков // Октябрь. №7. – 2007. – С. 225-227.
62. *Казачевская О.В.* Проблема определения «специализированной» языковой функции метки / О.В.Казачевская // Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика». №2. – 2011 – М.: Изд-во МГОУ. – С. 59–61.
63. *Калинин А.В.* Лексика русского языка / А.В.Калинин. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. – 232 с.
64. *Киклевич А.К.* Двенадцать функций языка / А.К.Киклевич // Мир русского слова. № 3. – 2009. – СПб: ИД «МИРС». – С. 5-13.
65. *Кислицина Ю.А.* Тематические группа заимствований в романе В.П.Аксенова «Остров Крым» / Ю.А.Кислицина // Молодые голоса: сб. науч. тр. – Екатеринбург, 2011. – С. 19-27.
66. *Кожевникова Н.А.* Окказионализмы А. Белого и словарь В.И. Даля / Н.А.Кожевникова. // Язык и речь как объекты комплексного филологического исследования. – Калинин: Калининский государственный университет, 1981. – С. 120-140.
67. *Колесова Н.В.* Заимствования в идиостиле В.Аксенова: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.В.Колесова. – Барнаул, 2005 – 20 с.

68. *Корнеева Т.А.* Сложные адъективные новообразования в языке поэзии русских символистов: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т.А.Корнеева. – Казань, 2001. – 24 с.
69. *Королев А.В.* Редкая земля / А.В.Королев // Октябрь. №7. –2007.–С.247-250.
70. *Коршунова Т.Н.* Семантико-derivационная структура и функционирование новообразований в художественных произведениях Игоря Северянина: дис. ... канд. филол. наук / Т.Н.Коршунова. – Орел, 1999. – 194 с.
71. *Коряковцева Е.И.* Словообразовательные ресурсы новых функциональных стилей славянских языков / Е.И.Коряковцева // Word-formation and the new functional styles of Slavic languages. Papers in thematic session XV International Congress of Slavists, 20-27.08. – 2013. – Siedlce: Wydawnictwo Uniwersitetu Przyrodniczo-Humanistycznego w Siedlcach. – P. 9-38.
72. *Костина С.А.* Типы и функции новообразований П.А. Вяземского: автореф. дис. ... канд. филол. наук / С.А.Костина. – М., 2002. – 250 с.
73. *Котелова Н.З.* Первый опыт лексикографического описания русских неологизмов / Н.З.Котелова // Новые слова и словари новых слов. – Л.: Наука, 1978. – С. 5-26.
74. *Кронгауз М.А.* Приставки и глаголы в русском языке: Семантическая грамматика / М.А.Кронгауз. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 288 с.
75. *Кошелева С.В.* Новообразования в идиолекте Андрея Белого (на материале романов «Петербург» и «Москва»): автореф. дис. ... канд. филол. наук / С.В.Кошелева. – Орел, 2003. – 19 с.
76. *Купина Н.А.* Стилистика современного русского языка: учебник для бакалавров / Купина Н.А., Матвеева Т.В. – М.: Юрайт, 2013. – 415 с.
77. *Леонтьев А.А.* Язык, речь, речевая деятельность / А.А.Леонтьев. – М.: Просвещение, 1969. – 214 с.

78. *Литовченко М.А.* Особенности языковых функций в рамках политической коммуникации / М.А.Литовченко // Журнал «Политическое управление». №2(03). – 2012. – С. 12-18.
79. *Лопатин В.В.* Рождение слова / В.В.Лопатин. – М: «Наука», 1973 – 152 с.
80. *Лукьянова Н.А.* Категории слова. Экспрессивность как семантическая категория / Н.А.Лукьянова // Языковые категории в лексикологии и синтаксисе. Межвуз. сб. науч. ст. – 1991. – Новосибирск. – С. 3–23.
81. *Лыков А.Г.* Современная лексикология (русское окказиональное слово) / А.Г.Лыков. – М.: Высшая школа, 1976. – 120 с.
82. *Ляхович И.В.* Окказиональная деривация как способ и средство создания языковой картины мира: На материале языка поэтических текстов В. Хлебникова: дис. ... канд. филол. наук / И.В.Ляхович. – Краснодар, 2003. – 186 с.
83. *Малянова Л.В.* Функционально-стилистическое исследование языка русской литературы серебряного века (поэтические неологизмы Игоря Северянина): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л.В.Малянова. – Самара, 1998. – 18 с.
84. *Маринова Е.В.* Визуальные неологизмы: новая графика «старых» слов / Е.В.Маринова // Вестник Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. № 1(6). – 2005. – Н.Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та. – С. 127-132.
85. *Мартине А.* Основы общей лингвистики / А.Мартине // Новое в лингвистике. Вып.3. – М.: Иностранная литература, 1963. – С. 366-566.
86. *Масленников Д.Б.* Окказионализмы в футуристической поэзии и особенности их функционирования: дис. ... канд. филол. наук / Д.Б.Масленников. – Уфа, 2000. – 282 с.
87. *Матвеева Т.В.* Лексическая экспрессивность в языке: Учеб. пособие по спецкурсу / Т.В.Матвеева. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1986. – 92 с.
88. *Метликина Л.С.* Окказиональное словотворчество в прозе Б.А. Пильняка: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л.С.Метликина. – М., 2010. – 20 с.

89. *Мечковская Н.Б.* Социальная лингвистика: учеб. пособие для студентов гуманитар. вузов и учащихся лицеев / Н.Б.Мечковская. – М.: Изд-во «Аспект Пресс», 2000. – 207 с.

90. *Миськевич Г.И.* Новые слова, их восприятие и нормативная оценка (проблема новых слов в культурно-речевом аспекте) / Г.И.Миськевич, Л.К.Чельцова // Актуальные проблемы культуры речи. – М.: Наука, 1970. – С. 243-277.

91. *Михалев А.Б.* Общее языкознание. История языкознания: Путеводитель по лингвистике: Конспект-справочник / А.Б.Михалев. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 240 с.

92. *Напцок М.Р.* Словотворчество в художественной прозе русского зарубежья (первая волна эмиграции: И.А. Бунин, Е.И. Замятин, В.В. Набоков): автореф. дис. ... канд. филол. наук / М.Р.Напцок. – Майкоп, 2001. – 20 с.

93. *Намитокова Р.Ю.* Авторские неологизмы: словообразовательный аспект / Р.Ю.Намитокова. – Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1986. – 160 с.

94. *Нарынская М.Ю.* Структурно-семантические особенности лексико-семантических окказионализмов в идиолекте М.И. Цветаевой: автореф. дис. ... канд. филол. наук / М.Ю.Нарынская. – Ростов н/Д, 2004. – 26 с.

95. *Несмачнова Е.В.* Эмотивная функция языка в немецкой устной разговорной речи / Е.В.Несмачнова // Вестник ВолГУ. Серия 9. Вып. 11. – 2013. – Волгоград: Изд-во ВолГУ. – С. 190-194.

96. *Николаев Г.А.* Лекции по русскому словообразованию: учеб. пособие / Г.А.Николаев. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2009. – 188 с.

97. *Николина Н.А.* Активные процессы в языке современной русской художественной литературы: Монография / Н.А.Николина. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2009. – 336 с.

98. *Николина Н.А.* «Скорнение» в современной речи / Н.А.Николина // Язык как творчество. Сборник статей к 70-летию В.П.Григорьева. – М.: «ИРЯ РАН», 1996. – С. 309-318.

99. *Николина Н.А.* Функционирование дефисных комплексов в современной речи / Н.А.Николина // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. №6 (2). – 2011. – Н.Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та. – С. 467-469.
100. *Никульцева В.В.* Сравнительный анализ неолексиконов Игоря Северянина и Алексея Крученых / В.В.Никульцева // Вестник Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. №6 (2). – 2011. — Н.Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та. – С. 470-473.
101. *Нистратова С.Л.* Контакттоустанавливающая функция языка и сферы ее проявления / С.Л.Нистратова // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. Вып. 20. – 2001. – М.: Макс Пресс, 2001. – С. 63-68.
102. *Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка /* Под ред. Б.А.Серебренникова. – М.: «Наука», 1970. – 604 с.
103. *Попова З.Д.* Общее языкознание. Учебное пособие / З.Д.Попова. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1987. – 212 с.
104. *Попова Т.В.* Графодеривация в русском словообразовании конца XX - начала XXI в. / Т.В.Попова // Русский язык: исторические судьбы и современность. III Международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы. – М., 2007. – С. 230-231.
105. *Попова Т.В.* Неология и неография современного русского языка / Т.В.Попова, Л.В.Рацибурская, Д.В.Гугунава. – М.: Флинта, 2005. – 168 с.
106. *Попова Т.В.* Полифункциональность русского дефиса / Т.В.Попова // Вестник Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. №4 (2). – 2010. – Н. Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та. – С. 682-686.
107. *Потебня А.А.* Эстетика и поэтика / А.А.Потебня. – М.: Искусство, 1976. – 614 с.
108. *Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. Том 1. / А.А.Потебня. – Воронеж: Типография Гольдштейна, 1874. – 161 с.
109. *Рассоха М.Н.* К проблеме функций языка: функция идентификации / М.Н.Рассоха // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного

технического университета. №1-2 (9). – 2012. – Комсомольск-на-Амуре: Изд-во КнАГТУ. – С. 40-47.

110. *Рацибурская Л.В.* Демократизация языка современных СМИ / Л.В.Рацибурская, И.Ю.Первухина // Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка: Материалы III Республиканского научного семинара (18-21 ноября, г. Саратов). – Саратов: Наука, 2009. – С. 144-151.

111. *Рацибурская Л.В.* Проблемы словотворчества в современных российских СМИ: Учебно-методическое пособие / Л.В.Рацибурская, Н.А.Самыличева, А.В.Шумилова. – Нижний Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та, 2013. – 66 с.

112. *Рацибурская Л.В.* Современные тенденции в словообразовании русского и чешского языков / Л.В.Рацибурская, А.А.Тимофеева // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. №6 (2). – 2011. – Н.Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та. – С. 574-578.

113. *Рацибурская Л.В.* Словообразовательные инновации как отражение социальных изменений в современной России / Л.В.Рацибурская // Новые явления в славянском словообразовании: система и функционирование. – М.: Изд-во Мос. ун-та, 2010. – С. 287-300.

114. *Ревзина О.Г.* Поэтика окказионального слова / О.Г.Ревзина // Язык как творчество. Сборник статей к 70-летию В.П.Григорьева. – М.: «ИРЯ РАН», 1996. – С. 303-308.

115. Русская грамматика: В 2-х т. Т.1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / Под ред. Н.Ю.Шведовой. – М.: Наука, 1980. – 784 с.

116. *Самыличева Н.А.* Потенциальные слова как средство экспрессивизации текста / Н.А.Самыличева // Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка: Материалы III Республиканского научного семинара (18-21 ноября, г. Саратов). – Саратов: Наука, 2009. – С. 161-167.

117. *Сидорова Т.А.* Когнитивный аспект традиционных проблем словообразования и морфемики / Т.А.Сидорова. – Архангельск, 2012. – 480 с.
118. *Сичинава Ю.Н.* Особенности проявления языковой личности в окказиональном словотворчестве (на материале текстов В. Маяковского и И. Северянина): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю.Н.Сичинава. – Краснодар, 2007. – 22 с.
119. *Сопова Т.Г.* Языковая игра в контексте демократизации художественной речи в последние десятилетия XX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т.Г.Сопова. – СПб, 2007. – 22 с.
120. *Степанов Ю.С.* Семиотические структуры языка (три функции и три формальных аппарата языка) / Ю.С.Степанов // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. № 4. Т. 32. – 1973. – С. 340-355.
121. *Телия В.Н.* Экспрессивность / В.Н.Телия // Русский язык. Энциклопедия. – М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. – С. 637– 638.
122. *Теньер Л.* Основы структурного анализа / Л.Теньер. – М: Прогресс, 1988. – 654 с.
123. *Тимашова Ж.Е.* Индивидуально-авторские новообразования в поэтической речи символистов (на материале произведений А. Белого и В.Иванова): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ж.Е.Тимашова. – Белгород, 2011. – 24 с.
124. *Тихонов А.Н.* Современный русский язык. (Морфемика. Словообразование. Морфология) / А.Н.Тихонов. – М.: Цитадель-трейд, 2002. – 464 с.
125. *Тошович Б.* Функции языка / Б.Тошович // Язык и социум: Материалы III Междунар. науч. конф., Минск, 4-5 дек. 1998 г. – Мн.: БГУ, 2000. – С. 3-22.
126. *Троянова И.М.* Когнитивная функция как одна из важнейших функций языка / И.М.Троянова // Вестник ТГПУ. Вып. 2 (76). – 2008. – Томск: Изд-во ТГПУ. – С. 56-58.
127. *Улуханов И.С.* Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация / И.С.Улуханов. – М.: Астра семь, 1996. – 224 с.

128. *Улуханов И.С.* Узуальные и окказиональные единицы словообразовательной системы / И.С.Улуханов // Вопросы языкознания. №1. – 1984. – С. 44-54.
129. *Фадеева Т.М.* Структурные особенности окказиональных сложных эпитетов / Т.М.Фадеева // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. № 6 (2). – 2011. – Н.Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та. – С. 680 – 683.
130. *Фатхутдинова В.Г.* Последовательная производность как универсальное свойство словообразовательных систем русского и татарского языков / В.Г.Фатхутдинова // Ученые записки Казанского государственного университета. Том 148. Серия Гуманитарные науки. Книга 3. – 2006. – Казань: Изд-во Казан. ун-та. – С.154–160.
131. *Фельде О.В.* Прозвища политиков в свете теории языковой игры / О.В.Фельде // Игра как прием текстопорождения: Коллективная монография. – Красноярск, 2010. С. 288-296.
132. *Филатова А.С.* Тематические группы русского языка в мотивационно-сопоставительном аспекте: дис. ... канд. филол. наук / А.С.Филатова. – Томск, 2004. – 295 с.
133. *Фомина Л.Н.* Типы и функции новообразований в поэзии эгофутуристов: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л.Н.Фомина. – М., 2005. – 22 с.
134. *Халявина Д.В.* Индивидуально-авторские новообразования в идиолекте В. Каменского: структурно-семантический и функционально-прагматический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Д.В.Халявина. – Белгород, 2011. – 24 с.
135. *Ханпира Э.И.* Окказиональное словообразование В.В. Маяковского (отыменные глаголы и причастия): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Э.И.Ханпира. – М., 1966. – 16 с.
136. *Химик В.В.* Экспрессивно-оценочный потенциал русского модификационного словообразования / В.В.Химик // Новые явления в славянском

словообразовании: система и функционирование. – 2010. – М.: Изд-во МГУ. – С. 376-389.

137. *Хромова С.А.* Индивидуально-авторское словотворчество в его отношении к языковому словообразовательному стандарту (на материале произведений К.Бальмонта и И.Северянина): автореф. дис. ... канд. филол. наук / С.А.Хромова. – Саратов, 2007. – 20 с.

138. *Хромова С.А.* Индивидуально-авторское словотворчество в свете проблемы эмпирической базы дериватологии / С.А.Хромова // Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка: Материалы III Республиканского научного семинара (18-21 ноября, г. Саратов). – Саратов: Наука, 2009. – С. 191-200.

139. *Целищев Н.Н.* Функциональная многозначность языка / Н.Н.Целищев // Международный научный журнал «Аграрное образование и наука». №3. – 2013. – С. 40-46.

140. *Черкасова А.А.* О некоторых грамматических признаках билексемы как особой единицы языка / А.А.Черкасова // Вестник Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. №3 (1). – 2010. – Н.Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та. – С. 347-350.

141. *Черкасова М.А.* Аббревиатуры делового дискурса с когнитивной точки зрения / М.А.Черкасова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. №1(31). – 2014. – Тамбов: Грамота. – С. 200-202.

142. *Чижик Н.А.* Мотивационно-сопоставительный аспект исследования предметно-бытовой лексики русского языка: дис. ... канд. филол. наук / Н.А.Чижик. – Томск, 2005. – 218 с.

143. *Шаховский В.И.* Креативная функция языка / речи в номинации новых контекстуальных понятий / В.И.Шаховский, Н.И.Коробкина // Известия ВГПУ. №2 (261). – 2013. – Волгоград: Изд-во ВГПУ. – С. 180-186.

144. *Швецова В.М.* Индивидуально-авторские конструкции в системе расширения современного русского языка (на материале произведений А.И.

Солженицына): автореф. дис. ... канд. филол. наук / В.М.Швецова. – Тамбов, 2000. – 26 с.

145. *Шишикина А.А.* Особенности функционирования новообразований с именной префиксацией в языке современных российских СМИ / А.А.Шишикина // Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка: Материалы III Республиканского научного семинара (18-21 ноября, г. Саратов). – Саратов: Наука, 2009. – С. 207-217.

146. *Шумилова А.В.* Словообразование по конкретному образцу и заменительная деривация (на материале новообразований из нижегородских газет) / А.В.Шумилова // Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка: Материалы III Республиканского научного семинара (18-21 ноября, г. Саратов). – Саратов: Наука, 2009. – С. 217-222.

147. *Шувалова О.С.* Индивидуально-авторские конструкции в современной русской прозе (на примере романа Саши Соколова «Палисандрия»): автореф. дис. ... канд. филол. наук / О.С.Шувалова. – Тамбов, 2012. – 25 с.

148. Языковая номинация (виды наименований) / Институт языкознания АН СССР. – М.: Наука, 1977. – 358 с.

149. Языковая номинация (общие вопросы) / Институт языкознания АН СССР. – М.: Наука, 1977. – 360 с.

150. *Якобсон Р.* Лингвистика и поэтика / Р.Якобсон // Структурализм «за» и «против». – М.: Прогресс, 1975. – С. 193-230.

151. *Янко-Триницкая Н.А.* Словообразование в современном русском языке / Н.А.Янко-Триницкая. – М.: Индрик, 2001. – 504 с.

152. *Ярмашевич М.А.* Простое и сложное усечение как способ образования русских аббревиатур / М.А.Ярмашевич // Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка: Материалы III Республиканского научного семинара (18-21 ноября, г. Саратов). – 2009. – Саратов: Наука. – С. 222-234.

153. Яцук Н.Д. Лексические новообразования в прозе и публицистике Ю.М.Полякова: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.Д.Яцук. – Ижевск, 2011.– 24 с.

154. Breznik I.S. Okazionalno besedotvorje v slovenskih oglasih / I.S.Breznik // Word-formation and the new functional styles of Slavic languages. Papers in thematic session XV International Congress of Slavists, 20-27.08. – 2013. – Siedlce: Wydawnictwo Uniwersitetu Przyrodniczo-Humanistycznego w Siedlcach. – P. 99-109.

155. Ohnheiser I. Стирание стилевых границ в словообразовании и словоупотреблении / I.Ohnheiser // Word-formation and the new functional styles of Slavic languages. Papers in thematic session XV International Congress of Slavists, 20-27.08. – 2013. – Siedlce: Wydawnictwo Uniwersitetu Przyrodniczo-Humanistycznego w Siedlcach. – P. 67-82.

Словари

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М.: УРСС: Едиториал УРСС, 2004. – 571 с.

2. Большой энциклопедический словарь. – СПб: «Норинт», 2000. – 1456 с.

3. Города России: энциклопедия / Гл. ред. Г.М.Лаппо. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. – 559 с.

4. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: В 2 т. / Т.Ф.Ефремова. – М.: Русский язык, 2009.

5. Ефремова Т.Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка / Т.Ф.Ефремова. – М.: АСТ: Астрель, 2005. – 636, [4] с.

6. Котелова Н.З. Проект словаря новых слов русского языка / Н.З.Котелова. – Л.: Наука, 1982. – 86 с.

7. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. - М.: Флинта: Наука, 2003. – 840 с.

8. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н.Ярцевой. – М.: «Советская энциклопедия», 1990. – 685 с.

9. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / Под ред. В.М.Мокиенко. – М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005. – 926, [2] с.
10. Русские названия жителей: Словарь-справочник / Под ред. И.Л.Городецкой, Е.А.Левашова. – М.: Русские словари, Астрель, Аст, 2003. – 363 с.
11. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / РАН Ин-т рус. яз.; под общей ред. Н.Ю.Шведовой. – М.: Азбуковник, 1998. Том 1. – 807 с.
12. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / РАН Ин-т рус. яз.; под общей ред. Н.Ю.Шведовой. – М.: Азбуковник, 2000. Том 2. – 762 с.
13. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / РАН Ин-т рус. яз.; под общей ред. Н.Ю.Шведовой. – М.: Азбуковник, 2003. Том 3. – 720 с.
14. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / РАН Ин-т рус. яз.; под общей ред. Н.Ю.Шведовой. – М.: РАН Ин-т рус.яз., 2007. Том 4. – 952 с.
15. Словарь лингвистических терминов / Под ред. Т.В.Жеребило. – Назрань: Пилигрим, 2010. – 486 с.
16. Словарь новых слов русского языка (середина 50 – середина 80-х годов) / Под ред. Н.З.Котеловой. – СПб: «Дмитрий Буланин», 1995. – 876 с.
17. Словарь-справочник лингвистических терминов / Под ред. Д.Э.Розенталя. – М.: Просвещение, 1976. – 543 с.
18. Словарь-тезаурус русских прилагательных, распределенных по тематических группам / Под общ. ред. проф. Л.Г.Бабенко. – М.: Проспект, 2014. – 232 с.
19. *Кожина М.Н.* Стилистический энциклопедический словарь русского языка / М.Н.Кожина. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 696 с.

20. *Тихонов А.Н.* Словообразовательный словарь русского языка: ок. 145000 слов: В 2-х т. Т.1. – М.: Русский язык, 1985. – 854 с.

21. *Тихонов А.Н.* Словообразовательный словарь русского языка: ок. 145000 слов: В 2-х т. Т.2. – М.: Русский язык, 1985. – 885 с.